

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2(9) 2013

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (9) 2013

Established in 2009
Published four times a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

Editorial Board

Polina Dambueva, Zarema Ekba, Valentin Gusev, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbeev, Martine Robbeets (Belgium / Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmet'yanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2013

Co-published with

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (9) 2013

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия / Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2013

Совместно с

CONTENTS

No 2 (9) 2013

In memoriam Galina F. Blagova	6
Maria Amelina, Yulia Normanskaya . History of the protolanguage names of clothes and footwear in Nenets	13
Anna Loktionova . Selkup ethnographic collections in the museums of the Tomsk region: history of collecting and research, collections' composition	62
Arzhana Majzina . Phraseological units with colour components <i>kara</i> 'black' and <i>kyzyl</i> 'red' characterizing physiological states of a person in the Altai language	71
Natalia Pushkareva (Sajnakova) . On history of the Selkup family Sychins	87
Rosa Tadinova . Adaptation of the Turkic front labial vowel phoneme $\gamma / \ddot{u} /$ in the Dagestani languages	97
László Honti . On the origins of paired verbs (serial verbs) in the Finno-Ugric languages of the Volga-Kama region	109

DISCUSSIONS

Vadim Ponaryadov . Reflection of the Proto-Permic final vowels of the second syllable in Erzya	114
Mikhail Zhivlov . On the Erzyan vocalism of the second syllable	121

PERSONALIA

Igor Kormushin . Boris I. Tatarincev (October 1939 — January 2011)	123
---	-----

REVIEWS

Dmitry Funk . Modern olonkhosoots' Olonkho: about preservation and publication problems of epic texts. <i>Tomskaya D. A. Үчүгэй Үөдүүгүйээн, Куһаҕан Ходьугур</i> [Yuchyugey Yudyuguyeyen, Kusagan Khodzhugur]	127
Style sheet	130
How to subscribe	133

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (9) 2013

Памяти Галины Федоровны Благовой	6
М. К. Амелина, Ю. В. Норманская. История исконных названий одежды и обуви в ненецком языке	13
А. А. Локтионова. Селькупские этнографические коллекции в музеях Томской области: история сборов и исследований, характеристика их состава	62
А. Н. Майзина. Фразеологические единицы с цветовыми компонентами <i>кара</i> 'черный' и <i>кызыл</i> 'красный', характеризующие физиологическое состояние человека, в алтайском языке	71
Н. В. Пушкарёва (Сайнакова). К истории селькупской семьи Сычиных.....	87
Р. А. Тадинова. Адаптация тюркской переднерядной огубленной гласной фонемы <i>γ /ü/</i> в дагестанских языках	97
Л. Хонти. К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона	109

ДИСКУССИИ

В. В. Понарядов. Отражение прафинно-пермских конечных гласных второго слога в эрзянском языке	114
М. А. Живлов. К вопросу об эрзянском вокализме второго слога	121

ПЕРСОНАЛИИ

И. В. Кормушин. Борис Исакович Татаринцев (октябрь 1939 — январь 2011)	123
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Д. А. Функ. Олонхо современных олонхосутов: о проблемах сохранения и издания эпических текстов. <i>Томская Д. А. Үчүгэй Үөдүгүэйэн, Куһабан Ходьугур [Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур]</i>	127
--	-----

Требования к оформлению статей.....	130
Как подписаться	133

Памяти Галины Федоровны Благовой

Галина Федоровна Благова (Данько) родилась в Москве 31 августа 1927 г. Она закончила восточное отделение филологического факультета МГУ по специальности «Тюркская филология», а в 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по “Бабур-наме”».

С 1956 по 1974 г. Г. Ф. Благова в качестве заведующего Отделом языков и письменности народов СССР занималась редакторской деятельностью в журнале «Вопросы языкознания». С конца 1975 г. Галина Федоровна — старший научный сотрудник Сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР, ученый секретарь Советского комитета тюркологов при ОЛЯ РАН, а также с середины 80-х гг. — член редколлегии журнала «Советская тюркология».

Докторская диссертация Г. Ф. Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)» была защищена в 1982 г.

Как член Отдела урало-алтайских языков Г. Ф. Благова активно участвовала в многолетней разработке важных исследовательских направлений тюркского языкознания — сравнительно-исторической грамматики и этимологического словаря тюркских языков.

В последнее десятилетие Галина Федоровна отдавала много сил историографии тюркского языкознания. Усилиями Г. Ф. Благовой и Д. М. Насилова был издан однотомник трудов А. Н. Самойловича «Тюркское языкознание. Филология. Руника» (М., 2005). На основе архивных материалов Галина Федоровна выпустила еще один том, посвященный научной деятельности этого выдающегося ученого, — «Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография» (М., 2008). Последний по времени замысел Г. Ф. Благовой — монография «История тюркологии второй половины XIX — начала XX века», где обобщены результаты, полученные ею в процессе архивных разысканий.

До последнего дня своей жизни Г. Ф. Благова была ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН, членом спецсовета по защите докторских диссертаций по специальности 10.02.02, членом редколлегии журналов «Урало-алтайские исследования» и «Российская тюркология».

Галина Федоровна Благова скончалась 26 июля 2013 г. на 86-м году жизни.

В. М. Алматов, д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, директор Института языкознания РАН:

С Галиной Федоровной Благовой я был знаком много лет, хотя не могу сказать, что мы общались часто. Впервые я узнал ее как хорошего редактора. Задолго до того, как я пришел в Институт языкознания, мне доводилось сотрудничать с Институтом, печататься в его изданиях. И не раз редактором моих статей была Галина Федоровна, с которой было очень легко и приятно работать.

Позднее, с 1980-х гг., мы контактировали по вопросам истории отечественной науки — непосредственно или через нашего общего коллегу и соавтора Федора Дмитриевича Ашнина. Галине Федоровне, как и Федору Дмитриевичу, было интересно как изучать научное наследие предшественников, так и восстанавливать, часто по крупицам, их человеческие судьбы. История науки складывается из многих имен: одни были знамениты и внесли значительный вклад в науку, другие же были «незаметненькими», как назвал одного из своих коллег К. К. Юдахин, но все служили делу и вместе создавали общую картину развития науки, в том числе тюркологии.

Особенно значимой была деятельность Галины Федоровны по изучению и публикации наследия академика А. Н. Самойловича. Итогом этой деятельности стали два тома (первый из них был подготовлен совместно с Д. М. Насиловым), вышедшие в 2005 и 2008 гг. В первый том вошли ранее не публиковавшиеся работы академика и переиздания его работ, разбросанных по малодоступным изданиям; во второй — переписка А. Н. Самойловича и подписанные им документы.

А. Н. Самойлович, как известно, был арестован и расстрелян. Казалось бы, от его наследия ничего не должно было остаться, кроме прижизненных публикаций и, может быть, случайных материалов у частных лиц. Но оказалось, что архив ученого, изъятый НКВД, был не уничтожен, а передан двумя частями в Публичную библиотеку и Архив Академии наук. И большая заслуга Г. Ф. Благовой состоит в том, что она досконально изучила оба собрания, а затем издала и прокомментировала многие из хранящихся там материалов.

Иногда находки оказывались совершенно неожиданными. Мой отец много лет работал в секторе Института истории, возглавлявшемся известной ученой, одной из первых у нас женщин-академиков — Милицей Васильевной Нечкиной. Казалось бы, она никак не относилась к востоко-

ведению, хотя было известно, что она окончила Казанский университет. Но вот письмо от 1922 г. А. Н. Самойловичу от С. Е. Малова с описанием заседания в этом университете, которое было посвящено памяти незадолго до этого скончавшегося Н. Ф. Катанова. Там было несколько заранее подготовленных докладов, но сверх этого подняла руку «студентка Нечкина» и произнесла яркую речь о покойном, превратившуюся, как отмечает С. Е. Малов, еще в один доклад. Не было бы этой архивной находки, мы ничего бы не знали о том, что будущий академик М. В. Нечкина училась у Н. Ф. Катанова и тепло к нему относилась.

Но, прежде всего, архив дает представление о самом Александре Николаевиче. И Галина Федоровна не ограничилась публикаторской и комментаторской деятельностью. Во втором томе ею написаны четыре статьи: «Плеяда востоковедов-единомышленников в противостоянии новой и старой школ (первые десятилетия XX в.)», «Загадки архива А. Н. Самойловича», «Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика А. Н. Самойловича» и «Новая тюркология и новое учение о языке: А. Н. Самойлович и Н. Я. Марр». Все эти статьи очень интересны.

В объемистой первой статье рассмотрена история русского и советского востоковедения не только в заявленный в заглавии период, но и в течение всей эпохи с середины XIX в. до 30-х гг. XX в. Если во многих историографических работах ученые оказывались на одно лицо, то Г. Ф. Благова показала и их различия. В ранний период своего развития русское востоковедение было склонно к далеко идущим построениям, не опиравшимся на факты, а позже стало преобладать, по словам Галины Федоровны, «кропотливое и тщательное изучение памятников, сочетавшееся с новыми, более совершенными подходами к анализу».

В очерке также подробно рассмотрена и личность А. Н. Самойловича, особенности его характера. Вот два ученых: А. Н. Самойлович и С. Е. Малов. Они были ровесниками, имели хорошую подготовку и многое сделали в тюркологии. Но Александр Николаевич обладал еще и «общественным темпераментом», которого был лишен его коллега. Г. Ф. Благова показывает, что с ранних лет у А. Н. Самойловича проявлялись задатки лидера, полностью реализовавшиеся после революции, когда он активно вел не только научно-педагогическую, но и научно-организационную, просветительскую, а некоторое время и дипломатическую деятельность. Из его переписки становится ясно, как много он помогал людям — с устройством на работу, с переездом в другой город и т. д. Однако в то же время общественная деятельность сильно отвлекала его от науки, многие планы остались нереализованными. И в 1937 г. далекий от политики С. Е. Малов уцелел (хотя арестованные тюркологи давали показания и против него), а А. Н. Самойлович стал удобной мишенью.

Не обошла Галина Федоровна вниманием и сложный вопрос об отношении изучаемого ею персонажа к «новому учению о языке» Н. Я. Марра. Среди крупных русских востоковедов А. Н. Самойлович был почти единственным, кто публично заявлял о следовании этому учению, которое, как сейчас общепризнанно, было антинаучным. В статье Г. Ф. Благовой показано, что тому было несколько причин. Личные отношения Н. Я. Марра и А. Н. Самойловича всегда были хорошими, и в конфликтных ситуациях Н. Я. Марр поддерживал младшего коллегу. Правда, однажды Александр Николаевич все же испытал на себе гнев «громовержца» за приверженность «буржуазной идее» о том, что сходство тюркских языков обусловлено их родством, и ему долго пришлось каяться. Но, очевидно, А. Н. Самойловичу, всегда стремившемуся к новаторству в науке, просто были интересны необычные идеи Н. Я. Марра.

Несомненно, вклад Галины Федоровны Благовой в изучение наследия академика А. Н. Самойловича очень велик, и ее имя останется в нашей историографии науки.

И один из немногих эпизодов личного характера, когда с подачи Г. Ф. Благовой мое имя, кажется, единственный раз прозвучало по центральному радио. В 2006 г. Галина Федоровна написала на радио в передачу «Встреча с песней», где просила почтить память ее коллеги по работе в Институте языкознания Азы Керимовой и исполнить песню «Сад мой любимый». Письмо было прочитано, и песня исполнена. Я сказал об этом Галине Федоровне, и, к ее и моему огорчению, оказалось, что она передачу пропустила. Спустя четыре года она еще раз написала в ту же передачу, на этот раз попросив, чтобы ее назвали Галиной Федоровной без указания фамилии. Но я ее, разумеется, опознал, т. к. в письме говорилось: «Я знаю, что Вашу передачу слушает член-корреспондент Академии наук Владимир Михайлович Алпатов». Я был сильно смущен этим, а Галину Федоровну на этот раз не решился спросить, слышала ли она это письмо, и теперь никогда уже этого не узнаю.

Когда в 2012 г. я пришел в Институт языкознания, то был рад встретить там Галину Федоровну Благову. Но она уже была больна, и было видно, что ей трудно приходиться в Институт. И все-таки, когда могла, она всегда приходила.

Добрая ей память.

П. П. Дамбуева, д. ф. н., проф., ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН:

Весть о кончине Галины Федоровны Благовой оказалась для нас, коллег, неожиданной: не было, к счастью, ни продолжительной болезни, ни вынужденного заточения. До последних дней Галина Федоровна была с нами, были давно выношенные планы и связанные с ними надежды — всё как всегда. Но работе «Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография» (М., 2008) было суждено стать последней монографией, которую Г. Ф. Благова увидела вышедшей в свет.

Имя Галины Федоровны Благовой хорошо известно в научном сообществе, и теперь, когда ее нет с нами и пришла пора подводить итоги, можно сказать, что в своей области науки Г. Ф. Благова была одним из лидеров. Она является автором многочисленных монографий и статей: достаточно упомянуть об ее участии в таких фундаментальных работах, как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» и «Этимологический словарь тюркских языков». В работах об А. Н. Самойловиче, Н. И. Ильминском, Л. З. Будагове и др. под талантливым пером Галины Федоровны оживали не только образы ученых, но и воссоздавался внешний облик эпохи, в которой они жили, благодаря чему эти труды представляют собой подлинные и яркие документы истории отечественной науки.

В Отделе урало-алтайских языков Института языкознания, где Галина Федоровна работала с 1975 г., сохранились ее фотографии: в глазах — глубокое знание жизни, мудрое сочувствие умного и чуткого человека, который все понимает без слов. А вот другая фотография. Здесь Галина Федоровна предстает молодежью красивой женщиной с продолговатым, правильным и чистым лицом, еще не утратившим юношеских очертаний. И только сосредоточенность взгляда выдает характерную для Галины Федоровны черту, которую замечали коллеги: этот скромный, мягкий человек, если найдет нужным, может встать против враждебной силы крепко, твердо и не уступит ей...

Яркий талант Г. Ф. Благовой сочетался с исключительной работоспособностью, а работала она всегда, всю свою жизнь, невзирая на обстоятельства. Человек с колоссальным жизненным опытом, Галина Федоровна была чрезвычайно интересным собеседником: она помнила драматические события, связанные с дискуссиями о языкознании, работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», массовыми арестами и ссылками в лагерь. Много лет проработав в редакции журнала «Вопросы языкознания», она была непревзойденным стилистом, способным легкими и уверенными штрихами быстро выправить текст. Творческая работа была для Галины Федоровны тем затаенным, заветным, чем человек живет, давала возможность проявить особенности и свойства ее свободного духа, выразить то невысказанное, что каждый носит в себе. Работа в редакциях журналов «Вопросы языкознания», «Советская тюркология» и «Урало-алтайские исследования» расширяла область ее интересов, тесно связывала с зарубежным сообществом ученых.

Галины Федоровны теперь с нами нет, но осталась светлая память о ней, осталось твердое убеждение: она прожила долгую и счастливую жизнь, в которой были женское и материнское счастье, семейное благополучие, ступени карьерного роста, любящие и любимые родственники и друзья. Еще свежи дорогие воспоминания о коллеге, и мы скорбим и прощаемся с ней.

Ю. В. Норманская, д. ф. н., старший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН:

Галина Федоровна Благова была одним из самых активных членов редколлегии журнала «Урало-алтайские исследования»: она придумала и до конца жизни руководила разделом «Персоналии», сама писала многие статьи в эту рубрику и тщательно редактировала чужие, фактически была соавтором большинства статей об ученых. До последних дней Галина Федоровна была полна идей, которые хотела реализовать в работе над новыми номерами журнала. Она заканчивала статью о Н. И. Ильминском, которая должна была войти в следующий номер, подготовила список из нескольких десятков фамилий ученых, чьи памятные даты были в 2012 и 2013 гг., и мечтала, чтобы мы каждому из них посвятили отдельную статью. У Галины Федоровны было так много задумок и энтузиазма, что у нас, гораздо более молодых сотрудников, не хватало сил успевать за ее планами. При этом к каждой (даже самой маленькой) заметке Галина Федоровна относилась с огромной тщательностью, многократно перечитывала и правила, придавая значение оттенкам каждого слова. Для нас ее деятельность была примером того, как надо работать с текстами.

Но важно отметить, что энтузиазм Галины Федоровны, столь удивительный в преклонном возрасте, был продиктован в первую очередь любовью к уже ушедшим и живущим рядом с ней ученым, желанием почтить память выдающихся исследователей прошлых столетий, рассказать нам,

сегодняшним ученым и будущим, об их научных открытиях, показать, насколько сильно то, что мы делаем сейчас, перекликается и связано с их работами. А когда Галина Федоровна писала о живых, то, по ее словам, это было послание в будущее, как бы маленький прижизненный памятник ее дорогим коллегам. Так, работая в журнале и заботясь о доброй памяти о научных заслугах других ученых, Галина Федоровна оставила нам светлую память о себе как о человеке, искренне любившем людей.

И. Л. Кызласов, д. ф. н., ведущий научный сотрудник, зав. Группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН:

Пару лет назад возникла мысль, опираясь на возможности общественного Института тюркологии и энтузиазм его руководителя Ахмата Алабиевича Глашева, собрать этнонимические работы Галины Федоровны Благовой в единый сборник. Потребность в таком издании ощущалась не столько в филологической среде, давно и хорошо знакомой с публикациями исследовательницы, сколько в кругу историков, приверженных к тюркологии и стремящихся разобраться в этнонимических процессах, весьма изменчивых как во времени, так и в разных по культуре и языку обществах. Труды Г. Ф. Благовой, наполненные подлинным историзмом и охватывающие условия появления и всего периода бытования того или иного тюркского народного имени в русском языке, были незаменимы. Однако они выходили в разные годы в журналах и сборниках, далеко не всегда известных, а то и малодоступных читателю-историку. Помимо прочего, было вполне очевидно, что объединение таких статей в одной книге способно придать им новое качество и большую значимость.

Заручившись согласием Галины Федоровны, обсудив перечень публикаций и получив от исследовательницы указания по поводу порядка их размещения в будущей книге, мы принялись за собирание изданий, компьютерный набор и вычитку текстов. Все это заняло немало времени. Работа совпала с трудностями, в которых неожиданно оказался столь хорошо задуманный Институт тюркологии и с которыми, отстаивая основополагающие задачи, А. А. Глашев справлялся фактически в одиночку.

Лишь прошлой зимой распечатанные страницы были переданы автору. Текст книги прошел три редакции: Галина Федоровна написала введение, раз за разом перерабатывала, нередко весьма значительно, составляющие том очерки, дополнила их приложениями. Вероятно, исходя из историзма проведенных исследований и их документальной базы, можно сказать, летописно-нарративной, исследовательница с самого начала поручила мне ответственное редактирование и настаивала на соответствующем предисловии. Необходимыми оказались и ориентированные на историков примечания. Потребовалась и сугубо техническая работа — приведение к общему виду ссылок на литературу, некогда построенных в соответствии с не совпадающими между собой нормами журнальных и серийных изданий.

В ожидании всех этих изменений и дополнений Г. Ф. Благова упорно работала над авторским текстом, изменяя его не только содержательно, но и стилистически. Со стороны казалось, что делать этого не требовалось — текст читался с удовольствием, совершенство изложения часто вызывало радость. Однако Галина Федоровна продолжала добиваться от каждой фразы возможно большей ясности.

Предварять такое произведение каким-либо предисловием было невозможно. К тому же книга посвящалась памяти Николая Константиновича Дмитриева и должна была открываться его портретом. Сохраняя цельность построения, удалось склонить Галину Федоровну к послесловию историка. Полагаю, что особая сложность написания тех страниц очевидна всякому. Отказавшись от нескольких вариантов, отчаявшийся историк подал прошение автору о редактировании очередного такого текста. Галина Федоровна работала над ним дважды и, поясняя каждое сокращение, последовательно придавала изложению сдержанность и суховатость. В противовес этому от исторических примечаний она требовала все большей и большей подробности.

Трогательной была забота о коллегах, проявляемая Галиной Федоровной во время совместной работы. Единственный раз она позволила довести до рабочего стола тяжелую папку с крупно распечатанным для ее зрения текстом книги. Во всех остальных случаях, экономя мое время, Г. Ф. Благова встречала доставляемые материалы на станции метро, до которого ей приходилось добираться троллейбусом, и краткий разговор происходил внизу, на скамейке платформы, в перерывах меж гулом прибывающих составов. Нередко согласование возникавших вопросов или исправляемых фраз происходило по телефону. И не было случая, чтобы Галина Федоровна не справилась о здоровье моей старенькой матушки.

Во второй половине мая подготовленная рукопись книги была передана в типографию для макетирования. Набор вызвал определенные сложности, и самой Галине Федоровне уже не довелось увидеть корректуру.

Содержащие авторскую правку экземпляры рукописи полноценно отражают этапы работы Г. Ф. Благовой. Нет сомнения в том, что эти материалы найдут место в личном фонде Галины Федоровны, который будет создан в Архиве Института языкознания РАН.

Г. Ц. Пюрбеев, д. ф. н., проф., главный научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН:

Считаю, что судьба подарила мне счастливую возможность и высокую честь работать многие годы в Институте рядом с такими неординарными учеными и яркими личностями, как Галина Федоровна Благова. В своем научном творчестве она отличалась неустанным поиском нового, смело бралась за разработку сложных и острых проблем тюркской филологии и при этом всегда демонстрировала пример блестящего их решения. Многочисленные, самые разные по тематике статьи и книги Галины Федоровны стали выдающимся вкладом в исследование тюркской грамматики, в теорию и историю российской тюркологии.

Д. Б. Рамазанова, к. ф. н., старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) имени Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан:

Российская тюркологическая наука понесла тяжелую утрату. В июле 2013 г. на 86-ом году жизни от нас ушел известный тюрколог, учитель, ученый в настоящем понимании этого слова — Галина Федоровна Благова.

Мы, живущие и ведущие свою научную работу в глубинке, узнаем ведущих ученых сначала по их трудам. Будучи аспиранткой, я часто обращалась к журналу «Вопросы языкознания», в котором печатались интересные статьи о лингвистических особенностях тюркских, русского и финно-угорских языков, об истории их развития. Так мы узнали о Н. К. Дмитриеве, В. М. Насилове, Э. Н. Наджипе, Э. Р. Тенишеве и др. К этой плеяде крупных ученых принадлежала и Г. Ф. Благова, долгие годы работавшая в журнале «Вопросы языкознания». Твердая редакторская рука Галины Федоровны в течение ряда лет ощущалась и в кратких, но емких отчетах Советского комитета тюркологов при ОЛЯ РАН, где она была ученым секретарем.

Однако Г. Ф. Благова как специалист по тюркской филологии не могла не встать на стезю науки. Для своей кандидатской диссертации она выбрала тему, связанную с исследованием письменного памятника «Бабур-наме». Она владела узбекским языком, причем с его крылатыми выражениями, фразеологизмами, т. е. со всей смысловой красотой и богатством, что было принципиально важным для изучения истории языка.

В ходе работы над кандидатской диссертацией мне неоднократно приходилось обращаться к статье Г. Ф. Благовой «Узбекская диалектология и изучение староузбекского языка»¹, т. к. при исследовании особенностей пермского говора татарского языка выявилось много общего с языком «Бабур-наме», причем на всех языковых уровнях. Положения данной статьи окрыляли еще и потому, что отражали мысль: «язык и история есть отражение друг друга».

Позже, в 1982 г., была издана монография Г. Ф. Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)», ставшая для нас, диалектологов, настольной книгой, т. к. историю развития и особенности становления грамматического строя невозможно раскрыть без учета ареального аспекта. В дальнейших своих изысканиях Галина Федоровна развивала ареальный подход в исследованиях в сравнительно-историческом плане, о чем свидетельствуют ее многочисленные публикации 80—90-х гг.

Активное мышление, неиссякаемое трудолюбие, богатый опыт изучения письменных источников, разносторонний подход при их анализе — все это способствовало формированию Г. Ф. Благовой как ученого. Галина Федоровна занималась разработкой важных узловых проблем тюркологии, вела результативные творческие исследования в различных направлениях.

Наиболее важными среди них являются труды, посвященные вопросам сравнительно-исторической грамматики, и работа над этимологическим словарем тюркских языков. Г. Ф. Благова принимала активное участие в разработке новой серии «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (2000, 2002, 2006 гг.). Эти книги явились прочным фундаментом для наших исследований, позволили шире и глубже взглянуть на историю развития лексической, фонетиче-

¹ Статья опубликована в журнале «Вопросы языкознания» (1965, №11).

ской и грамматической систем языка, историю взаимоотношений типологических изменений между языками алтайской семьи. Эти важные труды оказывают нам и нашим ученикам неоценимую помощь в исследованиях.

Одна из важных сторон деятельности Галины Федоровны продиктована ее безграничным уважением к наследию своих предшественников. Благодаря ее стараниям мы имеем возможность полнее представить себе творческую деятельность Н. К. Дмитриева, А. Н. Самойловича, Л. З. Будагова и др.

Ценной является и ее книга «Пословица и жизнь: личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе» (М., 2000). В этой книге отражены и зафиксированы на века мудрость, опыт и ум народа, которые сумела передать Г. Ф. Благовой ее мать.

Достойный ученый, человек с огромным и добрым сердцем — такой останется Галина Федоровна для нас, бесконечно ей благодарных учеников».

А. В. Дыбо, д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, зав. Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН:

С Галиной Федоровной Благовой я познакомилась в августе 1981 г., когда пришла в Сектор тюркских языков лаборантом в Группу этимологического словаря. Тогда я только что кончила ОСиПЛ МГУ и собиралась поступать в заочную аспирантуру Института русского языка, чтобы продолжить изучение истории именного склонения в древнерусских диалектах. Галина Федоровна же как раз готовилась в это время к защите своей докторской диссертации «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении». Взаимный интерес у нас возник, когда Галина Федоровна просмотрела случайно попавшийся ей под руку текст моей дипломной работы («Именное склонение новгородских диалектов XIII—XIV вв. и проблема локализации памятников письменности»), — кто-то передал его в Сектор, чтобы я отнесла его в ИРЯ. Тут она и обратилась к зажатой — отчасти от личной застенчивости, отчасти от корпоративного высокомерия, с которым (что греха таить) все тогдашние выпускники ОСиПЛа смотрели на «традиционных лингвистов», — вчерашней студентке: «Смотрите-ка, а мы с вами, оказывается, занимаемся одним и тем же!»

Оказалось — удивительное. Точка зрения и методы, которые для меня, слависта и ученицы А. А. Зализняка и В. А. Дыбо, казались сами собой разумеющимися (система языка памятника — конгломерат традиционного языка и случайно проникших явлений из системы диалекта автора, а в случае списков — из диалектов переписчиков; можно установить направление изменения подсистемы от реконструированного состояния к современному диалектному и найти среди диалектных явлений в памятниках следы промежуточных ступеней этой подсистемы; на этом основании можно определить диалектную принадлежность системы автора и / или переписчика), — все эти приемы, давно разрабатываемые в сравнительно-исторической славистике, были здесь личным изобретением Галины Федоровны, которое она храбро, с боем проталкивала сквозь стену общего непонимания. Ее книга вызвала поначалу реакцию неприятия у тюркологического сообщества, которое не сразу осознало декларирувавшийся в ней системный подход и неявно сформулированный принцип «преемственности языковых систем» (термин Р. О. Якобсона).

В своих работах по истории тюркского склонения Г. Ф. Благова выделила для тюркских языков четыре типа внутренне организованных систем именных парадигм; показала с помощью картографирования современных диалектов архаизмы и инновации в этих системах в юго-восточной зоне тюркских языков; выявила внутрипарадигменные и обусловленные междиалектными контактами процессы; обследовала основные письменные памятники, традиционно относимые к юго-восточной зоне, и на основании статистики встречаемости форм склонения выявила тенденции изменения систем склонения в идиолектах авторов этих памятников, которые также легли на диалектную карту.

Надо сказать, что и сейчас можно назвать лишь несколько тюркологических работ, выполненных в русле этого направления, открытого для российской тюркологии Галиной Федоровной². Вероятно, дело в чрезвычайной трудоемкости такого исследования, требующего не только полного обследования языка памятника, но и владения несколькими тюркскими диалектологиями и исторической грамматикой тюркских языков, а также значительных источниковедческих познаний. Сама Галина Федоровна, кажется, впоследствии недооценивала этот цикл своих работ, ставя на первое место занятия историографией тюркологии.

² Одна из таких работ — монография Нуриевой Ф. Ш. «Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода» (Казань: Казанский государственный университет, 2004).

Галина Федоровна была выдающимся ученым, очень цельным, мужественным и глубоко интеллигентным человеком.

Работы Г. Ф. Благовой по истории тюркского склонения:

1) *Благова Г. Ф.* Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. 1968, 6. С. 81—98. {*Blagova G. F.* T'urkskij affiksali'nyj pleonazm v sravnitel'no-istoričeskom i areal'no-lingvističeskom osveščanii // *Voprosy jazykoznanija*. 1968, 6. S. 81—98.}

2) *Благова Г. Ф.* Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения) // Вопросы языкознания. 1970, 1. С. 60—81. {*Blagova G. F.* Tendecii k usložneniju t'urkskogo padežnogo sklonenija (Opyt sravnitel'no-tipologičeskogo izučenija) // *Voprosy jazykoznanija*. 1970, 1. S. 60—81.}

3) *Благова Г. Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов // Вопросы языкознания. 1977, 3. С. 86—100. {*Blagova G. F.* O metodike izučenija morfologii srednevekovyx t'urkskix poetičeskix tekstov // *Voprosy jazykoznanija*. 1977, 3. S. 86—100.}

4) *Благова Г. Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982. {*Blagova G. F.* T'urkskoe sklonenie v areal'no-istoričeskom osveščanii (Jugo-vostočnyj region). M., 1982.}

5) *Благова Г. Ф.* Категория падежа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1988. С. 28—136. {*Blagova G. F.* Kategorija padeža // *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Otv. red. Tenišev E. R. M.*, 1988. S. 28—136.}

6) *Благова Г. Ф.* Склонение личных и указательных местоимений // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1988. С. 210—255 (вкладыш). {*Blagova G. F.* Sklonenie ličnyx i ukazatel'nyx mestoimenij // *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Otv. red. Tenišev E. R. M.*, 1988. S. 210—255 (vkladyš).}

7) *Благова Г. Ф.* Карлукская группа: Морфология (кроме глагола) // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002. С. 508—543, 594—599. {*Blagova G. F.* Karlukskaja grupa: Morfologija (krome glagola) // *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Otv. red. Tenišev E. R. M.*, 2002. S. 508—543, 594—599.}

История исконных названий одежды и обуви в ненецком языке¹

Традиционная одежда любого народа выполняет не только утилитарные функции, но и знаковые: складываясь в определенных природно-климатических и исторических условиях, она не просто служит ярлыком, важной чертой, отличающей один этнос от другого, но и отражает мировоззрение народа, его представление о мире и месте человека в нем.

Одежда оленеводов-кочевников — ненцев, живущих в тяжелых климатических условиях Заполярья, — выкована самой природой, природой северной, суровой; веками оттачивались приемы кройки и шитья, отбиралась лучшая форма деталей. От ветра, разгоняющегося на безлесых просторах, должна укрыть тундровика его одежда, в колючий мороз — обогреть, в дождь — уберечь от сырости. Традиционная ненецкая одежда, прошедшая долгий исторический путь, является не только наиболее приспособленной к условиям тундры, но и позволяет ненецкому народу сохранять этническую самобытность и уникальность своей культуры и в настоящее время.

Основное хозяйственное занятие ненцев — оленеводство. Оно дает им все самое необходимое для жизни: возможность передвижения, пищу и, конечно, материал для покрытия чума и пошива одежды — оленью шкуру, незаменимую в суровых условиях Заполярья. Даже в настоящее время (с его установкой на глобализацию) представлено широкое разнообразие традиционной ненецкой одежды, изготавливаемой из оленьих шкур² (Рис. 1, 2).

В данной статье мы хотим с точки зрения лингвистики обратиться к вопросу о том, насколько традиционная ненецкая одежда отличается от прасамодийской и современных костюмов энцев, нганасан и селькупов. Очевидно, что анализ названий одежды важен при описании истории костюма, т. к. этимология дает возможность определить, какие из них являются исконными, а какие были заимствованы. В ряде случаев удается определить и источник заимствования, тогда можно предполагать, что и сам предмет одежды был заимствован. Если же название является исконным, можно предполагать, что та или иная вещь или фасон возникли у носителей языка в результате постепенной эволюции.

Ниже мы рассмотрим лишь исконные названия ненецкой одежды и попытаемся определить, насколько вещи, обозначаемые этими словами, отличаются от предметов, обозначавшихся их прасамодийскими этимонами. Задача, поставленная нами, кажется весьма амбициозной, поскольку с первого взгляда не вполне ясно, как анализ лексики может уточнить особенности прасамодийской одежды.

Однако при работе с названиями традиционной одежды, для которой существуют четкие правила относительно фасона, материала, расцветки и т. д., в ряде случаев оказывается возможным реконструировать не только общие значения (например, 'верхняя одежда'), но и уточненные (например, 'одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу'). Самодийские языки, как будет показано ниже, дают достаточно перспективный материал в этом отношении, потому что многие специфические особенности того или иного предмета одежды имеют отражение во всех современных самодийских языках.

С другой стороны, при работе с самодийскими названиями одежды возникает и определенная сложность, например, потому что селькупы в настоящее время практически не используют традиционную одежду, а энцы, видимо, в XIX в. окончательно утратили самобытный комплекс одежды и перешли на

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ №12-04-00269 «Реконструкция названий предметов материальной культуры в мордовских языках» и №11-04-00049а «Реконструкция названий оружия в алтайских и уральских языках», а также программы ОИФН «Типологическое и историческое изучение языковых явлений в их соотношении с культурной эволюцией, реконструкция культуры по данным языка» (проект «Реконструкция названий одежды в уральских и алтайских языках»). Иллюстрации к статье см. на с. 42—55.

² При этом традиционная ненецкая одежда воспринимается ненцами как необходимая и важная составляющая их культурной идентичности. О важности традиционной одежды в современной жизни ненцев говорит и факт использования ее не только оленеводами, постоянно проживающими в тундре, но и поселковыми и городскими ненцами, ведущими нетрадиционный образ жизни. Так, по данным социологического опроса среди ямальских ненцев, проведенного в 2003 г., «не имели и не пользовались в (...) национальной одеждой 12,3 респондентов (...); пользовались по праздникам каждый пятый опрошенный, пользовались постоянно чуть более половины опрошенных ненцев (57,3)» [Хайруллина 2005: 195—196].

нганасанский. Таким образом, получается, что только современные ненецкие и нганасанские, а также архивные селькупские данные о видах одежды могут быть использованы при реконструкции значений прасамодийских слов.

Этимологии большинства прасамодийских слов взяты из словаря [Janhunen 1977]. В ряде случаев благодаря тому, что за последние десять лет были опубликованы новые большие словари по энецкому и нганасанскому языкам, а также по тазовскому диалекту селькупского языка, составленные Е. А. Хелимским [Helimski 2007a, 2007b, 2007c], и диалектный словарь по южным и центральным селькупским диалектам, подготовленный к печати В. В. Быконя на основании материалов архива А. П. Дульзона [Быконя 2005], нам удалось дополнить прасамодийские этимологии Ю. Янхунена и предложить новые сравнения.

Специально подчеркнем, что за каждой из этимологий, полученных с помощью сравнительно-исторического метода, стоит долгий и кропотливый труд, зато степень их надежности высока, т. к. они строятся на полностью верифицируемом, практически математическом сравнении лексических данных современных языков. В настоящее время для самодийских языков в трудах Ю. Янхунена, Е. А. Хелимского, Т. Миколы и других ученых разработана система соответствий между фонемами современных языков. В тех случаях, когда, например, одной селькупской фонеме могут соответствовать две разных фонемы в нганасанском языке, практически всегда найдены правила распределения, т. е. описаны позиции, когда в языке-потомке возникает особая фонема или, наоборот, две праязыковые фонемы совпадают. Таким образом, в настоящее время мы можем сказать, какие слова в современных самодийских языках восходят к одному праязыковому корню или основе, а какие — к разным.

Соответственно, когда разработаны четкие правила соотнесения звуковых оболочек слов, важно проанализировать и соотношение значений рефлексов одного прасамодийского слова в современных самодийских языках и, если значения в них различаются, выявить, какое значение могло быть в праязыке. В монографии [Норманская, Дыбо 2010] был разработан алгоритм семантической реконструкции для названий природного окружения. В настоящей статье будет предпринята попытка применить этот алгоритм к названиям одежды.

Мы предполагаем, что в семантике названий одежды можно выделить три признаковые составляющие: материал, фасон (покрой), цвет; каждый из этих признаков в определенной этнической традиции может принимать значения из некоторого набора. Далее мы предлагаем реконструировать значение праязыкового названия одежды, исходя из следующих гипотез:

1) если в двух наиболее генетически удаленных друг от друга языках этимологически тождественные слова называют один и тот же предмет одежды, то можно предполагать, что эту же вещь обозначало и праязыковое слово;

2) если в двух наиболее генетически удаленных друг от друга языках предмет одежды, обозначаемый этимологически тождественными словами, характеризуется одним и тем же материалом / фасоном / цветом, то мы предполагаем, что этот признак одежды может быть реконструирован и для праязыка.

Важно отметить, что в обоих случаях мы не утверждаем, что праязыковое слово называло только этот предмет одежды, а также что он имел только такой материал / фасон / цвет. Эти гипотезы интуитивно кажутся вероятными, но нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке, которая будет возможна после сбора достаточного количества материала по реконструкции названий одежды для праязыков.

1. Виды одежды

1) Одежда, верхняя женская одежда (паница, ягушка)

Т ненец. *пáны* 1) 'одежда', 2) 'верхняя женская одежда (паница, ягушка)' [Терещенко 1965, 2008: 442], О, Т₁, S_j, U, MB, M *paññĩ* 'Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug' <'женская одежда'> [Lehtisalo 1956: 341]; Л ненец. *паны*, *панэй* 'одежда; верхняя женская одежда (ягушка, паница)' [Бармич, Вэлло 2002: 104], *пáйннэй* 'ягушка; одежда' [Приходько 2000: 172, 176], *pa'nəj*³ 'одежда' [Попова 1978: 92], *ñet pa'nəj* 'паница — верхняя женская одежда' [Попова 1978: 92], *l'at'suj pa'nəj* 'разрезная⁴ одежда' [Попова 1978: 92], Lj. *paññĩ*, S, Nj. *paññĩ* 'Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug' <'женская одежда'> [Lehtisalo 1956: 341];

ср.: энец. *фоно* 'женский комбинезон'; нган. *honi'ə* 'штаны' [Helimski 2007b]

³ В примерах, приводимых по [Попова 1978], символом ' обозначается ударность последующего слога.

⁴ Т. е. распашная.

< ПСС **рәпјә* (или **рәпз*) ‘верхняя одежда, меховой комбинезон’⁵ (ПСС **рәпјә* (или **рәпз*) ‘одежда’ [Аникин, Хелимский 2007: 128]) ~ (< ?) ПСтунг **рәпјә* ‘наряжаться; наряд, нарядный’: эвенк. неп. *һанисин*, эвен. *һәһин* ‘наряд’ и др. [Аникин, Хелимский 2007: 128; ССТМЯ, 2: 314].

Ненецкая женская одежда (паница⁶, ягушка⁷) представлена двумя разновидностями.

Первый тип женской одежды — это своего рода распашная шуба, состоящая из трех частей, которые соединяются между собой конструктивными горизонтальными швами. Отличительной особенностью таких паниц, распространенных в первую очередь в Канинской и Тиманской тундрах, а также на острове Колгуев и архипелаге Новая Земля (и редко в низовьях Печоры), т. е. на западной территории расселения ненцев, можно считать горизонтальный покрой.

Верхняя часть такой паницы (до талии) сшивается из кусков беличьего, лисьего или бобрового меха, в швы между которыми вставляются полосы разноцветного сукна, свободно свисающие вдоль спины, груди и рукавов; иногда сукно оплетают узкими скрученными полосками из меха пушных зверей. Средняя часть такой паницы (на уровне талии) изготавливается из нескольких горизонтальных полос оленьего, а нижняя — собачьего меха. При этом меховые части отделяются друг от друга вставками из полосок разноцветного сукна, сшитых в вертикальном направлении (Рис. 3).

Верхняя часть паницы, сшитая из меха священных животных (белки, бобра), символизирует собой верхний мир, светлое начало, небо. Средняя часть паницы, изготовленная из оленьей шкуры, является изображением среднего мира, Земли — мира человека, мира оленевода-кочевника. Подол из собачьей шкуры — символ нижнего мира, от которого, по представлению ненцев, человека оберегает именно собака.

Особенность паниц горизонтального кроя — отсутствие шва на плечах: верхнюю часть рукава шьют вместе с наплечной частью лифа. К рукавам, широким в пройме и суживающимся к обшлаго, пришивают рукавицы, сшитые из камыса (шкуры с ног оленя). При этом на уровне запястья делается небольшой разрез, чтобы при необходимости женщина могла без труда высвободить руку. Воротник паницы принято изготавливать из шкуры песца или лисицы, т. к. мех этих животных хорошо сохраняет тепло.

К бортам паницы от воротника до самого низа на некотором расстоянии друг от друга пришивают завязки из ровдуги (замши из оленьей кожи). Большинство этих ремешков (верхние) завязываются изнутри, для чего женщине приходится вынимать руки из рукавов; нижние же — снаружи, внахлест, так, чтобы одна пола заходила на другую. На уровне талии завязки не делают, т. к. паницу следует подвязывать поясом. К одному из концов пояса женщина пришивает медную пряжку — большое (диаметр некоторых пряжек превышает 20 см) кольцо, в которое продевается длинный конец пояса.

Обычно под «горизонтальную» паницу надевают подклад, сшитый мехом вовнутрь из летней или зимней шкуры взрослого оленя, — его не пришивают к панице, а просто надевают под нее.

В западной тундре помимо «горизонтальных» паниц, верхние части которых сшиты из беличьих, лисьих или бобровых шкурок, встречаются также камысные паницы (Рис. 4, 5, 15, 49). Материалом для их верхней части служат детали, выкроенные из темных и белых шкур с оленьих ног (камысов). Сшитые вместе, эти детали образуют узор — белый на темном фоне или темный на белом (более редкий и, соответственно, нарядный).

Л. В. Хомич отмечает, что женская одежда горизонтального покроя («космологическая» паница, отражающая народные представления о трехчастности мироздания), которая сейчас бытует только в крайнезападных районах расселения ненцев (а также мужская малица западного типа — без капюшона, с воротником), в XVIII и XIX вв., а также эпизодически и в начале XX в. была распространена у всех групп ненцев вплоть до Енисея (сведения о бытовании такой одежды у ненцев Ямала относятся к началу XX в. [УСС 2005: 8]). Об этом свидетельствуют материалы В. Ф. Зуева [Зуев 1947: 28], И. Г. Георги [Георги 1799: 9], П. С. Палласа [Паллас 1788: 91] и более поздние — В. В. Бартенева [Бартнев 1896: 131] и К. М. Рычкова [Рычков 1916: 173].

Позже территория распространения «горизонтальных» паниц значительно сузилась: в основном женскую одежду такого покроя продолжали шить жительницы полуострова Канин Нос и Тиманской

⁵ Здесь и далее для ПС форм дается уточненное значение. Объяснение семантической реконструкции см. ниже в основном тексте статьи. Те ПС формы, для которых нет ссылки на [Janhunen 1977], насколько нам известно, предлагаются впервые в настоящей статье.

⁶ Русское слово *паница* употребляется западнее Уральских гор — в Ненецком автономном округе (Архангельской области), Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах.

⁷ Русское слово *ягушка* употребляется восточнее Уральских гор — в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах (Тюменской области), Ямальской, Гыданской, Тазовской и др. тундрах, Пуровской тайге.

тундры, тогда как женщины, кочующие со своими семьями в низовьях Печоры (в Малоземельской и Большеземельской тундрах), чаще стали одеваться в паницы восточного типа, повсеместно распространенные в Зауралье. В настоящее время женские паницы горизонтального покроя имеют очень ограниченное распространение.

Паницы второго, восточного, типа отличаются от «трехчастных» как материалом, из которого они изготавливаются, так и самим покроем (Рис. 2, 6—9, 11, 12, 32, 52, 54). Их шьют целиком из шкур трехмесячных оленят, которых для изготовления одежды взрослой женщины может потребоваться около восьми. Кроют такие паницы не в горизонтальном, а в вертикальном направлении: стан паниц этого типа состоит из спины, собранной из трех частей, и двух пол. Рукава кроются отдельно и имеют ластовицы, к ним так же, как и к паницам первого типа, пришивают рукавицы (Рис. 18). Подол выкраивается отдельно, часто из шкуры более темного оттенка, обычно совпадающей по цвету с бортами (Рис. 2, 8, 9). Воротник чаще всего шьют из меха песца (Рис. 7—9, 11), лисицы или зайца (на Колгуеве — также из оленьего меха). Завязываются «вертикальные» паницы так же, как и «трехчастные», с помощью ровдужных ремешков (Рис. 35).

Суконную, летнюю, паницу кроют так же, как и меховую «вертикальную» паницу (без швов на плечах), только в нижнюю часть стана вставляют дополнительные клинья (Рис. 10, 22, 29, 39, 40). Рукавиц и подклада такая паница не имеет, воротник же обычно изготавливают из песцового (Рис. 29, 39) или лисьего меха. Как правило, основные детали летней паницы шьют из сукна одного цвета, манжеты рукавов и подол — из другого, а украшают паницу узкими суконными вставками третьего, яркого, оттенка (Рис. 10). Некоторые мастерицы шьют себе летнюю одежду из разноцветных суконных полотнищ, в этом случае она не имеет клиньев. Покрой такой «бесклинной» паницы считается старинным — в отличие от кроя одноцветной «суконки» с клиньями.

Ненецкие слова сравнивают с энец. *фоно* 'женский комбинезон', нган. *honiʔə* 'штаны' [Helimski 2007b]. Комплект женской одежды у нганасан и энцев включал комбинезоны — верхний и нижний. Верхние комбинезоны представляли собой сочетание корсажа со штанами с закрытой грудью (*hónie*), которые шили из шкуры мехом внутрь. Нижний комбинезон шили из ровдуги; его грудь и бедра украшали цветным орнаментом, грудь — также металлическими бляхами, орнаментированными пластинками из желтой меди и другими атрибутами, связанными с женскими занятиями, например, нашитыми в ряд трубочками-игольниками и кольцами. Утепленный *hónie* делался из шкур с подстриженной шерстью, его надевали поверх ровдужного комбинезона; на нем не было украшений, но их аналогом были выкрашенные в красный цвет прямоугольники на груди.

Можно предположить, что ПСС **рəпјə* (**рəпз*) обозначало 'верхнюю одежду, меховой комбинезон', поскольку и у ненцев встречались рудименты комбинезона. Как отмечается в [Хомич 1966: 128], в районах, расположенных восточнее полуострова Канин Нос, женские штаны имели «пришивной нагрудник, представляющий собой полосу меха или ровдуги от талии до шеи». Сверху такой нагрудник имел два ровдужных ремешка, которые завязывались сзади на шее. Наличие нагрудника объясняется бытованием женской распашной одежды (Т ненец. *пáны* [Терещенко 1965, 2008: 442]) «в условиях суровой природы» [Хомич 1966: 128]. Заслуживает внимания следующее сообщение А. Соболева о ненцах Гыданского полуострова: «(…) на теле женщина носит из шкуры оленя нечто вроде длинного передника от шеи до колен, надеваемого на плечи при помощи ременных лямок» [Соболев 1926: 128]. В издании [Хомич 1966: 128] указывается, что «ненецкий нагрудник является рудиментом комбинезона, воспринятого самодийскими народностями от аборигенов северного побережья». Вероятно, предположение о заимствовании обусловлено тем, что, насколько нам известно, комбинезон является традиционной одеждой палеоазиатов. Таким образом, указание на сходство ПСС **рəпјə* (**рəпз*) 'верхняя одежда, меховой комбинезон' и ПСТунг **рəпј-* 'наряжаться; наряд, нарядный' (см. [Аникин, Хелимский 2007: 128]) не является весьма убедительным, т. к. плохо объяснимо с точки зрения этнографии.

С исчезновением у ненцев комбинезонов такого типа слова Т ненец. *пáны*, Л ненец. *паны*, *панэй*⁸ стали описывать верхнюю женскую одежду, а с появлением паницы (ягушки) — использоваться и для ее обозначения, т. к. именно она стала основной верхней женской одеждой ненцев.

Итак, сравнение ненецкого слова с его этимологическими аналогами в других самодийских языках позволяет сделать вывод о том, что паница (ягушка) является специфической ненецкой одеждой, не свойственной другим самодийским народам, что она появилась, вероятно, уже после разделения север-

⁸ Здесь и далее при употреблении в тексте ненецких слов мы цитируем лишь две основных формы (тундровую по словарю [Терещенко 1965, 2008] и лесную по [Бармич, Вэлло 2002]), а полный перечень их диалектных вариантов, в т. ч. и по другим источникам, приводится в начале каждого раздела.

носамодийских языков. Поскольку ненецкое название паницы (ягушки) не было заимствовано и имеет этимологические аналоги в других самодийских языках, можно предположить, что и сам фасон не был заимствован, а появился на собственно ненецкой почве.

Затем покрой ненецкой ягушки был заимствован соседними, в т. ч. несамодийскими, народами: «Контакты с хантами, энцами и селькупам в XVIII — начале XX в. привели к распространению ненецкой одежды у части этих народов» [Квашнин 2007: 59]. В результате контактов с хантыйским населением ненецкая ягушка в свою очередь подверглась некоторым изменениям: «Фигурные узоры на ягушках (изображающие олени рога, след медведя, головки соболя, заячьи уши и т. д.) вместо опушки по подолу собачьим мехом, по мнению Л. В. Хомич, первыми стали делать ханты, которые заимствовали у ненцев тип распашной женской одежды⁹ (...). С такими видоизменениями ягушка стала проникать к ненцам. Поначалу ямальские ненки пришивали к своим ягушкам тонкие полоски ткани с мелким однообразным узором, а потом постепенно перенимали искусство орнаментирования у приуральских и нижнеобских хантов» [Квашнин 2007: 60].

2) Парка (верхняя меховая одежда)

Т ненец. *парка* ‘пárка (верхняя меховая одежда мужчины)’, *паркă(сь)* ‘покроить, скроить, выкроить, раскроить’ [Терещенко 1965, 2008: 448], О, Sj. *pārkk̄p̄* ‘Pelzüberrock des Mannes von der Art eines Sowiks, aber verziert und aus dünnhaarigem Herbstfell des Renntierkalbs gefertigt; wird von den Ostjaken und Wogulen getragen, wenn sie gut gekleidet sein wollen’ <‘меховая верхняя одежда мужчины, изготовленная из осенних телячьих шкур’>, О, T₁ *pārkk̄q̄* ‘zu einem Kleidungsstückzuschneiden (Fell, Zeug), Sjo. *pārkk̄q̄š* id. [Lehtisalo 1956: 346]; Л ненец. *‘pālka* ‘верхняя меховая мужская одежда’ [Попова 1978: 90]¹⁰;

ср.: энец. *page* ‘одежда’, *pagelaa* ‘шкура, пригодная для пошива одежды’, *pagi’o* ‘небольшая доска для кройки мелких вещей’ [Helinski 2007a]; сельк. таз. *pōrk̄iqo* ‘выкроить’, *pōrk̄i* ‘штаны’, *porq̄i* ‘одежда’ [Helinski 2007c], об. *porq̄* ~ *porq̄ə*, кет. *porq̄* ~ *porq̄ə* ~ *porq̄a*, вас. *porq̄* ~ *porq̄ə* ~ *porq̄ə*, ел. *porq̄* ~ *porq̄ə* ~ *purq̄*, об. с. *porq̄ə* ~ *porq̄ə*, тым. *porq̄ə* 1) ‘шуба’, 2) ‘одежда’, 3) ‘листва’, тур. *poroq̄ə* ‘шуба’ [Быконя 2005: 192—193]; кам. *pərya*; мат. *harga* ‘одежда, шуба’

< ПС **pārkk̄* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’ (**pārkk̄* ‘платье, одежда’ [Janhunen 1977: 116—117])¹¹ < ПТунг **bārga-* ‘одеваться’: ульч. *bargaž̄i-* ‘одеваться’, орок. *baGd̄ux̄i-* ‘одежда’ и др. [ССТМЯ, 1: 73; EDAL].

⁹ См. об этом [Хомич 1966: 126].

¹⁰ Ненецкое существительное *парка* имеет семантический потенциал к расширению своего значения, оно «стремится» к обозначению одежды в широком смысле, а не только верхней: так, его производные (с «каритивным» значением) обозначают не просто действие ‘снять парку (верхнюю одежду)’, а ‘раздеться (полностью), оголиться, обнажиться’. Например: Т ненец. *паркась(сь)* 1) ‘быть голым, нагим, обнаженным (о человеке)’, 2) (перен.) ‘быть бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448]; Л ненец. *pārkk̄š(š)* 1) ‘быть раздетым’, 2) ‘быть бедным’ [Попова 1978: 90]; Т ненец. *паркасьлэмь* 1) ‘оголиться, обнажиться’, 2) (перен.) ‘обеднеть, стать бедным’, *паркасьлворц̄* (многокр.) 1) ‘оголяться, обнажаться’, 2) (перен.) ‘беднеть, становится бедным’, *паркасьлмд̄н̄(сь)* (б.-з. и зап., несов.) 1) ‘оголяться, обнажаться’, 2) (перен.) ‘беднеть, становится бедным’, *паркасьлмде(сь)* 1) ‘оголить, обнажить’, 2) (перен.) ‘сделать бедным’, *паркасьлмдемб̄(сь)* (длит.) 1) ‘оголять, обнажать’, 2) (перен.) ‘делать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448]. Интересно, что в школьном словаре [Терещенко 1989] приводится только слово Т ненец. *паркаси* ‘нагишом’ [Терещенко 1989: 88], а само существительное *парка* отсутствует. Здесь следует упомянуть также словосочетание Т ненец. *м̄р̄н̄г̄* ‘парка ‘цветок морошки’ (букв. ‘морошки парка’) [Терещенко 1965, 2008: 448], которое также свидетельствует о тенденции к расширению значения. Как в тундровом, так и в лесном ненецком зафиксированы переносные значения с семей ‘бедный’ у производных от слова *парка* лексем: ‘не имеющий парки’ > ‘голый’ > ‘бедный’, ‘нагота’ > ‘бедность’ и т. д., — что также говорит о широком семантическом потенциале этого корня.

¹¹ В работе [Аникин, Хелимский 2007: 61] указывается на возможную связь ПС *pārkk̄* ‘одежда, шуба’ [Janhunen 1977: 116—117] ~ ? ПТМ **perk̄i* ‘штаны (натасники)’, ср. эвенк. *hərk̄i*, эвен. *hərk̄ə*, орок. *pəru*, нан. Нх *pəru*, Бк *fəru* и др. [ССТМЯ, 2: 369; Василевич 1969: 136], эвенк. *hōrk̄i* ‘вид штанов (чулок, сапог) у мужчин и женщин’ [Mueller 2003: 32, 37, 238]. Но, как отмечают и сами авторы, сравнение затрудняется различиями в семантике и отношениями гласных. «Нен(ецкий) рефлекс сам(одийской) лексемы (*парка* (...)) заимствован в коми диал. *парка*, хант. низям., казым. *pərya*, а также в рус. сев., сиб. *pārka*» [Аникин 2000: 441], «откуда якут. *pārka* и англ. (сначала на Аляске, с конца XIX в.) *parka, parkee* ‘вид верхней одежды (у эскимосов)’» [Аникин 2003: 434—435], которое в последнее время возвращается в русский язык как название меховой одежды [Аникин, Хелимский 2007: 61].

Ненецкая парка представляет собой глухую (в отличие от распашных парок других северных народов), сшитую из оленьих шкур мужскую верхнюю одежду, которая надевается поверх малицы¹²: «У ненцев Ямала, северных ханты и манси паркой называется глухая одежда типа сокуя¹³, надеваемая поверх малицы» [СЭ 2004: 716]. Ненецкая парка обязательно имеет капюшон: «*Парка* (ненец.) — традиционная верхняя одежда у народов Севера и Сибири, глухого покроя, с капюшоном, из оленьих шкур, овчины, котика, калана, птичьих шкурок, мехом наружу» [ЭМ 1997]. Парка в отличие от сокуя (Рис. 13) не предназначена для сильных морозов.

Подробное описание внешнего вида и покроя ненецкой парки встречается в работе Н. Ф. Прытковой [Прыткова 1970]: «При небольших морозах поверх малицы ненцы надевали *парку* — глухую одежду, сшитую мехом наружу. Делали ее из тонких шкурок оленьих телят. (...) Характерная особенность покроя состояла в том, что спинка *парки* выкраивалась вместе с затылочной частью капюшона из одной целой шкуры, причем на капюшон приходилась часть шкуры, снятая с головы оленя. Отверстия от глаз и рогов обычно зашивали, вводя в швы светлый мех и красное сукно. В отверстия оснований ушей прикрепляли кисточки из цветных суконных полосок. *Парку* украшали широкой орнаментированной полосой, выполненной техникой меховой мозаики, вшитой между подолом одежды и пандой¹⁴. Такие же полосы орнамента украшали лицевой край капюшона и обшлага *парки*. *Парка*, но более тщательно сшитая из низкошерстных оленьих шкур и богато украшенная меховой мозаикой, широко известна как одежда северных групп ханты и манси. Большое распространение *парка* имела у ненцев Ямала, живущих по соседству с обскими уграми» (цит. по: [УСС 2005: 7]).

Сравнение ненецкого слова с его этимологическими аналогами в других самодийских языках позволяет реконструировать ПС **pårkå* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’, т. к. это значение широко представлено как в северно-, так и в южносамодийских языках. Возможно ли уточнить и реконструировать особенности покроя ПС **pårkå*?

Как отмечается в [Народы Западной Сибири 2005], особенности верхней плечевой одежды энцев совпадают с особенностями ненецкой парки. Верхняя одежда энцев была глухой, с капюшоном, ее шили из шкур короткошерстных пыжиков (шкур оленят, убитых осенью) мехом наружу. Различается лишь характер украшения этой одежды: у нганасан и энцев — это отдельно выкроенный кусок в форме нагрудника, вшитый в центр переда. Ненцы, как было сказано выше, украшали парку широкой орнаментированной полосой, вшитой между подолом одежды и пандой и выполненной в технике меховой мозаики.

У селькупов одежда, обозначаемая рефлексам ПС **pårkå*, в настоящее время вышла из употребления. Однако упоминание о селькупской парке как распашной одежде (без конструктивных продольных швов, «обернутой»), встречается в материалах Е. Д. Прокофьевой: «Характерной зимней одеждой северных селькупов была *парка* (*паргы*) — открытая спереди шуба из оленьих шкур, сшитых мехом наружу. (...) *парку* носили и мужчины, и женщины» [Прокофьева 1956: 675]. М. А. Кастрен в своей коллекционной описи также приводит термин *тарый порко* ‘мохнатая парка’: «Это короткая распашная одежда (до колен), стан ее цельнокроенный из одной шкуры, без швов на боках, с узкими полками и надрезами для пройм, куда вшивали рукава одежды. Сшита *парка* из оленьей постельной шкуры, мехом наружу; к левому борту одежды пришиты ровдужные завязки, парные к ним завязки пришиты справа на груди. Таким образом, одежда слегка запахивается слева направо. Широкий в пройме рукав заканчивается пришитой к нему камусной рукавицей — *порь*. Пришивают ее наглухо, оставляя незашитым место над ладонью для вынимания руки. К концу рукава, покрывая это отверстие, пришит клапан из черной бумажной ткани с вышивкой крестом цветными нитками» [УСС 2005: 9—10]¹⁵.

¹² Малица — «глухая, без разреза, одежда, сшитая из телячьих шкур (осенних или летних) (шкур оленят, возраст которых составляет несколько месяцев) мехом внутрь» [Хомич 1966: 116].

¹³ Сокуй (гусь, совик) — «верхняя меховая одежда мужчины, надеваемая в сильные морозы поверх малицы, шьется мехом наверх» [Терещенко 1965, 2008: 518]; см. Рис. 13. Русское слово *сокуй* (< Т ненец. тайм. *сок* = ямал. *сõк* [Терещенко 1965, 2008: 566]) преимущественно распространено на Таймыре, на самой восточной территории расселения ненцев, существительное *гусь* в значении верхней меховой одежды — на полуострове Ямал, а *совик* — на территории западнее Уральских гор (< Т ненец. б.-з., зап. *сáвк* [Терещенко 1965, 2008: 518]).

¹⁴ *Панда* (от Т ненец. *панд*”(ð) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ [Терещенко 1965, 2008: 441]) — полоса меха шириной 17—20 см, пришитая по подолу малицы мехом наружу.

¹⁵ Ср. также определение парки как распашной одежды у других народов Севера: «*Парка* — зимняя меховая распашная мужская и женская одежда, распространенная на севере Западной и частично Восточной Сибири у долган, селькупов, эвенков, кетов и др. У кетов и некоторых групп эвенков шилась из одной шкуры оленя, обернутой вокруг тела, с завязками на сходящихся спереди полах (...)» [СЭ 2004: 716].

Таким образом, общим для всех самодийцев является принцип покроя парки из оленьих шкур мехом наружу, без швов по бокам. Однако у северных самодийцев парка была глухой, в то время как у южных самодийцев (селькупов), видимо, распашной. Отсутствие данных об особенностях фасона и покроя парки у камасинцев и маторцев не позволяет уточнить, глухой или распашной была ПС **pårkå*.

3) Штаны, брюки

Т ненец. *пи"мя* 'брюки, штаны' [Терещенко 1965, 2008: 472; Терещенко 1989: 179], О, Т₁ *piŋ'm'e*, U *pi"m'e*, U-Ts. *pi"m'ē*, M *pi"m'e* 'Hose (auch der Frauen)' <'брюки, штаны (также женские)'\> [Lehtisalo 1956: 385]; Л ненец. *'piŋ'ma* 'штаны из шкур, брюки' [Попова 1978: 104], *пи"мя* 'брюки, штаны' [Бармич, Вэлло 2002: 112, 173, 284], *ни"мя* 'брюки' [Приходько 2000: 136, 176], Lj. *piŋ"m'əp*, S, Nj. *piŋ"m'əp*, Kis., P₂ *piŋ"m'əz* 'Hose (auch der Frauen)' <'брюки, штаны (также женские)'\> [Lehtisalo 1956: 385];

ср.: энец. *pi'e* 'штаны' [Helimski 2007a]; сельк. таз. *piŋmi* ~ *piŋmi* ~ *piŋmi* 'штаны' [Helimski 2007c], об. с., тым., ел. *пим*, ел. *пимме* 'брюки', ел. *пимме* 'брюки', об. ш. *пим*, *пõм*, *пõмм*, *пõм*, об. ч. *пõмме*, *вас. пõме* 'брюки', *вас. пõмме* 'брюки', тым. *пэмэ* 'брюки', кет. *пюммы* 'брюки' [Быконя 2005: 187—203]; кам. *pi'tə* 'чулки, женское платье'

< ПС **pit'mä*¹⁶ 'штаны' [Janhunen 1977: 127] < ПУ **pitV-* 'деталь одежды на ноги': саам. I *piddo* 'высокие сделанные из материи женские гольфы' [Itkonen, 2: 355]; хант. V, Vj *pätki* 'засучить рукава; подтянуть штаны, продев в них ремень', Tj *pitär*, казым. *pitär*, O *putär* 'засучить рукава; подвернуть брюки' [DEWOS: 1244]¹⁷.

Мужские штаны *пи"мя* ненцы шили «из пыжика¹⁸ или пашин¹⁹ телячьей постели мехом к телу», прежде — «из шкуры хора²⁰ или быка²¹ (оленья-самца)» [Хомич 1966: 120]. Верхняя часть штанов не имела разреза, на талии штаны поддерживались с помощью вздержки из ровдуги. Такие штаны шились как «натасники» с надставками в виде штанин, которые спускались ниже колена и заправлялись в меховые чулки (см. ниже *либт"*, *тобак*) [Хомич 1966: 120]. Летние штаны шились из ровдуги [Хомич 1966: 122, 130].

Женские штаны шили из «короткошерстной оленьей шкуры мехом внутрь» [Хомич 1966: 127]. Надставные штанины также спускались ниже колен и заправлялись в меховые чулки, за голенища обуви [Хомич 1966: 127—128] (интересно, что, по данным Г. Д. Вербова, штанины женщин-энок, наоборот, покрывали сверху голенища пимов [Хомич 1966: 128, сн. 34]). На талии женские штаны поддерживались с помощью пришитого ремешка, к которому также привязывались ровдужные завязки меховых чулок (обуви), чтобы они не спадали.

У ненцев женские штаны, как и женская обувь, считаются «нечистыми» и должны храниться отдельно от мужских и детских: Т ненец. тайм. *Вэсаку' хасава ню ненэюта ня' ма:* — «Чедав' сэр" паны серыди'! Сямэй пивиди', *пимди' хаейди'!*»²² («Нув' мядончей», расск. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 8—9]. «Сын старика сказал обеим женам: — "Теперь-то одевайтесь в белые парки (паницы, ягушки). Свои нечистые бакари и штаны оставляйте!"» («Подарок от Бога», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 10—11].

Как было сказано выше, в районах, расположенных восточнее полуострова Канин Нос, женские штаны имели «пришивной нагрудник, представляющий собой полосу меха или ровдуги от талии до шеи» [Хомич 1966: 128]. У селькупов и народов Саянского нагорья женские штаны не имели нагрудника, а нганасанские женщины традиционно носили комбинезоны, закрывающие грудь, но имеющие большой вырез на спине. Вероятно, с отсутствием штанов у нганасан связан тот факт, что в нганасанском языке нет рефлекса ПС **pit'mä* 'штаны'. Учитывая различия в семантике рефлексов ПС **pit'mä* и ПСС **rəŋjə* (**rəŋz*), мы предполагаем, что на ПС уровне были **pit'mä* 'штаны' (которые сохранились и

¹⁶ В словаре [Janhunen 1977] с помощью символа *t*³ обозначаются *c*, *k*, *s*, *t*, когда ПС согласный не удается реконструировать более точно [Janhunen 1977: 14].

¹⁷ Здесь и далее подчеркнуты сравнения, которые впервые, насколько нам известно, предлагаются в настоящей статье.

¹⁸ Пыжик — шкура олененка в возрасте до одного месяца.

¹⁹ Пашина — кожа из нижней брюшной, паховой части тела животного.

²⁰ Хор — некастрированный олень-самец (от Т ненец. *хора* 'олень-самец').

²¹ Бык — кастрированный олень-самец.

²² Сохранена орфография и пунктуация источника [Ненецкий фольклор 1995].

на ПСС уровне), а в ПСС период, вероятно, появился и заимствованный ПСС **rəŋjə* (**rəŋz*) ‘верхняя одежда, меховой комбинезон’. Затем у нганасан и у ненцев, живущих восточнее полуострова Канин Нос, вышли из употребления обычные штаны, возможно, в связи с суровыми климатическими условиями, а у канинских ненцев, наоборот, перестал использоваться комбинезон.

2. Детали одежды

1) Рукав

Т ненец. *тю* ‘рукав (одежды)’ [Терещенко 1965, 2008: 695], *тю* ‘рукав (одежды)’ [Терещенко 1989: 135, 264], О *ʃʰū*, Sj., М *tʰū* ‘Ärmel’ (‘рукав’) [Lehtisalo 1956: 519]²³; Л ненец. *tʰū* [hʰū] ‘рукав’ [Попова 1978: 133], *чу* ‘рукав (одежды)’ [Бармич, Вэлло 2002: 147, 257], *чу* ‘рукав’ [Приходько 2000: 104, 172], S, P *ʃʰū*, Kis. *ʃʰū* ‘Ärmel’ (‘рукав’) [Lehtisalo 1956: 519];

ср.: энец. *tiojo* ‘рукав’ [Helimski 2007a]; нган. *чииде* ‘рукав’; сельк. таз. *tünʼaŋ* ‘рукав’ [Helimski 2007c], вас. *тõнак*, об. ч. *тõнақ* ‘рукав; рукава’, *тунак* ‘то же’, об. с., вас. *тунан* ‘рукав; рукава’, кет., ел. *түнэкт*, ел. *түняп* ‘рукав; рукава’ [Быконя 2005: 242—245]; кам. *ʃu* ‘рукав’

< ПС **tüaj* ‘рукав’ [Janhunen 1977: 167] < ПУ **soja* ‘рука’ → ‘рукав’ [UEW: 445].

Рукава мужской верхней одежды ненцев — малицы — имеют особый покрой. «У малицы <...> стан шился из двух цельных больших шкур, расположенных хвостовой частью вниз: сшивая края шкур, оставляли не сшитыми места (проймы) для вшивания рукавов» [УСС 2005: 7] (*Рис. 21, 23, 24, 27, 28, 47*). Особый покрой рукавов, образующих широкую пройму, позволяет, не снимая малицы, вынуть руки из рукавов и не только согреть их под одеждой (за пазухой), но и выполнить различные действия (например, набить трубку и т. д.). Нижняя часть рукава малицы — Т ненец. *уоталма* ‘нижняя расшитая часть рукава верхней одежды (куда пришиваются рукавицы)’ [Терещенко 1965, 2008: 399], S *ʃʰūⁿ, nʼä* ‘aß’ ‘Mündungsloch des Ärmels’ (‘отверстие в рукаве’) [Lehtisalo 1956: 519] — обычно обрамляется тонкими разноцветными полосками сукна и полосой белого камыса (*Рис. 28*).

Рукава женской верхней одежды ненцев — паницы, или ягушки — «прямые, сильно суженные к манжету, широкие в пройме» [НЖЗО 2006: 6], причем верхнюю часть рукава кроют и шьют вместе с наплечной частью лифа, а нижняя часть выкраивается отдельно из шейной части шкуры [Хомич 1966: 124; НЖЗО 2006: 6]. Нижняя часть рукава паницы (ягушки) имеет манжеты, украшенные орнаментом (Т ненец. *тю’ мадавы* ‘узоры на рукаве’ [Терещенко 1965, 2008: 214, 695], Л ненец. *чу’ матамый* ‘узоры на рукавах’ [Приходько 2000: 104, 172]) или суконными прошивками [НЖЗО 2006: 7], и обрамляется в самом низу полосой белого камыса (*Рис. 7, 8, 16, 17, 32, 35*). Плечевую часть рукава паницы также украшают суконными прошивками или узорами (*Рис. 14, 15*): Т ненец. *мърць’ мадавы* ‘плечевые узоры’ [Терещенко 1965, 2008: 214, 238], Л ненец. *малый’ матамый* ‘узоры на плечах’ [Приходько 2000: 104, 171]. Рукава западных паниц (Канинская тундра) принято украшать свободно свисающими полосками разноцветного сукна (*Рис. 3, 15*), иногда вокруг них накручивают тонкие полосочки меха.

К рукавам как малицы, так и паницы (ягушки) наглухо пришивают рукавицы, сшитые из камыса мехом наружу (*Рис. 4, 15, 18, 19, 21, 23—25, 28, 43*); см. подробнее ниже.

С нижней стороны к рукавам детской одежды часто пришивают маленькие колокольчики, назначение которых — «отгонять злых духов» [Хомич 1966: 132]. На рукавах и плечах детской одежды может использоваться зигзагообразный узор (зигзаг с одной или двумя вершинами) — Т ненец. ямал. *нехэдяв* ‘отлогий’ [УСС 2005: 46; Терещенко 1965, 2008: 306], Л ненец. *няхачам* [УСС 2005: 46; Приходько 2000: 111].

На рукавах меховой женской одежды в восточной тундре (восточнее Уральских гор, особенно в Ямальской тундре) возможны сложные узоры: Т ненец. *хэвсыда тос* ‘не имеющий пары соболь’ [УСС 2005: 56], *пыря’ лы* ‘кость щуки’ (букв. ‘щуки кость’) [УСС 2005: 94] и *ехэна’ лы* ‘кость осетра’ (букв. ‘осетра кость’) [УСС 2005: 108], а также Л ненец. *пыля ниууды* [УСС 2005: 94], *пыля ниуу* [УСС 2005: 108] ‘челюсть щуки’ (букв. ‘щуки челюсть’). На рукавах летней (суконной) женской одежды делают узор Т ненец. *тос’ ха* ‘уши соболя’ (букв. ‘соболя уши’) [УСС 2005: 84].

Рукава меховой женской одежды в западной тундре (западнее Уральских гор, особенно в Канинской тундре) украшаются также орнаментами *ябтик* ‘тонкий’ (от Т ненец. *ябта* ‘тонкий, узкий’ [Терещенко 1965, 2008: 822]) и *хацала’ма* ‘зацепленный’, представляющими собой сочетание узких черных и белых полосок меха (*Рис. 5, 15*): первый узор — тонкие ровные полосы (*Рис. 52, 53*), второй узор — зигзагообразный [НЖЗО 2006: 6, 14; Хомич 1995; Бармич 2004].

²³ См. также фразеологизм: Т ненец. *туда нялкара* ‘у него опустились руки’ (букв. ‘рукава-его освободились’) [Терещенко 1965, 2008: 695].

Имя существительное *тю* употребительно в ненецком фольклоре при описании лишений героя, вынужденного ночевать на улице, не раздеваясь и подложив под голову рукав верхней одежды:

1) Т ненец. тайм. *Тадхав' мара' ниня, хасуй таб' ниня тюнда наронгочь*²⁴ *юсибтэй", хонарэй"* («Мосеку нгачеку», расск. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 39]. «Затем он лег на песчаной отмели, на сухом песке, подложив рукав под голову, и заснул» («Мальчик Мосеко», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 47].

2) Т ненец. тайм. *Нюдя Маринчар тадхав сярй' хуна ядбата нгод" пэсюменяна тюнда наронгочь манчилабтасьтыда. Хубта' юркасеты', нгани' ядалчеты"* («Сидя Маринча», расск. Яптуэ Очавка Юйнович, п. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 124]. «По дороге, когда наступает вечер, он (младший Маринча) ложится спать на землю, положив рукав под голову. Утром опять встает и снова идет» («Двое Маринча», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 128].

Как видно, рефлексy ПС **tüaj* 'рукав' сохраняются во всех самодийских языках, и это слово имеет надежную уральскую этимологию.

2) Виды рукавиц

2.1. Рукавицы

Т ненец. *юба*" 'рукавицы', *юба* 'рукавица' [Терещенко 1965, 2008: 392] (> *юбакоця*" 'рукавички, варежки', *юбакоця* 'рукавичка, варежка' [Терещенко 1965, 2008: 392]), канин., тиман., м.-з. *оба*" 'рукавицы', *оба* 'рукавица'; *юба* 'рукавица' [Терещенко 1989: 79, 264], О, Sj., МВ, U-Ts. *ηōB^Γϑ*, ОР *ηōϑϑ^ϑ*, Т₁ *ηōϑϑ*, U *ōb^Γϑ*, Sjo., M *ōϑϑ^ϑ* 'Fausthandschuh' <'рукавица, варежка'> [Lehtisalo 1956: 39]²⁵; Л ненец. *ηōра* [ηōpp^ρϑ] 'рукавица, пришитая к малице и женской одежде' [Попова 1978: 82], *юна* 'рукавица, варежка', *юна*" 'рукавицы, варежки' [Бармич, Вэлло 2002: 98, 257], *юна* 'варежка' [Приходько 2000: 136, 176], Lj., Nj. *ηōpp^ρϑ*, Kis., P *ηōpp^ρϑ* 'Fausthandschuh' <'рукавица, варежка'> [Lehtisalo 1956: 39];

ср.: энец. *обе* 'рукавица' [Helimski 2007a]; нган. *нуху* 'рукавица, варежка'; сельк. таз. *порй* 'рукавица' [Helimski 2007c], об. с., об. ш. *ноп*, тым. *нōп*, кет. *ноппы* 'рукавица; рукавицы', об., вас., тым. *ноб* ~ *нōб* ~ *нобэ* 'рукавица; рукавицы' [Быконя 2005: 150]; кам. *йба* 'рукавица'; мат. *оһа* 'рукавица'

< ПС **ора* 'рукавицы из камыса, пришиваемые к рукавам одежды' (**ора* 'рукавица' [Janhunen 1977: 29]).

К рукавам как малицы, так и паницы (ягушки) наглухо пришивают рукавицы, сшитые из камыса мехом наружу (Рис. 15, 18, 19, 21, 23, 24, 28, 43, 49). На запястье выше ладони они имеют отверстие, разрез — Т ненец. *юба' ня"āv* [Терещенко 1965, 2008: 392], Т₁ *ηōϑϑ^η n'āβ* 'Öffnung des Fausthandschuhs' <'отверстие в рукавице'> [Lehtisalo 1956: 39] — «для того, чтобы можно было при необходимости освободить руки от рукавиц» [Хомич 1966: 116—117, 125—126; УСС 2005: 7, 8]. Эта особенность была впервые отмечена участником Нидерландской экспедиции 1594—1595 гг. Гюйгенном ван Линсхотеном, который сообщал об одежде ненцев о. Вайгач следующее: «Платье их из меха, непокрытого снаружи, волосом вовнутрь, на руках перчатки, приделанные к рукаву, чтобы можно было всегда снимать и одевать, так же как и шапка на голове, приделанные к одежде» [Хомич 1966: 114].

Ненецкая рукавица состоит из двух частей: 1) основной части (для четырех пальцев) — Т ненец. *юба' не'(н)* [Терещенко 1965, 2008: 460], Т₁₃ *ηōϑам B'e*" 'Handfläche des Fausthandschuhs' <'ладонь рукавицы'> [Lehtisalo 1956: 39—40]; 2) части («отделения») для большого пальца — Т ненец. *юба' пикця* [Терещенко 1965, 2008: 464], *ηōϑам B'ikkp^ϑše* 'Daumen des Fausthandschuhs' <'большой палец рукавицы'> [Lehtisalo 1956: 40].

Энды и нганасаны также изготавливают рукавицы из камыса, поэтому этот тип рукавиц можно воссоздавать и для ПСС языка.

²⁴ Сохранена орфография и пунктуация источника [Ненецкий фольклор 1995]: сочетанием букв *нг* в этом издании передается *η*.

²⁵ Существительное *юба* используется и в переносном значении: Т ненец. *хаерад' юба*" 'разноцветные вертикальные полосы по обеим сторонам солнца в зимние месяцы перед морозом' (букв. 'солнца рукавицы') [Терещенко 1965, 2008: 721], U-Ts. *χājjārttṑ ḡB^Γadṑ* 'die Sonne "hat Fausthandschuhe an" (sagt man, wenn es vor kaltem Wetter aussieht, als ob drei Sonnen am Himmel ständen)' <'солнце «носит рукавицы» (говорят, когда перед холодной погодой кажется, что на небе три солнца)'> [Lehtisalo 1956: 40].

⟨‘малица с закрытыми рукавицами (у детей, а также взрослых, которые не работают)’⟩ [Lehtisalo 1956: 149].

Анализ рефлексов ПС **kəlV-* в других самодийских языках показывает, что, видимо, уже на прасамодийском уровне появилась детская одежда с зашитыми рукавами. Интересно, что гипотеза о заимствовании этого названия из тунгусо-маньчжурских языков (**xül-kse* ‘рукав’ [ССТМЯ, 2: 254]) соответствует этнографическим данным о существовании у тунгусов особой одежды с зашитыми рукавами, ср.: эвенк. *kukči*, эвен. *qiči* ‘спальный мешок; детская одежда с зашитыми рукавами’ [ССТМЯ, 1: 427; EDAL].

3) Подол

Т ненец. *пан* ‘нижний край (например, нюка); подол одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 440], О, Т₁, С₁, М *pān* ‘Saum (an einem Kleidungsstück, an der Zeltdecke, an der Zelttür); Saumstreifen (z. B. an der Malitza vor dem Hundefellstreifen)’ ⟨‘нижний край (одежды, крыши на чум), подол (например, малицы)’⟩ [Lehtisalo 1956: 346]; Л ненец. *pān* [p^oān] ‘подол, нижний край чего-либо матерчатого’ [Попова 1978: 92], *пан* 1) ‘нижний край крыши чума’, 2) ‘подол одежды’, 3) ‘край, конец (чего-либо)’ [Бармич, Вэлло 2002: 104, 240], Л₁, Н₁. *pān* ‘Saum (an einem Kleidungsstück, an der Zeltdecke, an der Zelttür); Saumstreifen (z. B. an der Malitza vor dem Hundefellstreifen)’ ⟨‘нижний край (одежды, крыши на чум), подол (например, малицы)’⟩ [Lehtisalo 1956: 346].

Возможно, ненецкое слово *пан* этимологически связано со следующими словами:

1. Т ненец. *панд*’(д) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ [Терещенко 1965, 2008: 441] (*пандад*’ хоба ‘шкура для подола’ [Терещенко 1965, 2008: 441]), О, С₁. *pānt*’^{си}, М *pānt*’^{си} ‘unterster Saumstreifen an der Malitza; Hundefellstreifen an der Malitza und am Frauenpelz’ ⟨‘нижняя часть подола малицы; подол из собачьей шкуры малицы и паницы’⟩ [Lehtisalo 1956: 347]; Л ненец. *pānt* [p^oānt] 1) ‘нижняя часть мужской меховой одежды’, 2) ‘опушка подола’ [Попова 1978: 93], Л₁. *pāntat*’^{си}, Н₁. *pāntat* (*pānat*) id. [Lehtisalo 1956: 347];

> Т ненец. *пандадондэ(сь)* 1) ‘шить нижнюю часть меховой одежды’, 2) ‘убивать оленя, чтобы получить шкуру для нижней части меховой одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 441]; Т ненец. *пандадосана* ‘шкура, пригодная для подола малицы’ [Терещенко 1965, 2008: 441];

2. Т ненец. *пану* ‘широкая полоса из бобровой или черной гладкой собачьей шкуры (пришивается на верхнюю женскую одежду)’ [Терещенко 1965, 2008: 442]; ср.: ямал. *нув*’ *пану* ‘радуга’ [Терещенко 1965, 2008: 442], б.-з. *панувдэ* ‘радуга’ [Терещенко 1965, 2008: 442].

Существительное *пан* имеет в Т и Л ненец. несколько значений: ‘нижний край’ и ‘подол’. Приведем несколько примеров:

1) Т ненец. *Нёнд пан нэд, якэда я’’авлы* ‘Откинь **нижний край** дверной занавески чума, очень дымно’ [Терещенко 1965, 2008: 440]. Ср. также: Т ненец. *нув*’ *пан* ‘край неба’ [Терещенко 1965, 2008: 440], Л ненец. *дяу пан* ‘край земли’ [Бармич, Вэлло 2002: 104].

2) Л ненец. *Неу панынта пан матамы* ‘У женщины **подол** одежды с орнаментом’ [Бармич, Вэлло 2002: 104]. Ср. также употребление слова *пан* во фразеологизмах: Т ненец. *пан*’ *уэсомана сарпя*’ *хэсь* ‘протопаться от частого посещения (о дорожке)’ [Терещенко 1965, 2008: 440], *пан*’ *ледэ(сь)* ‘торопиться куда-либо’ [Терещенко 1965, 2008: 440].

В Т ненец. представлены производные от существительного *пан* глаголы: Т ненец. *панондэ(сь)* (неперех.) ‘заниматься шитьем подола одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 442], *панондорць* (многокр.) ‘шить подол одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 442].

Ср.: энец. *padī* ‘пола, подол’ [Helimski 2007a]; нган. *hontəl’ir* ‘подол’ [Helimski 2007b], *хонтэ* [Терещенко 1979]; сельк. кет. *pāŋze* ‘подол’ [Быконя 2005: 185], вас. *понжар* ‘подол’ [Быконя 2005: 193]; кам. (С) *phandar* ‘передняя часть шубы’

< ПС **pāncə* ‘подол’ (ПС **pāncə* ‘(нижний) подол’ [Janhunen 1977: 116]) < ПУ **pančī* ‘хвост’ [UEW: 353²⁹; Aikio 2006: 23—24]³⁰.

²⁹ Сравнение дается без привлечения данных самодийских языков.

³⁰ В [Аникин, Хелимский 2007: 116] по не вполне понятным причинам предлагается выделять в отдельную этимологию северносамодийские формы — ПСС **pāntī* ‘подол’ — и указывается их возможная связь с ПТМ **panti(n)*: ульч. *пуну(н-)*, нан. Нх *пуну*’ ‘подол’, Нх *пунулэ-* ‘собрать что-либо в подол’ [ССТМЯ, 2: 45]. Предлагается, что не следует все же отказываться от сближения северносамодийских, селькупских и камасинских форм, которые мы вслед за [Aikio 2006: 23—24] считаем рефлексом ПУ **pančī* ‘хвост’.

Подол малицы, мужской верхней одежды, имеет опушку, сшитую из шкуры осеннего теленка или летней шкуры взрослого оленя (мех короткий и невысокого качества) [Хомич 1966: 117] — Т ненец. *панд''(д)* (Рис. 21, 28). Красивым мехом для подола малицы считается темный и даже черный; раньше у восточных (зауральских) и иногда у большеземельских ненцев встречалась опушка подола из собачьего меха (обычно белого) [Хомич 1966: 117]. Над опушкой принятошивать несколько полосок сукна (обычно желтого, зеленого или красного цвета). Сама опушка (панда) двойная: мехом внутрь и наружу [УСС 2005: 7].

Подол паницы (ягушки), женской верхней одежды, шьется из собачьей шкуры белого цвета (для паниц архаичного, горизонтального, кроя; Рис. 3, 5) [Хомич 1966: 124; НЖЗО 2006: 5] или из оленьей шкуры (няблюя³¹) более темного оттенка, обычно совпадающей по цвету с бортами (для паниц вертикального кроя; Рис. 2, 6, 8, 9, 12, 32) [Хомич 1966: 125; НЖЗО 2006: 7]. Между подолом и станом прокладывают две-три полоски из белого и темного меха или вставляют полосу орнамента [Хомич 1966: 125; НЖЗО 2006: 7]; в самом низу подол паницы (ягушки) окаймляется белым камысом (Рис. 2, 6, 8, 9, 12, 32). Ненецкие женщины, живущие в западной, Малоземельской, тундре выкраивают более широкий подол (Т ненец. *лата паны'пан*; см. Рис. 39), чем жительницы Большеземельской тундры. О территориальных различиях в пошиве подола женской одежды говорит и Л. В. Хомич: «⟨...⟩ на полуострове Ямал подол, борта и нижнюю часть рукавов делали всегда из темного меха» [Хомич 1966: 126]. Подол суконной (летней) паницы шьется из сукна, цвет которого отличен от основного (Рис. 10, 22).

Энцы и нганасаны обшивали подол не темным, а белым собачьим или песцовым мехом [Народы Западной Сибири 2005: 510]; ср. белый подол у ненецких паниц архаичного, горизонтального кроя, в отличие от темного подола у «вертикальных» паниц (ягушек). У северных селькупов, по данным [Прыткова 1970: 85], полы были надставлены полосами оленьего меха и имели запя́х «слева направо», к подолу пришивалась меховая надставка: сельк. кет. *пәңзе* 'подол' [Быконя 2005: 185], вас. *понжар* 'подол' [Быконя 2005: 193]. Таким образом, общесамодийской чертой можно считать наличие подола из меха, качество которого уточнить не удается.

4) Подкладка, матерчатая покрышка (маличная рубашка, маличная сорочка)

Т ненец. *тәүгәй* (канин. *тәгәй* [Хомич 1966: 118; ПМАК 2011]) 1) 'подкладка (одежды)', 2) 'матерчатая покрышка (например, маличная рубашка, покрышка одеяла, наволочка и т. д.)' [Терещенко 1965, 2008: 629], О *таңкыр*: *m'ūn'āñi tañkыр*, S ⟨...⟩ *таңкырә*, M *m'ūj tañкә* 'Futter (z. B. im Rock eines Russen)' ⟨'подкладка'⟩, M *pīn'n'ij tañкә* 'Überzug (am Kleid)' ⟨'чехол (на одежде)'⟩ [Lehtisalo 1956: 466]; Л ненец. *таука* 1) 'подкладка (одежды)', 2) 'матерчатая покрышка' [Бармич, Вэлло 2002: 125];

ср.: энец. *toga* 'подкладка' [Helimski 2007a]

< ПСС **таңкV* 'подкладка'³² < ПУ **таңка* 'кисточка, бахрама, подкладка' [UEW: 791³³].

Существительное *тәүгәй*, как видно из приведенных словарных толкований, может обозначать как внутреннюю подкладку (ср. также Т ненец. *хуты' тәүгәй* 'портянка', букв. 'сапога подкладка' [Терещенко 1965, 2008: 629]; Л ненец. *ни'мяу тајка* 'труссы', букв. 'штанов подкладка' [Приходько 2000: 137, 176]), так и внешнюю покрышку. Ср. также: Т ненец. *тәүгас* 'два слоя (например, две рубашки, надетые одна на другую; две нарты, поставленные друг на друга и т. д.)' [Терещенко 1965, 2008: 630], *таүгас* 'в несколько слоев (для большей устойчивости; для того, чтобы было теплее)' [Терещенко 1965, 2008: 630]; Т ненец. *Тобар тибин нимня таүгас'серын* 'Поверх пимов³⁴ я надел тобары³⁵' [Терещенко 1965, 2008: 630]. Однако чаще всего словом *тәүгәй* называется «маличная рубаха» («сорочка на малицу», «чехол на малицу»).

³¹ Няблюй — шкурка трех-четырёхмесячного олененка.

³² В [Аникин, Хелимский 2007: 116] под вопросом предлагается возможное сближение северносамодийских форм и сельк. *tangat* 'косая подпорка столбов рыболовного запора', далее указывается на сходство самодийских слов и маньчж. *таңқа* (неупотр.), *таңқан* 'ступень, ряд, слой и др.' [ССТМЯ, 2: 163]. Однако эти сближения представляются семантически значительно менее убедительными, чем предлагаемая нами уральская этимология северносамодийских слов.

³³ Сравнение дается без привлечения данных самодийских языков.

³⁴ О пимах (кисах, бакарях) см. ниже.

³⁵ Тобары (от Т ненец. *тобар''*) — «меховая короткая обувь, надеваемая поверх пимов» (кисов, бакарей) «во время таяния снега или в сильные морозы» (шьется мехом наружу) [Терещенко 1965, 2008: 664].

В тундровом ненецком существует множество производных от существительного *тәүгәй* глаголов: Т ненец. *тәүгәйт(сь)* (2 т.) 1) ‘пришить подкладку; надеть одно на другое’, 2) ‘подвести, прибить вплотную что-либо к чему-либо, причалить’ [Терещенко 1965, 2008: 629] > *тәүгәйтәмбәй(сь)* (длит.) [Терещенко 1965, 2008: 629]; *тәүгәйт(сь)* (3 т.) 1) ‘надеться одному на другое’, 2) ‘оказаться вплотную к чему-либо, прибиться к чему-либо’ [Терещенко 1965, 2008: 629] > *тәүгәйтәүгәй(сь)* (многокр.) [Терещенко 1965, 2008: 629]; *тәүгәйттәй(сь)* 1) ‘быть надетым, наложенным одному на другое’, 2) ‘быть вплотную к чему-либо, быть прибитым, причаленным к чему-либо’ [Терещенко 1965, 2008: 629—630]; *тәүгәйдә(сь)* ‘сделать на подкладке’ [Терещенко 1965, 2008: 630] > *тәүгәйдәмбәй(сь)* (длит.) ‘делать на подкладке’ [Терещенко 1965, 2008: 630].

Чтобы предохранить малицу от сырости, грязи и воздействия солнечных лучей, ненцы надевают поверх нее «маличную рубаху» из сукна или другой плотной материи разных цветов. По покрою маличная рубаха сходна с самой малицей: «Перед и спина сшивались из целых кусков и слегка расклеивались книзу, перед немного короче спины, рукава значительно шире к проймам, с ластовицами» [Хомич 1966: 118]. Чаще всего маличные рубахи шьют из синего или зеленого сукна (Рис. 21, 23, 24, 45, 47, 50); подол, край рукавов, ворот и плечевые швы украшают яркими узорами (часто из красного или желтого сукна): «В осенне-весенний период поверх малицы надевали наверхшницу³⁶, сшитую из сукна или хлопчатобумажных тканей. Украшение наверхшниц из сукна состояло из ярких чередующихся полосок сукна, расположенных над пандой³⁷» [УСС 2005: 8].

5) Нагрудник; передник на штанах

5.1. Т ненец. *пялик* ‘нагрудник в виде кусочка мягкой шкурки, которая закладывается за ворот одежды ребенка’ [Терещенко 1965, 2008: 510];

5.2. Т ненец. *пялься* ‘лоскут замши или ткани, который пришивается спереди к женским штанам’ [Терещенко 1965, 2008: 510]; Л ненец. *ṛal'ṣa* ‘фартук на женских штанах’ [Попова 1978: 91];

ср.: энец. *perose* ‘лоскуты замши или ткани, пришиваемые спереди к женским штанам’ [Helimski 2007a]; нган. *h'alu* ‘передняя часть, подол мужской парки; нагрудник шамана’ [Helimski 2007b]; кам. *ṛāli* ‘завязка для завязывания обуви на ноге’ [Donner 1944: 50]

< ПСС **pälV-* ‘нагрудник, свисающая деталь одежды спереди’ < ПС **pälV-* ‘свисающая деталь одежды’ < ПТМ **pil(a)-* ‘вид нагрудного ремня’: эвен. *hīl'p'p'n* ‘завязки у одежды, обуви; нагрудник; жилет меховой’ [ССТМЯ, 2: 323—324, 304; EDAL: 1811]³⁸.

5.1. *Пялик* представляет собой небольшой нагрудник из мягкой оленьей шкурки, который не пришивается, а свободно закладывается за воротник верхней меховой одежды ребенка, за воротник детской малицы (Рис. 25). Такой нагрудник не позволяет влаге, образуемой от дыхания, и слюне попадать внутрь малицы, что исключает возможность ее отсыревания и, следовательно, помогает сохранять тепло и сухость под одеждой, дольше поддерживать саму одежду в хорошем состоянии. При необходимости *пялик* снимается и просушивается. При дальней поездке в морозную погоду таким нагрудником пользуются и взрослые мужчины. По всей вероятности, эта реалья распространена только у тундровых ненцев и не представлена в районах расселения лесных ненцев.

В Т ненец. зафиксирован также глагол, образованный от существительного *пялик*: Т ненец. *пяликәць* ‘использовать мягкую шкурку в качестве нагрудника’ [Терещенко 1965, 2008: 510]. Этот глагол используется также во фразеологизмах (устойчивых выражениях) *тудм' пяликәць*, *ṛāmzam' пяликәць*, *няньм' пяликәць* ‘есть, таскать олений жир, мясо, хлеб большими кусками (нисколько не ценя их)’, например: *Ṛāmzi ṛāvortyna*, *тудо пяликәтына* ‘Мы будем есть мяса сколько заблагорассудится, будем таскать большими кусками олений жир’ [Терещенко 1965, 2008: 510]. Такое употребление этого слова связано с гигиеническими функциями *пялика*, который не позволяет влаге и грязи попадать под одежду, ведь употребление пищи большими кусками ассоциируется с неряшливостью.

5.2. Как уже было сказано выше, в районах, расположенных восточнее полуострова Канин Нос, женские штаны имели «пришивной нагрудник, представляющий собой полосу меха или ровдуги от талии до

³⁶ В [УСС 2005: 200] это слово снабжается комментарием: «защитный чехол на малицу».

³⁷ *Панда* (от Т ненец. *панд'*(д) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’) [Терещенко 1965, 2008: 441]) — полоса меха шириной 17—20 см, пришитая по подолу малицы мехом наружу.

³⁸ По сравнению с этимологией в [ССТМЯ, 2: 323—324] вслед за [EDAL: 1811] мы добавляем сближение с маньчжурской формой *feleku* ‘узда’.

шеи» [Хомич 1966: 128]; сверху такой нагрудник имел два ровдужных ремешка, которые завязывались сзади на шее. Видимо, в восточных районах расселения ненцев существовал также своего рода «фартук», лоскут замши или ткани, который пришивался к женским штанам ниже, ср. сообщение А. Соболева о ненцах Гыданского полуострова: «(...) на теле женщина носит из шкуры оленя нечто вроде длинного передника от шеи до колен, надеваемого на плечи при помощи ременных лямок» [Соболев 1926: 128]. Очевидно, что функцией *пьялься*, как и *пялика* (см. выше), была гигиеническая, а не декоративная. В настоящее время *пьялься* не используется [ПМАЯ 2008—2009, 2010; ПМАК 2011; ПМАГ 2011; ПМАБз 2012; ПМАЛ 2012].

В северносамодийских языках значение ‘нагрудник’ представлено еще в нган. *hⁱalu* ‘передняя часть, подол мужской парки; нагрудник шамана’, поэтому его можно реконструировать и для ПСС **pälV-*. Сравнение с кам. *päli* ‘завязка для завязывания обуви на ноге’ [Donner 1944: 50] является не вполне надежным по семантическим причинам. Гипотеза о заимствовании ПС(С) **pälV-* из ПТМ **pīl(a)-* ‘вид нагрудного ремня’ становится более убедительной, если отвлечься от реконструкции значения, предложенной в [EDAL], и обратиться к данным современных языков: так, у эвен. *hīlʔrʔn* ‘завязки у одежды, обуви; нагрудник; жилет меховой’ представлен тот же набор значений, который зафиксирован и у самодийских рефлексов. С точки зрения этнографии гипотеза о заимствовании самодийцами названия нагрудника у тунгусов тоже весьма правдоподобна, поскольку, как указывается в монографии [Василевич 1949], по данным археологии и лингвистики, нагрудник появился у тунгусских племен.

б) Виды поясов

6.1. Плетеный пояс, ремень (веревка)

Т ненец. *иня* 1) ‘ремень’, 2) ‘веревка, бечева, вязка’, 3) ‘вожжа (для управления оленями)’, 4) (перен.) ‘луч’ [Терещенко 1965, 2008: 145; Терещенко 1989: 37], О *jīn'è*, ОР *jīn'è'e*, Сј. *jīn'e*, I *jīn'e*, N *jīn'əz* ‘Riemen, Seil, Zügel, Eisendraht’ (‘ремень, веревка’) [Lehtisalo 1956: 131]; Л ненец. *β'īha* [β'ihhæ] I 1) ‘веревка’, 2) ‘ремень’, *β'īha* [β'ihhæ] II ‘вожжа’ [Попова 1978: 150], *видя* 1) ‘веревка, бечева’, 2) ‘вязка’, 3) ‘ремень, пояс’, 4) ‘вожжа’, 5) ‘луч (солнца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 18], S *β'ijjəp*, Nj. *β'ijjəp*, Ni. *β'ijjəp*, P *β'iq'd'əz* ‘Riemen, Seil, Zügel, Eisendraht’ (‘ремень, веревка’) [Lehtisalo 1956: 131];

ср.: энец. *bine* (в словосочетаниях) ‘вожжа, ошейник, луч’ [Helimski 2007a]; нган. *bini* ‘веревка, ремень’ [Helimski 2007b]; сельк. таз. *īnī* ‘поводок, постромка в оленьей упряжи’ [Helimski 2007c], об. ш. *ūniqō*, *ūnəgō*, кет. *ūnygo* ‘ремень’, вас. *ūne* ‘ремень’, *ūneləka* ‘ремешок’, об. ч. *ūnəg* ‘котец (длиной в 1,5—2 сажени)’ [Быконя 2005: 264—265]; кам. *minä* ‘ремень’, мат. *minE* ‘ремень’

< ПС **winä* ‘ремень, пояс, веревка плетеная’ (ПС **winä* ‘ремень’ [Janhunen 1977: 175]) < ПУ **wijä* (*wijä*) ‘ремень’ [UEW: 575].

Как видно из приведенных словарных определений, существительное *иня* имеет более широкую семантику, чем слово *ни* (см. ниже). Лексема *иня* может обозначать не только пояс, ремень, но и веревку, вожжу и даже (переносно) луч солнца. В ненецких диалектах это существительное может использоваться для обозначения женского пояса (тканого, плетеного из шерсти; Рис. 9, 10, 26, 33, 52), но не для обозначения мужского ремня (кожаного); см. выше *ни*.

В подтверждение тезиса о широкой семантике слова *иня* приведем несколько устойчивых словосочетаний, в которых оно употребляется в разных своих значениях:

1) Т ненец. *ě'' иня* ‘ремень, который в упряжи проходит посередине туловища оленя’, *урти иня* ‘ремень из шкуры морского зайца’; *ёрколабця'' иня* ‘веревка, при помощи которой загораживают открытую часть загона’, *еся иня* ‘цепь’; *уэва иня* ‘вожжа для управления оленями’ [Терещенко 1965, 2008: 145]; *хаерад иня*, *яля иня* ‘луч солнца’ [Терещенко 1965, 2008: 145; Терещенко 1989: 37];

2) Л ненец. *нуупу виддя* ‘завязки с кольцами (для подвешивания люльки)’ [Приходько 2000: 169], *дедяу калу виддя* ‘веревка на нюке’ [Приходько 2000: 170]; *найвау виддя* ‘лента’ [Приходько 2000: 176], *найвау видя* ‘вожжа для управления оленями’ [Бармич, Вэлло 2002: 18]; *дяляу видя* ‘солнечный луч’ [Бармич, Вэлло 2002: 18].

Ср. также: 1) Т ненец. *Вырка''лы мэтаиняв*, // *тюр тю''у сад''уа*, // *тын харебин нани'' // Тайбари'' мяд''ня* («Салаба нурна...») [Пичков 2000: 71]. «Я трону упряжку (букв. ‘натяну **вожжу**’), // взмахну я хореем // и дальше поеду, // теперь — к Тайбарее» («Льдинки звенят на ветру...») [Пичков 2000: 70].

2) Т ненец. тайм. *Ханондамадант сидя яля'' нгэсонггана нув'' няд еся иня хамнгу''*. *Чикы инявна нумт'' танаид''* («Нув' мядончей», рассказ. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долганского улуса).

Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 8]. «Когда принесешь жертву, через два дня с неба спустится **железная веревка**. По этой **веревке** поднимись на небо» («Подарок от Бога», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 10].

О широкой употребительности слова *иня* свидетельствует также большое количество производных от него образований:

1. Т ненец. *интй(сь)* ‘быть снабженным веревкой’: *вэнеко инта* ‘собака на привязи’ [Терещенко 1965, 2008: 145]; б.-з. *интадмб(сь)* (длит.) ‘снабжать веревкой’, *интйна* ‘снабженный веревкой’ [Терещенко 1965, 2008: 145];

2. Т ненец. *иняда(сь)* ‘снабдить веревкой’, *инядамбй(сь)* (длит.) ‘снабжать веревкой’ [Терещенко 1965, 2008: 145];

3. Т ненец. *иняде(сь)* 1) ‘нацепить, нанизать; приделать крепление, привязать веревку; сцепить, привязать к чему-либо’, 2) ‘связать что-либо с кем-либо, чем-либо’, 3) (перен.) ‘связать кого-либо с кем-либо, чем-либо, установить общение, наладить связь’; Т ненец. *инядеи”(д)*: м.-з. *Сяторик вэнеко’ инядеита нензел” ни на”* ‘Нелегко привязать на веревку злую собаку’ [Терещенко 1965, 2008: 145];

4. Т ненец. *иняко* 1) ‘ремешок, веревочка, бечевочка’, 2) ‘нитка’ [Терещенко 1965, 2008: 146];

5. Т ненец. б.-з., зап. *иняний* ‘левый, расположенный на левой стороне’ = вост., ямал. *иняняны* [Терещенко 1965, 2008: 146];

6. Т ненец. *иняыхы* 1) ‘то, что привязано, связано веревкой’, 2) (б.-з.) ‘передовой олень в упряжке’ [Терещенко 1965, 2008: 145].

Интересны пути развития значений ‘относящийся к веревке, находящийся рядом с веревкой’ > ‘левый’ и ‘относящийся к веревке, находящийся рядом с веревкой’ > ‘передовой’: в ненецкой упряжке передовым оленем, которым управляют с помощью вожжи, веревки (*иня*), является крайний левый (*Рис. 2*).

Отметим, что сходная многозначность наблюдается и у селькупского названия для пояса: сельк. таз. *й̄н̄ј* ‘поводок, постромка в оленьей упряжи’, об. ш. *й̄н̄ик̄ö, й̄н̄эг̄ö*, кет. *й̄ныго* ‘ремень’, вас. *й̄не* ‘ремень’, вас. *й̄нелека* ‘ремешок’, об. ч. *й̄н̄эг̄* ‘котец (длиной в 1,5—2 сажени)’ [Быконя 2005: 264—265]. Эти факты свидетельствуют о том, что и ПС **winä* могло иметь широкое значение — ‘ремень, пояс, веревка плетеная’.

6.2. Пояс, ремень

Т ненец. *ни* 1) ‘ремень’, 2) ‘пояс’ [Терещенко 1965, 2008: 309; Терещенко 1989: 65, 253], О, Sj., N nī, K, I, U, Oks., U-Ts., M n̄t ‘Gürtel, Gurt’ <‘пояс’> [Lehtisalo 1956: 323]; Л ненец. *‘ñiŋβ’i ħa* [ñiŋβ’iħħæ] ‘пояс для верхней одежды’ [Попова 1978: 67], *ни* 1) ‘талиа’, 2) ‘пояс’ [Бармич, Вэлло 2002: 82, 245], *ни видя, нивидя, нивиддя* ‘ремень’ [Бармич, Вэлло 2002: 82, 245, 256], *ниувиддя* ‘пояс’ [Приходько 2000: 78, 171, 172], Kis., Nj. n̄t ‘Gürtel, Gurt’ <‘пояс’> [Lehtisalo 1956: 323];

ср.: энец. *ниоjo* ‘пояс, ремень ружья’ [Helimski 2007a]; нган. *ниэдэ* ‘пояс’ [Helimski 2007b]; мат. *Ni* ‘пояс’ [Helimski 1997: 319]

< ПСС **ñi* ‘пояс’ [Janhunen 1977: 102]

~ ПЮС **ji* ‘пояс’ [Janhunen 1977: 102]: сельк. таз. *с̄й̄ ~ с̄й̄* ‘пояс’ [Helimski 2007c], об. ш. *к̄ö* ‘ремень’, *кюла* ‘пояс’, тым. *ч̄ö* ‘ремень, плетка’, об. ч., вас. *т̄ё* ‘пояс’, *ч̄ё, ч̄ёб, ч̄ёд* ‘пояс’, тур. *чюльмы* ‘пояс’, ел., тур. *чи* [Быконя 2005: 51, 281]; кам. *d’žī* ‘пояс’.

В [Janhunen 1977: 102] эти две самодийские праформы предлагается объединить и считать одной лексемой — рефлексом ПУ **jāje* ‘пояс’ [UEW: 90].

В некоторых диалектах Т ненец. (например, ямальском [ПМАЯ 2008—2009, 2010]) как мужской, так и женский пояс называются словом *ни*; в других (западных [ПМАБз 2012]) — только мужской пояс обозначается этим существительным, тогда как женский называется *иня* (см. выше). Необходимо также отметить, что в Л ненец. пояс, ремень обычно обозначается сочетанием двух слов: *ни* ‘талиа’, ‘пояс’ [Бармич, Вэлло 2002: 82, 245] + *видя* (*виддя*) ‘веревка, бечева’, ‘ремень, пояс’ [Бармич, Вэлло 2002: 18].

Мужской пояс *ни* обычно изготавливается из кожи (коровьей, морских животных) и украшается пуговицами и медными бляхами различной формы (Т ненец. *ни’ еся”* ‘металлические украшения на поясе’ [Терещенко 1965, 2008: 309]). Пояс — символ достоинства мужчины, поэтому его стараются украсить как можно богаче (*Рис. 27*) [Лар 1999: 20; Зинченко 2002: 18]. К мужскому поясу с помощью медных цепочек часто прикрепляют справа — нож в ножнах (Т ненец. *хар’ се’* (*харнзе*) [Терещенко 1965, 2008: 551]), слева — точильный камень в кожаном чехле (Т ненец. *сия’ се’* [Терещенко 1965, 2008: 551, 564]), сзади — медвежий клык, оберегающий, по мнению ненцев, от злых духов и приносящий удачу в охоте [Хомич 1966: 117]. Спереди пояс застегивается с помощью медной пряжки (см. ниже *мара*; см. *Рис. 31*).

Мужской пояс *ни* — важный атрибут национальной ненецкой мужской одежды, главной функцией которого является подпоясывание одежды, а при необходимости он удлиняет или укорачивает малицу (Рис. 21, 27, 28, 44). Пояс дает мужчине-ненцу чувство собранности: если мужчина подпоясался — значит его ждут дела, он готов к любой работе; в тундре редко можно увидеть мужчину без пояса. Ненцы считают, что неподпоясанными ходят бездельники и лентяи, т. к. длинные, неподобренные полы одежды мешают при работе [Лар 1999: 20]. Следует упомянуть также о распространенном национальном ненецком виде спорта — «борьбе на поясах», когда мужчины пытаются перекинуть и повалить друг друга, держась за пояс соперника [ПМАЯ 2008—2009, 2010].

Женщины носят пояс на верхней одежде (панице, ягушке), при этом правая пола паницы несколько находит на левую (Рис. 29). Женские пояса плетут из крашеной овечьей шерсти или гаруса (часто их покупали в русских деревнях), с краю они завершаются кистями (Рис. 9, 10); также пояса украшают узорами из бисера (Рис. 26). Ближе к одному из концов пояса пришивают медную пряжку в форме кольца, пояс складывается вдвое, его длинный конец продевается в кольцо, и оба конца связываются вместе (Рис. 32, 33) [Хомич 1966: 126; УСС 2005: 9; НЖЗО 2006: 6]. Появиться перед гостями неподпоясанной — неприлично для женщины.

С раннего детства ненецкие дети начинают носить пояс: вначале им служит тесемка, веревка или лента, с трех лет ребенок получает плетеный или кожаный ремень, в возрасте 14—15 лет мальчик уже сам делает себе пояс (Рис. 27, 28) [Лар 1999: 20]. Существуют строгие правила обращения с поясом: его нельзя бросать куда попало, топтать и перешагивать через него; также его нельзя привязывать к шестам чума [ПМАЯ 2010].

Место, на котором завязывается пояс, называется *Т* ненец. *ни' сярул'ава* [Терещенко 1965, 2008: 309]; ср. также: *Т* ненец. *ни' уолва*, *ни' сярась* 'талиа', *нимдя сяра* 'он завязал свой пояс' [Терещенко 1965, 2008: 309].

Какую именно разновидность ремня (пояса) обозначали рефлексы ПС **winä* 'ремень, пояс, веревка плетеная' и ПСС **ni* 'пояс' ~ ПЮС **ji* 'пояс' у других самодийских народов, надежно установить не удается. Известно, что у самодийцев было несколько технологий изготовления ремней (поясов). Например, у северных и южных селькупов пояса различались. По данным [Народы Западной Сибири 2005], у селькупов, живущих по р. Парабель и р. Обь, пояса были мягкие, плетеные «как подпруга» или узкие кожаные. Также подпоясывались скрученным в жгут лоскутом ткани. Женщины плели для себя пояса из шерстяных нитей. У северных селькупов бытовали пояса из ровдужных ремней. Однако, поскольку сейчас селькупы не используют традиционные пояса, мы не можем установить, как назывался тот или иной тип пояса.

6.3. Гашик; шнурок, вдернутый в пояс штанов (шнурок, к которому крепятся голенища обуви)

Т ненец. *сюр''(д)* 'объем пояса (штанов)' [Терещенко 1965, 2008: 592], *сюр''мя* 'гашик; шнурок, который вдергивается в пояс штанов' [Терещенко 1965, 2008: 592], *сюркарь* (2 т.) 'стянуть (при помощи шнурка)' [Терещенко 1965, 2008: 590]; *Л* ненец. *šūlʔ* [šūʔlʔ] 'пояс мужских штанов' [Попова 1978: 123], *S šur''ʔ*, *P šul''ʔ* 'Zugschnur, Zugriemen (Tailleband der Hose u. a.)' <'ремень, пояс'> [Lehtisalo 1956: 454]; ср.: *энец. šuru''(δ)* 'гашик' [Helimski 2007a]; *нган. kirim* 'завязка (мешка, бубна); гашик, резинка в трусах; нижняя тетива сети' [Helimski 2007b]; *сельк. šur-* 'собрать в сборки' [Helimski 2007c]

< ПСС **kürV-* 'гашик, завязка' < ПС **kürV-* 'стянуть, подпоясаться' < ПТю **kür-* 'завязывать' [ЭСТЯ 1997: 148].

В тундровом ненецком существует множество дериватов от этого корня, приведем здесь некоторые из них:

1. *сюркарь(сь)* = б.-з. *сюркарь(сь)* 1) 'быть плотно стянутым (при помощи шнурка)', 2) 'быть узким, обуженным, тесным (об одежде или обуви)', 3) 'быть одетым в тесную одежду или обувь' [Терещенко 1965, 2008: 590];

2. *сюркара(сь)* 1) 'плотно стянуть (при помощи шнурка)', 2) 'сделать узким, тесным, обузить (одежду, обувь)', 3) 'одеть в тесную одежду или обувь' [Терещенко 1965, 2008: 590];

3. *сюркараб(сь)* (длит.) 1) 'быть немного узким, узковатым', 2) 'быть одетым в тесноватую одежду или обувь' [Терещенко 1965, 2008: 590];

4. *сюркарамб(сь)* (длит.) 1) 'плотно стягивать (при помощи шнурка)', 2) 'делать узким, тесным, обуживать (одежду, обувь)', 3) 'одевать кого-либо в тесную одежду или обувь' [Терещенко 1965, 2008: 590];

5. *сюркара''ма* 'шнурок, который вдергивают во что-либо (например, в женскую сумочку для швейных принадлежностей)' [Терещенко 1965, 2008: 590] (Рис. 30, 38);

6. *сюркарь* (2 т.) 'стянуть (шнурком)' [Терещенко 1965, 2008: 590].

Следует отметить семантическое развитие: ‘стянуть при помощи шнура’ > ‘сузить, сделать тесным’.

Сюр”мя представляет собой тонкий ремешок без узоров, который завязывается на талии. К нему привязываются ремешки меховых чулок *либтад*” (Т ненец. ямал. *тобак*”) и верхней обуви *пива*” (см. ниже), чтобы чулки и обувь не сползали при ходьбе.

7) Пряжка (пояса)

Т ненец. *мара* 1) ‘пряжка, застежка (пояса)’, 2) ‘петля’ [Терещенко 1965, 2008: 235], *ни’ мара* ‘небольшая металлическая пряжка на поясе’ [Терещенко 1965, 2008: 309], О, Sj. *mārā*, OP *mārrp*, M *mārc* ‘Schlinge, in die ein knöcherner od. hölzerner “Dorn” gesteckt wird (z. B. am Renntiergeschirr); Schnalle (am Gürtel)’ <‘петля; пряжка (пояса)’> [Lehtisalo 1956: 252], О *nīm mārā*, M *nīm mārā* ‘Gürtelschnalle’ <‘пряжка пояса’> [Lehtisalo 1956: 323]; Л ненец. *’mala* [mā⁰ʎ] = *’mal’añ* [mā⁰ʎañ] 1) ‘пряжка, застежка’, 2) ‘петля’ [Попова 1978: 51] (*tuŋ’kaj ’mala* ‘петля для пуговицы’, *’mala(š)* [mā⁰ʎ] ‘сделать петлю’ [Попова 1978: 51]), *’nimala* [nīmā⁰ʎ] ‘пряжка для пояса из кости’ [Попова 1978: 67], *ни маца* ‘бляха’ [Бармич, Вэлло 2002: 82], S *mārrpā* ‘Schlinge, in die ein knöcherner od. hölzerner “Dorn” gesteckt wird (z. B. am Renntiergeschirr); Schnalle (am Gürtel)’ <‘петля; пряжка (пояса)’> [Lehtisalo 1956: 252], P *n’ij^s māllæ* ‘Gürtelschnalle’ <‘пряжка (пояса)’> [Lehtisalo 1956: 252];

ср.: энец. *мара* ‘пряжка (пояса, колыбели), петля, штрипка’ [Helimski 2007a]; нган. *тәри* ‘пряжка, застежка’ [Helimski 2007b]; ? кам. *мәрка* ‘пуговица’³⁹

< ПСС **marV* ‘пряжка’ < ПС **marV* ‘пряжка, пуговица’.

Обычно пряжки для мужских и женских ненецких поясов изготавливают из меди [Хомич 1966: 118, 126]. Пряжка на мужском поясе состоит из двух одинаковых половин, к одной из которых припаян плоский крючок, а в другой находится отверстие, подходящее к нему (Рис. 31).

Пряжка на женском поясе — Т ненец. *ни’ мара*, а также *ни’ еся* (букв. ‘пояса железо’) [Терещенко 1965, 2008: 309] — представляет собой большое (диаметр некоторых пряжек превышает 20 см) кольцо, в которое продевается длинный конец пояса. В прошлом пряжка женского пояса могла достигать значительного размера и веса [Хомич 1966: 126; Меньшакова 2003: 187; НЖЗО 2006: 6]; такие большие круглые пряжки в первую очередь характерны для западной тундры (Рис. 32—34). Благодаря такой внушительной пряжке женщине проще держать осанку, она же оберегает женщину от грыжи, не позволяя ей надорваться («держит живот»). Считается, что такое металлическое кольцо оберегает женщину не только от болезней, но и от сглаза, дурного, ведь металл воспринимается ненцами как символ чистоты [Лар 1999: 20].

8) Завязки (на бортах паницы, ягушки)

Т ненец. *сись’(н)* 1) ‘застежка; завязка’, 2) ‘пуговица (на одежде)’ [Терещенко 1965, 2008: 563; Терещенко 1989: 109, 257], О *šiš’*⁴⁰, Sj. *šiš’*, M *šiš’* ‘Knopf; Band (statt eines Knopfes) am Frauenrock’ <‘пуговица; завязка (вместо пуговицы) на женской одежде’> [Lehtisalo 1956: 448]; Л ненец. *šiš’āŋ* [šiš’šāŋ] 1) ‘пуговица’, 2) ‘застежка, завязка’ [Попова 1978: 121], *иу’иу* 1) ‘пуговица (на одежде)’, 2) ‘завязка (на одежде)’, 3) ‘вешалка (петля на одежде)’ [Бармич, Вэлло 2002: 156], Lj. *šiš’*⁴¹, Nj. *šiš’* ‘Band am Frauenrock; Skiriemen (geht hinter der Ferse hin)’ <‘завязка на женской одежде; лыжный ремень’> [Lehtisalo 1956: 448];

ср.: энец. *šise’* ‘застежка, завязка (не только обуви)’ [Helimski 2007a]; сельк. таз. *sizi* ‘ремень для лыж’

< ПСС **sisV-* ‘завязка, застежка’ < ПС **sisV-* ‘завязка’ (**sisz-* ‘завязка, ремень’ [Janhunen 1977: 141]) < ПУ **kičV* (**küčV*) ‘узел, завязка на платье’ [UEW: 152].

В тундровом ненецком представлено множество дериватов от этого существительного: *сисьета* ‘с множеством завязок’, *сисьета нойця* ‘суконная верхняя одежда женщины с завязками’; *сисьетā(сь)* ‘быть с завязками; быть с пуговицами’ (*сāванда ха” сисьета* ‘у него шапка с завязками’); *сисьета(сь)* ‘пришить завязки; пришить пуговицы’, *сисьетамбā(сь)* (длит.) ‘пришивать завязки; пришивать пуговицы’; *сисьець* ‘иметь завязки; иметь пуговицы’ (*лād пāнэда лонгэй сисьець”уа* ‘на его куртке круглые металлические пуговицы’); *сисянде(сь)* ‘пришить пуговицы; приделать завязки’, *сисяндембā(сь)* (длит.) ‘пришивать пуговицы; приделывать завязки’ [Терещенко 1965, 2008: 563].

³⁹ В [Joki 1952: 224] предполагается, что камасинское слово заимствовано из хакасского *марха* ‘пуговица’, а последнее считается производным от ПТю **bay* ‘завязывать’, однако эта производность плохо обоснована фонетически. Нельзя исключать, что камасинское слово также является рефлексом ПС **marV*, а хакасское *марха* ‘пуговица’ заимствовано из камасинского.

К бортам верхней женской одежды (паницы, ягушки) — Т ненец. *пӓны'вар* [Терещенко 1965, 2008: 44—45] — от воротника до самого низа на некотором расстоянии друг от друга пришивают парные завязки из ровдуги (замши из оленьей кожи) — Т ненец. *пӓны'сись* 'завязка из замши у паницы' (Рис. 35) [Терещенко 1965, 2008: 563]; на суконных (летних) паницах завязки делают также из сукна. Как указывает Л. В. Хомич, обычно их бывает 14 (по семь с каждой стороны) [Хомич 1966: 124], однако, по нашим данным [ПМАЯ 2008—2009, 2010; ПМАК 2011] и сведениям [НЖЗО 2006: 6], обычно на паницах их насчитывается всего четыре пары: около верхней части воротника, около нижней части воротника, немного выше колен и почти в самом низу паницы. Большинство этих ремешков (верхние) завязываются изнутри, для чего женщине приходится вынимать руки из рукавов; нижние же — снаружи, внахлест, так, чтобы одна пола заходила на другую. На уровне талии завязки не делают, т. к. паницу следует подвязывать поясом (Рис. 32, 33).

9) Украшение (на одежде, упряжи и т. д.), кисть

Т ненец. *масер* 'кисть из цветного сукна или замши красного цвета (на одежде, нарте)' [Терещенко 1965, 2008: 240], ямал. *масяр* '(д)' [Терещенко 1965, 2008: 240], б.-з. *мэсяр* '(д)' [Терещенко 1965, 2008: 271] 'украшение, которое свешивается вниз (например, кисти головного платка, косы, сумочки для швейных принадлежностей; цепочки и т. д.)' [Терещенко 1965, 2008: 240], О *māš'šer* 'Sj. *māš'šer* 'U-Ts. *māš'šer* 'M *māš'šer* 'hängendes Zierband aus farbigem Tuch od. rot gefärbtem Sämischleder (an Kleidern, am Geschirr, am Schlitten gebraucht)' ('висящая декоративная лента из цветной ткани или покрашенной в красный цвет ровдуги, замши (на одежде, оленьей упряжи)') [Lehtisalo 1956: 255]; Л ненец. *S māš'šer* 'Nj. *māš'šer* 'P *māš'šer* 'hängendes Zierband aus farbigem Tuch od. rot gefärbtem Sämischleder (an Kleidern, am Geschirr, am Schlitten gebraucht)' ('висящая декоративная лента из цветной ткани или покрашенной в красный цвет ровдуги, замши (на одежде, оленьей упряжи)') [Lehtisalo 1956: 255];

ср.: нган. *masu* 'украшение' [Helinski 2007b]

< ПСС **masV*- 'украшение'.

В тундровом ненецком представлены производные образования от этого существительного: *масёретӓ(сь)* 'быть украшенным кистями из цветного сукна или замши красного цвета (об одежде, нарте)' [Терещенко 1965, 2008: 240], *масёретна* 'украшенный кистями из цветного сукна или замши красного цвета (об одежде, нарте)' [Терещенко 1965, 2008: 240], м.-з. *мэсярочь* 'иметь украшения из кистей' [Терещенко 1965, 2008: 271].

В ненецкой традиционной культуре принято украшать упряжь, предназначенную для оленей, запрягаемых в женскую нарту (Т ненец. *не'хӓн* [Терещенко 1965, 2008: 735]), кистями, сделанными из красного сукна или покрашенной суриком в красный цвет ровдуги (Т ненец. *масёретна не'хӓн* 'женская нарта, украшенная кистями' [Терещенко 1965, 2008: 240]; Рис. 36). Похожее украшение встречается также на женской сумочке для рукоделия — Т ненец. *туця'(н)* [Терещенко 1965, 2008: 677], Л ненец. *тувшан* [Бармич, Вэлло 2002: 130], *тушан* [Приходько 2000: 98, 169]. Словами *масер* 'масяр'(д), *мэсяр* '(д)' называют также кисти на поясах (Рис. 9, 10, 28), платках (Рис. 7, 11, 48) и т. д., свисающие суконные украшения на одежде (Рис. 3, 14, 15).

3. Ткани, материал

Сукно

Т ненец. *ной* 1. 'сукно', 2. 'суконный'⁴⁰ [Терещенко 1965, 2008: 317; Терещенко 1989: 66], м.-з. *нойко* 'женская суконная паница (ягушка)' [Терещенко 1965, 2008: 317], *нойни* 'шелковая или шерстяная косоплетка' [Терещенко 1965, 2008: 317], О *нõi*, ОР *нõj*, Sj., U, Oks., МВ *нõj* 'Tuch (Stoff)' ('сукно') [Lehtisalo 1956: 289]; Л ненец. *ной* 'сукно' [Бармич, Вэлло 2002: 84], *ной* 'сукно' [Приходько 2000: 98, 169], Lj., Nj. *нõj* 'Tuch (Stoff)' ('сукно') [Lehtisalo 1956: 289];

ср.: сельк. об. ч. *нёв*, об. ш. *нёй* 'шерсть; кошма' [Быконя 2005: 147], об. ч. *нөв*, *нөв* 'кошма; войлок' [Быконя 2005: 150]

⁴⁰ Приведем примеры употребления слова *ной* в значении существительного и прилагательного: 1) Т ненец. *ной'ютер* 'кусочек сукна', *нойм'падрота* 'украшенный сукном' [Терещенко 1965, 2008: 317]; 2) Т ненец. *нойпи* 'суконное покрывало на женской нарте' [Терещенко 1965, 2008: 317], Л ненец. *нойпаннӓй* 'суконная ягушка' [Приходько 2000: 103, 171].

< **ПС *noj-** ‘шерсть, сукно’ < **ПУ *nojV** ‘шерсть, материал для одежды’: коми *noj* ‘сукно’ > хант. V, Vj *nōj* ‘сукно; одежда из сукна; пальто суконное’ [DEWOS: 982], манс. N *nij* ‘платок’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 345a].

По данным [Лыткин, Гуляев 1970], в хант., манс. и ненец. языках представлено заимствование из коми, но, учитывая наличие селькупского слова, хорошо представленного в южных и центральных диалектах, и регулярные соответствия между словами во всех языках, нельзя исключать исконное ПУ происхождение особого названия шерсти, используемой для изготовления одежды.

Сукно издавна используется ненцами в двух функциях: 1) для украшения деталей одежды (Л ненец. *нойташ* ‘украсить сукном’ [Бармич, Вэлло 2002: 84], Т ненец. *нойм’ падрота* ‘украшенный сукном’ [Терещенко 1965, 2008: 317]); 2) для пошива видов одежды целиком.

1) Сукном украшают рукава и другие детали малицы и паницы (Т ненец. *пандад’ ной* ‘полоска сукна по краю малицы’, *тю’ мал ной* ‘полоска сукна на конце рукавов малицы или паницы’ [Терещенко 1965, 2008: 317]; *Рис. 3, 4, 7—9, 11, 15, 16*), шапки (*Рис. 49, 55—58*), детали упряжи (*Рис. 37*); сукно прокладывают в швы при отделке одежды и обуви (*Рис. 38, 41, 42*): «Украшением малицы (<...>) служили цветные суконные кантики, которые вшиваются в швы одежды, или узкие полоски сукна, нашитые поверх всех основных швов» [УСС 2005: 7].

2) Целиком из сукна шьют демисезонные совики для сырой, дождливой погоды (Т ненец. б.-з. *ной сáвк* ‘суконный совик’ [Терещенко 1965, 2008: 317]), маличные рубахи, сорочки на малицу (Т ненец. *мальця’ тáугá* [Терещенко 1965, 2008: 629]; *Рис. 1, 21, 23, 24, 28, 47, 50*), покрывало на женскую нарту (Т ненец. *ной пи*” ‘суконное покрывало на женской нарте’ [Терещенко 1965, 2008: 317], *нойдэ, нойдэ хán* ‘женская нарта, украшенная красным сукном’ [Терещенко 1965, 2008: 317]) и летние суконные паницы (*Рис. 10, 22, 29, 39, 40*).

Суконную паницу — Т ненец. *ной пány, нояця*, м.-з. *нойко* [Терещенко 1965, 2008: 317], Л ненец. *ной паны* ‘суконная ягушка’ [Бармич, Вэлло 2002: 104], *ной пáйнэй* ‘суконная ягушка’ [Приходько 2000: 103, 171] — кроют так же, как и меховую «вертикальную» паницу (без швов на плечах), только в нижнюю часть стана вставляют дополнительные клинья. Рукавиц и подклада суконная паница не имеет, воротник обычно изготавливают из песцового (*Рис. 29, 39*) или лисьего меха. Как правило, основные детали летней паницы шьют из сукна одного цвета, манжеты рукавов и подол — из другого, а украшают паницу узкими суконными вставками третьего, яркого, оттенка (*Рис. 10, 22*). Некоторые мастерицы шьют себе летнюю одежду из разноцветных суконных полотнищ. По данным Л. В. Хомич, существуют некоторые локальные отличия в пошиве *ной пány*: «Так, в европейских тундрах, кроме Малой Земли, иногда подол отделявали опушкой из собачьего, оленьего, а позднее часто телячьего (коровьего) меха» (*Рис. 40*) [Хомич 1966: 130].

4. Обувь

1) Пимы (кисы, бакари), обувь из оленьих камысов мехом наружу

Т ненец. *пи́ва*” ‘пимы (обувь из оленьего меха, шьется мехом наружу)’, *пи́ва* ‘пим’ [Терещенко 1965, 2008: 461], *пи́ва*” ‘пимы (обувь из оленьего меха)’ [Терещенко 1989: 90], О, Sj., U *píββp*, T₁, M *píββa* ‘aus Schenkelfell des Renntiers genähter Stiefel’ [Lehtisalo 1956: 382]⁴¹; Л ненец. *р’э́та* [p’erímæ] ‘пим’, *р’э́та?*

⁴¹ Приведем примеры употребления слова *пи́ва*” в разных формах: 1. *Пи́бин синдэяд” се́дя индкад, // хаер” хар’ няндан’ надамзь ялкада. // Мал’ харды” уылы хоб мань хырабимда, // тэмбявна тэтна, хыранзю нудав...* [Пичков 2000: 93]. «Пимы покрылись пылью снежной, // сверкает солнце в лезвии ножа. // Снимаю шкурку с белым мехом нежным, // снимаю осторожно, не спеша...» [Пичков 2000: 93]. 2. *Ня́би вав’ ня́ня я’ вэсаку нгамты. Ня́рава мальчам’ мэ́нга, ня́рава пи́би мэ́нга* («Сидя хасав», расск. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 35]. «На одной постели сидит старик земли. На нем медная малица и медные **бакари**» («Двое мужчин», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 37]. 3. *Мальчамта, пи́бида харта серыда, мяканта нгэдалэ хая* («Няхар” Манто», расск. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 106]. «(Ведьма) надела на себя его малицу и **бакари** и поехала домой на оленях» («Три энца», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 109]. 4. *Мальчами вэ́ва, пи́бини вэ́ва”, сисавэй”* («Сидя Нгэваседа тэта», расск. Яптунэ Очавка Юйнович, п. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 133]. «У меня малица и **бакари** плохие, дырявые» («Два оленевода Нэвасыда», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 137]. 5. *Не” пи́би сэ́дби*” ‘Женщины шьют **пимы**’ [Терещенко 1965, 2008: 461].

‘пимы (зимняя обувь мехом наружу)’ [Попова 1978: 98], **нема**” 1) ‘кисы, пимы (обувь, сшитая из оленьих шкур)’, 2) ‘обувь (любая)’ [Бармич, Вэлло 2002: 108], *нема* ‘обувь’, ‘кисы’ [Приходько 2000: 79, 99, 137, 171, 172, 176], Lj., S, Nj. *řěmtprā* ‘aus Schenkelfell des Renntiers genähter Stiefel’ [Lehtisalo 1956: 382]; ср.: энец. *pee* ‘бакари’ [Helimski 2007a]; нган. *huajmi* ‘обувь, меховые бакари’ [Helimski 2007b]; сельк. таз. *рѣтј* ‘обувь, пимы (бакари)’ [Helimski 2007c], ел. *пейм*, тур. *пемы* ‘кисы (женская обувь из мягкой кожи)’, об. с. *пө* ‘обувь’, об. с. *пөв, пөу* ‘чирки, ботинки, сапоги’, об. с. *пэу* ‘сапог, сапоги; ботинок, ботинки’, кет., вас. *пөв, пөве* ‘чирки, ботинки, сапоги’, кет. *пүманчаң* ‘гачи’, тым. *пүм* ‘обувь’ [Быконя 2005: 185, 186, 194, 199]; кам. *h̄jātā* ‘сапог’; мат. *h̄īta* ‘сапог’

< ПС ***рājтā** ‘обувь из камысов с высоким голенищем’ (ПС ***рājтā** ‘сапог’ [Janhunen 1977: 118]) ~ ? ПТю ***balтak** ‘вид обуви’⁴² [Дыбо 2007: 187; VEWT: 323; EDAL: 1252]: крх.-уйг. огуз. *bašmaq*, чигил. *bašaq* ‘башмак, туфля’, чаг. *bašmaq*, узб. хорезм. *baš-liq* ‘каблук сапога’, ст.-кыпч. *bašmak* ‘туфли без задников’, тур. *bašmak, pašmak* ‘обувь, сандалия, башмак’, тат. *bašmaq* (> чув. *pušmaq* ‘ботинки, туфли’), кирг. *bašmaq-ta-* ‘поставить новые головки, наложить союзки (на обувь)’ и др. [EDT: 382—383; ЭСТЯ 1978: 93—95; ОСНЯ, 3: 69; TMN, 2: 293—294]. Вопреки Г. Дерферу, вряд ли возможно образование от ***baša-** ‘резать, делать зарубки’: последнее производно от ***bālč** ‘рана’ с долгим гласным, а здесь рефлексов долготы нет. Об алтайских связях см.: [ОСНЯ, 3; EDAL] (гипотеза о заимствовании тюркского слова в ПС предложена В. А. Терентьевым).

В Т и Л ненец. существует множество производных слов от существительного *пива*” / *нема*”:

1. Т ненец. *пибиндā(сь)* ‘шить пимы’ [Терещенко 1965, 2008: 461], Л ненец. *řemanta(š)* ‘шить пимы’ [Попова 1978: 98];

2. Т ненец. *пибирць* ‘заиметь пимы, обзавестись пимами’ [Терещенко 1965, 2008: 461];

3. Т ненец. *пивася(сь)* ‘быть босым, разутым’ [Терещенко 1965, 2008: 461], Л ненец. *пемашаиш* ‘быть босым, разутым’ [Бармич, Вэлло 2002: 108]: а) Т ненец. *пиваси* ‘он разут’ [Терещенко 1965, 2008: 461]; б) Т ненец. *Нямгэ пивасин?* ‘Почему ты босой?’ [Терещенко 1965, 2008: 461], Л ненец. *Нямэ пемашин?* ‘Почему ты босой?’ [Бармич, Вэлло 2002: 108];

4. Т ненец. *пивасяда* ‘босой, разутый’ [Терещенко 1965, 2008: 461; Терещенко 1989: 90], Л ненец. *řetašata* ‘босой, разутый’ [Попова 1978: 98], *пемашата* ‘босой, разутый’ [Бармич, Вэлло 2002: 108]; Т ненец. *Пивасяда нэхэ”ната пикадарнась* ‘Он шлепал босыми ногами’ [Терещенко 1965, 2008: 461];

5. Т ненец. *пивасялмзэ* ‘разуться, стать без обуви’ [Терещенко 1965, 2008: 461; Терещенко 1989: 90], Л ненец. *пемашадамш* ‘разуться’ [Бармич, Вэлло 2002: 108];

6. Т ненец. *пивасялворць* (многокр.) ‘разуваться’ [Терещенко 1965, 2008: 461];

7. Т ненец. *пивасялмде(сь)* ‘разуть’ [Терещенко 1965, 2008: 461], Л ненец. *пемашалташ* ‘разуть’ [Бармич, Вэлло 2002: 108]; Т ненец. *пивасялмдебā(сь)* (длит.) ‘разувать’ [Терещенко 1965, 2008: 461];

8. Т ненец. *пиваси*” ‘босиком’ [Терещенко 1965, 2008: 461; Терещенко 1989: 90], Л ненец. *řetašī?* ‘босиком’ [Попова 1978: 98], *пемашии*” ‘босиком’ [Бармич, Вэлло 2002: 108]: а) Т ненец. *Няцекэр сада”āmна пиваси” сюрмберуа* ‘Твой ребенок бегаёт босиком по лужам’; Т ненец. *Хуркаси” пиваси” пин тārпы*” ‘Он вышел на улицу совсем босым’ [Терещенко 1965, 2008: 461]; б) Л ненец. *Пемашии” пин дёлкай*” ‘Он вышел на улицу босиком’ [Бармич, Вэлло 2002: 108].

⁴² В свете отмеченных Е. А. Хелимским возможных заимствований в амурские тунгусо-маньчжурские языки из прасамодийского [Хелимский 2000: 281] ср. орок. *рѣто-ни* ‘голенище; штанина’ [ССТМЯ, 2: 36], которое по вокализму (в первом слоге — рефлекс дифтонга) не может относиться, вопреки [EDAL], к ПТМ ***ретици** ‘меховая обувь’: эвенк. *hetčurē, otčurē* ‘низкие унты из оленьих камысов’, негид. *хетčира* ‘обувь из оленьей шкуры’, солон. *хоčоро* ‘сапоги’, ороц. *хebbire* ‘летняя обувь из лосиной замши’, маньчж. *foži* ‘меховые чулки’, *fomo(či)* ‘валяные шерстяные чулки; унты, надеваемые на сапоги в холода’, чжурчж. *fom-či* [Мудрак 1985: 556] ‘чулки’ [ССТМЯ, 2: 365—366]. Эвенк. > якут., долг. *ōtčürä*, рус. сиб. *atčurī* (pl.) [Аникин 2000: 86]. Гипотеза В. А. Терентьева фонетически удовлетворительна, хотя семантически не идеальна. С другой стороны, самодийское слово считают заимствованным из пратюркского прототипа др.-тюрк. ***ojta**, крх.-уйг. *ojta* ‘войлок, из которого делают сапоги’, чаг. *ojta* ‘сумка из кожи или шкуры’ [EDT: 273]. Начальное ***p-** восстанавливают для этого пратюркского состояния из-за монг. ***hojitu-su** чулки (ср.-монг. *kojimusun, h[ojimāsun, imasūn]*), которое считают либо также заимствованием из ПТю, либо его алтайским соответствием (тогда восстанавливают ПАлт ***p’ojte** ‘штаны, чулки’, точнее — ‘чехол для конечностей’), сравнивая еще ПЯп ***рэмита** ‘кожаный нарукавник для стрельбы из лука’ [EDAL] (или, скорее, ПЯп к ПТМ ***ретици**, ПАлт ****p’етициV?**). Такое заимствование кажется менее вероятным по фонетическим причинам: во-первых, ожидалась бы передача ПТю ***o** как ПС ***o** (или, если ожидать упреждения под влиянием следующего *j*, ***ō**); во-вторых, кажется, что ПАлт ***p’** должно было дать ***h-** еще в пратюрко-монгольском состоянии, т. е. гораздо раньше тюрко-самодийских контактов.

Имя существительное *пи́ва* в разных районах расселения ненцев переводится на русский язык по-разному: в западной тундре (западнее Уральских гор, от Канинской тундры до Большеземельской) — как «пимы», в восточной тундре (восточнее Уральских гор, в Ямальской, Тазовской и Гыданской тундрах) — как «кисы», в крайневосточной (полуостров Таймыр) — как «бакари».

Пимы (кисы, бакари) — это верхняя длинная (выше колена, с длинным голенищем — Т ненец. *сабк* [Терещенко 1965, 2008: 515]) обувь, сшитая из камысов (Т ненец. *пена*), шкуры с ног оленя, шерстью наружу и надеваемая поверх меховых чулок, сшитых шерстью вовнутрь (см. подробнее ниже); см. Рис. 32, 41, 42, 46 (справа), 47.

Мань икдув наровна яда, // пибин — тэ"на" нэ" нина на". // Ядадма узван ну"мада, // пай сэв" мюд — нумгыд есана («Не" сёхот», I) [Пичков 2000: 97—98]. «Еще воротник мой — в лесу, // **пимы** — на оленьих ногах. // Но голову гордо несую, // и звезды — в раскосых глазах» («Из песен ненецких женщин», I) [Пичков 2000: 97].

Подошва пимов — Т ненец. *уыл"*(д) (< Т ненец. *уыл'* 'вниз, под' [Терещенко 1965, 2008: 409]) — шьется из оленьей щетки (Т ненец. *вэра*), шкуры с самой нижней части ноги, или из меха с оленьего лба, т. к. эти материалы хуже всего пропускают влагу; ворс на подошве должен быть направлен вперед, чтобы обувь не скользила. Между меховым внутренним чулком и пимами кладут траву, которая также предохраняет ногу от намочения и поднимает ее от земли: Т ненец. *пи́ва' уум'* 'травяная стелька для пимов' [Терещенко 1965, 2008: 461], Л ненец. *'решай, тонлта* 'сено, которое подкладывают между чулками и пимами' [Попова 1978: 98]. Покрой левого и правого пима одинаков [Хомич 1966: 120—121].

Мужские пимы по покрою существенно отличаются от женских: передняя полоса камыса (Т ненец. *ярад"*(д) 'белая полоска на носках пимов' [Терещенко 1965, 2008: 851] < *яр* 'край, бок' [Терещенко 1965, 2008: 854]; Т ненец. *неряк* 'клин или полоска, вшиваемые спереди в пимы <...>; на них нашиваются узоры' [Терещенко 1965, 2008: 301]) на женских пимах гораздо уже, чем на мужских, и заканчивается узким мыском, не доходя до носка (Т ненец. *пьяк* 'мысовидный узор на женских пимах' [Терещенко 1965, 2008: 499] < *пья* 'нос'). «Причина этого заключается, возможно, в том, что женская одежда длиннее мужской и узор делался ниже, чтобы он был виден» [Хомич 1966: 128]. По этим признакам мужские и женские пимы всегда можно отличить друг от друга, что очень важно в условиях традиционной ненецкой культуры, где женская обувь считается «нечистой» (ее нельзя класть рядом с детской и мужской, перевозить на обычной нарте и т. д.); по этой причине подошва женских пимов всегда делается из щетки, но не из оленьих лбов [Хомич 1966: 128].

Т ненец. тайм. *Вэсаку' хасава ню ненэюта ня' ма: — «Чедав' сэв" паны серыди'! Сямэй пивиди', тимди' хайди'!» Нгаркаюм' недя ма: — «Манчван нидм' хант". Едэй панэми юнгу, едэй пибини юнгу"». <...> Недяёреванта: — «Сямэй пибини нинась хае"!» («Нув' мядончей», расск. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 8—9]. «Сын старика сказал обеим женам: — «Теперь-то одевайтесь в белые парки (паницы, ягушки). Свои нечистые **бакари**⁴³ и штаны оставьте!» Его старшая жена сказала: — «Я-то не пойду. У меня нет ни новой парки, ни новых **бакарей**". <...> Слышно, как его жена крикнула: — «Я не оставила свои нечистые **бакари!**»» («Подарок от Бога», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 10—11].*

Для того чтобы пимы не спадали и не мешали при ходьбе, сверху они привязываются к шнурку, вдернутому в пояс штанов (Т ненец. *сюр"мя* [Терещенко 1965, 2008: 592], см. выше), с помощью специальных ровдужных ремешков — Т ненец. ямал. *тем* 'подвязка (пимов)' [Терещенко 1965, 2008: 648], б.-з., зап. *те"эм* 'подвязка у мужских пимов', 'замшевые тесемки на пимах, которые прикрепляются к поясу брюк, чтобы обувь хорошо сидела' [Терещенко 1965, 2008: 652] (Т ненец. *те"мець(н): пи́ва' те"мець'* 'место в верхней части пимов, к которому пришиваются завязки', *ти"мя' те"мець'* 'место, на штанах к которому пришиваются колечки для завязки пимов', *еся те"мець'* 'металлическое кольцо на поясе штанов для завязок пимов' [Терещенко 1965, 2008: 652]). Под коленом пимы подвязываются поясками, сплетенными из покупной крашеной шерсти (Рис. 41, 47) [Хомич 1966: 121]; женщины пимы под коленом не подвязывают.

Пимы украшают узорами и суконными вставками, полосками (Рис. 42, 47). «Помимо узора на переднем мыске, узор из полосок меха светлых и темных тонов и сукна <Т ненец. *пйрисетевы* " 'белые пимы с черными полосами' [Терещенко 1965, 2008: 448], *яротэй" пи́ва* " 'пимы из белых и черных камысов' [Терещенко 1965, 2008: 853]> делался сбоку, ограничивая часть пимов, носящую название *харцюда*, и сзади — выше пятки. Считалось большим мастерством сшивать по семь таких полосок» [Хомич 1966: 128]. Ср.: Т ненец. *сиби падрота" пи́ва* " 'пимы с семью полосами из белых и черных камысов' [Терещенко 1965, 2008: 461].

⁴³ В «Словаре специфических терминов и выражений» в издании [Ненецкий фольклор 1995: 218] слово *бакари* снабжено комментарием: «обувь в виде сапог выше колен из оленьего камыса, шьется шерстью наружу».

1) Т ненец. тайм. *Ламдо тэта' не напэдами та. Хури' саваана ебьюв'*: едэй мальчам' серадм', *сше падрота пибу серадм'* («Сидя Нгэваседа тэта», расск. Яптунэ Очавка Юйнович, п. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 135]. «Жена оленевода Ламдо дала мне одежду, и я хорошо оделся: надел новую малицу, бакари с семью узорами» («Два оленевода Нэвасяда», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 139].

2) *Сыра' нерад Сэр'не хэ'лыби // парисетевы нойта пибу. // Сэдораню', сёвэй хамдумби: // — Хибя тутна, мэнгуда пибу? // Хибя мэтъяда тобто' сырит // парисетевы нойта пибид?* [Пичков 2000: 93]. «Шьет Сэрне для суровой зимы // белые с черным и красным пимы. // Шьет черноглазая, шьет и поет: // — Что ж за пимами никто не идет? // Кому подарю для суровой зимы // я белые с черным и красным пимы?» [Пичков 2000: 92].

Конструкция пимов у других самодийских народов несколько отличается.

Нганасанские бакари *hijaŋti* уникальны и, по словам А. А. Попова, встречаются «только у нганасан»: эта обувь «не имеет выемов в подъеме и представляет как бы цилиндрический чехол, сообщающий ноге вид передней конской ноги. Зимняя обувь шьется исключительно из белых камысов; на мужскую — с длинными голенищами, идет восемь камысов, на женскую — меньше, т. к. голенище ее короче. Все отдельно скроенные части обуви сшиваются друг с другом в строгой последовательности. Сначала вырезается длинный передний клин правого бакаря (обуви), затем шестиугольный лоскуточек передка; одновременно с этим вырезаются те же части и для левого бакаря. Шестиугольник пришивается к нижнему концу длинного клинышка правого бакаря, затем — левого. После этого вырезаются два боковых клинышка обоих бакарей и т. д. Оба бакаря, таким образом, шьются одновременно, поскольку соответствующие части обоих по своей форме и величине должны быть строго одинаковыми. Одна деталь служит здесь как бы меркой для другой. Отдельные парные детали бакаря вырезают из одного куска кожи, складывая его пополам, чтобы получились одинаковые фигуры. Подошвы для бакарей делаются из оленьих лбов или из камысов, шерстью наружу. Так как последние бывают очень скользкими, то шерсть на них подрезают в виде ступенчатых зарубок. Наиболее прочными считаются подошвы, сделанные из оленьих щеток; их можно носить больше года» [Попов 1948: 108—110].

Основные детали селькупской обуви: сельк. таз. *pētī* 'обувь, пимы (бакари)', ел. *пейм*, тур. *пемы* 'кисы (женская обувь из мягкой кожи)', об. с. *пō* 'обувь', об. с. *пōв, пōу* 'чирки, ботинки, сапоги', об. с. *пэу* 'сапог, сапоги; ботинок, ботинки', об. с. *хоби пōм* 'сапог; сапоги', кет. *пōв*, вас. *пōве* 'чирки, ботинки, сапоги', кет. *пūманчап* 'гачи', тым. *пūу, пūм* 'обувь' — оставались неизменными у носителей всех диалектов. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании этнографических фактов, представленных в работе Г. И. Пелих «Происхождение селькупов» [Пелих 1972: 43—44]. Нижняя часть летней обуви шьется из оленьей кожи (без меха), зимней — из лосиных и оленьих камысов мехом наружу. Обувь может кроиться как с подошвой, так и без нее; в последнем случае подошва пришивается отдельно. У щиколотки пришивается полоска кожи, в нее продевается шнурок из кожи или из конопли. При стягивании шнурка чирок плотно обхватывает щиколотку ноги, сверху образуется оборка. Чирок можно было носить в таком виде, но часто сверху пришивались еще голенища высотой до колен. Голенища могли быть из оленьей или налимьей кожи, также голенища изготовляли из холста (их наименование в работе отсутствует). Голенища подвязывались у колена ремешком, чтобы нога была плотно обтянута и при ходьбе не стиралась. В старину чирки расшивали бисером и сухожилиями. У мужских чирков носки заострялись, женские делались с тупыми носками («как конские копыта») [Пелих 1972: 43].

Можно сделать вывод, что ПС **pājma* описывало обувь из камысов с высоким голенищем, т. к. эта часть значения (сема) присутствует у рефлексов ПС слова во всех современных самодийских языках.

2) Меховые чулки (мехом вовнутрь)

Т ненец. б.-з., зап. *либтад'* 'меховые чулки; либты', *либт'(д)* 'меховой чулок (надевается под пимы)' [Терещенко 1965, 2008: 190], б.-з. *либтад'* 'чулки (из меха)' [Терещенко 1989: 290], Sj. *lipt'st*, U *l'ipt'st*, N *liβi'st* 'Fellstrumpf (mit den Haaren nach innen)' 'меховой чулок, сшитый мехом вовнутрь' [Lehtisalo 1956: 235] (ср. также: Т ненец. б.-з. *либтāтенда(сь)* 'шить либты, меховые чулки' [Терещенко 1965, 2008: 190]);

ср.: энец. *lutu'* 'чижи, табаки, либты — меховые чулки, обувь шерстью вниз', *lutudigu* 'обувь типа носков' [Helimski 2007a]; нган. *libti'* 'внутренние чулки' [Helimski 2007b]; сельк. таз. *liptin₃* 'ткань, материя, материал на одежду, обрывок, лоскут, тряпка' [Helimski 2007c], об. с., об. ч. *лыпра* 'тряпка', *лыпрай* 'из тряпки, тряпичный', кет. *лыпсай* 'лохматый', тур. *лыптык* 'материя; ткань', об. ш., об. ч. *лэпра* 'тряпка' [Быконя 2005: 119]

< ПСС **lipV*- ‘меховой чулок, сшитый мехом вовнутрь’ < ПС **lipV*- ‘кусочек шкуры, материя’⁴⁴ < ПУ **lipV*- ‘обувь, одежда из ткани или шкуры (меха)’: фин. *lapikas* ‘башмак лопарский’ [SSA, 2: 47] (в [Хакулинен 1953: 133] это слово приведено как иллюстрация суффикса *-kas*); хант. V, Vj *lopi* ‘одежда, шуба, пальто, халат’ [DEWOS: 873]; манс. N *lapkä* ‘меховая куртка’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 251a], LM *lápšéx* ‘платье’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 267].

Слово *либтад*” употребляется только в западных тундрах (западнее Уральских гор): Канинской, Тиманской, Малоземельской, Большеземельской, Колгуевской [Терещенко 1965, 2008: 190; Lehtisalo 1956: 235; ПМАК 2011; ПМАБз 2012]. Оно не встречается в восточной тундре (восточнее Уральских гор), где в этом значении представлено существительное *тобак*” [Терещенко 1989: 664; ПМАЯ 2008—2009, 2010; ПМАГ 2011] (см. ниже); соответствие слову *либтад*” не зафиксировано и в Л ненец. [ПМАЛ 2012].

Меховые чулки *либтад*” шьют из «телячьей зимней подстриженной постели мехом вовнутрь» [Хомич 1966: 120, 128; Мухачев 2001: 23], на изготовление либтов могут идти и сшитые вместе кусочки шкур (Рис. 43, 44). Покрой либтов прост: они сшиваются из трех частей — голенища, носка и подошвы; шов при этом делается внутренний (по шерсти). Узоры на либтах не делают.

Либты надевают под верхнюю обувь — пимы, сшитые мехом наружу (в теплое время года — под резиновые сапоги). В одних либтах можно ходить только в чуме (по доскам пола), но не на улице, т. к. они легко пропускают влагу. Поскольку чулки *либтад*” имеют длинное голенище, которое может спадать при ходьбе, к верхней части либтов, окаймленной сукном, пришивают специальные ровдужные ремешки — Т ненец. б.-з., зап. *те”эм* [Терещенко 1965, 2008: 652], ямал. *тем* [Терещенко 1965, 2008: 648], — с помощью которых чулки привязываются к шнурку, вдернутому в пояс штанов (Т ненец. *сюр”мя* [Терещенко 1965, 2008: 592], см. выше). Под коленом либты не подвязывают. Сухую траву (вместо стельки) в меховые чулки не кладут, носят их на босу ногу, т. к. из-за обычного поддетого под либт носка можно отморозить ступню.

3) Тобаки (обувь без узоров и суконной отделки, мехом наружу)

Т ненец. *тобак*” 1) (б.-з.) ‘тобаки (меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время)’, 2) (ямал.) ‘чулки из оленьей шкуры’, *тобак* 1) ‘тобак’, 2) ‘чулок из оленьей шкуры’ [Терещенко 1965, 2008: 664], ямал. *тобак*” ‘чулки (из меха)’ [Терещенко 1989: 290], О *tōB’āk*, ОР *tōbākk’* ‘Strumpf aus Renttierfell’ ‘меховой чулок’, У *tōB’āk* ‘bei strenger Kälte über den Beinlingsstiefel gezogener kurzer, weiter Überschuh aus Renttierfell’ ‘обувь, надеваемая поверх меховых чулок при сильном морозе’ [Lehtisalo 1956: 493] (ср. также: Т ненец. ямал. *тобакāндā(сь)* ‘шить тобаки’ [Терещенко 1965, 2008: 664]); Л ненец. *to’pak* ‘нижние чулки из шкур’ [Попова 1978: 133], *топак* ‘меховой чулок’ [Бармич, Вэлло 2002: 129, 282], S, Nj. *tōpāzk* ‘Strumpf aus Renttierfell’ ‘меховой чулок’ [Lehtisalo 1956: 493];

ср.: энец. *tōbako* ‘тобаки, чулки мехом внутрь’ [Helimski 2007a]; нган. *tubaa’kəə* ‘кожа (красная, русской выделки)’ [Helimski 2007b]

< ПСС **top-Vk* ‘меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время; чулки из оленьей шкуры’ < ПС **topā* ‘нога, копыто’ [Janhunen 1977: 166].

Существительное *тобак* употребляется в разных районах расселения ненцев в двух различных значениях: 1) в западной тундре (от Канинской до Большеземельской) — в значении ‘меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время’ (в восточной тундре в этом значении представлено слово *тобār”(д)* [Терещенко 1965, 2008: 664]); 2) в восточной тундре (восточнее Уральских гор, в Ямальской тундре), а также в Л ненец. — в значении ‘чулок из оленьей шкуры’ (как было сказано выше, в западной тундре в этом значении используется слово *либт*”).

Здесь мы не будем касаться второго, «восточного», значения существительного *тобак*, т. к. описание мехового чулка уже было представлено выше (см. *либт*”), и остановимся только на первом, «западном», значении этого слова. В западной тундре лексема *тобак* используется для обозначения верхней обуви, сшитой из камыса мехом наружу и надеваемой поверх меховых чулок. От пимов (кисов, бакарей) *пи́ва*” (см. выше) тобаки отличаются отсутствием узоров, отделки и суконных вставок, что делает их повседневной, будничной рабочей обувью, хорошо приспособленной к сильным морозам; см. Рис. 28 (справа), 45, 46 (слева).

⁴⁴ По данным [Аникин, Хелимский 2007: 82], нан. *лiптoқoл/у* ~ Бк *лiфтoқoл/у* ‘тапочки’ [ССТМЯ, 1: 499] < ? ПСС **lirtzt* ‘меховые чулки’. Связь сравниваемых слов не вызывает сомнений. Сложность заключается в том, что нан. слово может быть из рус. (< ненец.), ср.: рус. сев. *липты* (pl.) ‘исподние самоедские сапоги или чулки, пжижковые, шерстью внутрь’ [Хелимский 2000: 281; Даль, 2: 254], рус. сиб. *люпты* и т. д. [Аникин 2000: 362].

Покрой табаков сходен с покроем пимов: они, как и пимы, выше колен, однако головки шьются отдельно; подошвы их также делают из щетки, обрамляющей копыта оленей [Хомич 1966: 121]. Табаки шьются без разделения на правый и левый [Мухачев 2001: 23]. К верхней части табаков пришиваются кожаные ремешки — Т ненец. б.-з., зап. *те”эм* [Терещенко 1965, 2008: 652], ямал. *тем* [Терещенко 1965, 2008: 648], — с помощью которых они привязываются к шнурку, вдернутому в пояс штанов (Т ненец. *сюр”мя* [Терещенко 1965, 2008: 592], см. выше). Для тепла внутрь табаков кладется стелька из сухих стеблей злаковых трав.

4) Пимы (кисы, бакари) без узора

Т ненец. ямал. *мада* ‘пимы без узора, сшитые не по фасону’ [Терещенко 1965, 2008: 213] (ср. *mōda* [Salminen 1998: 483]), *мадак* ‘поперечный узор на пимах’ [Терещенко 1965, 2008: 214] (ср. *mōdak*^o [Salminen 1998: 483]), б.-з., м.-з. *мадак”* ‘длинные пимы’ [Терещенко 1965, 2008: 214];

ср.: энец. *mote*^(r) ‘длинные бакари; пимы без узора, простые’, *moterutode* ‘полоска на одежде’ [Helimski 2007a]; нган. *māṭ-r* ‘полоска из сукна, нашитая поверх шва на пимах’

< ПСС **mātV*- ?? ‘пимы простые, без узора’ (→ ‘полоски на пимах, одежде’).

5. Детали обуви

1) Подвязки

Т ненец. ямал. *тем* ‘подвязка (пимов)’ [Терещенко 1965, 2008: 648], б.-з., зап. *те”эм* ‘подвязка у мужских пимов’, ‘замшевые тесемки на пимах, которые прикрепляются к поясу брюк, чтобы обувь хорошо сидела’ [Терещенко 1965, 2008: 652] (этнографическое описание см. выше; *Рис. 47*);

ср.: кам. *t'e^{sb}me* ‘Band Strick, Seil’ ‘шнурок, завязка’ [Donner 1944: 69]

< ПСС **terṭV* ‘подвязка пимов’ < ПС **terṭV* ‘завязка’.

2) Носок (обуви)

Т ненец. *уарвэ, уарвэй* ‘носок (ноги, обуви)’ [Терещенко 1965, 2008: 385];

ср.: энец. *ebe*^o ‘носок обуви’ [Helimski 2007a]

< ПСС **ārṭV* ‘носок обуви’.

6. Головные уборы

1) Платок

Т ненец. ямал. *уокáсь(н)* ‘шаль, платок’ [Терещенко 1965, 2008: 397];

ср.: сельк. таз. *ūki* ‘шапка, головной убор; капюшон’ [Helimski 2007c], ел. *ūkkы, вас. ög ~ öge ~ öke ~ ŷg, об. ög ~ öge ~ öke ~ ŷg ~ ŷgэ, тым. ög ~ öge ~ ök ~ юка, кет. öкко ~ ŷгы ~ ŷккы* ‘шапка; кепка’ [Быконя 2005: 172, 173, 262, 264, 315]; кам. *ūžū* ‘шапка’; мат. *ūgūj* ‘шапка’ [Helimski 2001: 373]⁴⁵

< ПСС **öke-* ‘платок, шаль’ < ПС **öke-* ‘шапка, головной убор’ < ?? ПУ **wojkV*: манс. N *vojken* ‘пальто из грубого сукна; грубое, плотное сукно; платок’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 731b].

Летом, в теплую погоду весной и осенью ненецкие женщины носят платки как головной убор, предпочитая при этом материю ярких цветов (*Рис. 7, 11, 17, 22, 48*).

2) Шапка, капюшон

Т ненец. *сáва* 1) ‘капюшон (малицы или совика)’, 2) ‘шапка, кепка’ [Терещенко 1965, 2008: 517; Терещенко 1989: 100], О, Т₁₂, S_j, I, U, M *ṣaββṛ* ‘Mütze’ ‘шапка’ [Lehtisalo 1956: 392]; Л ненец. *хá’ма* [x’ämmä] 1) ‘капюшон на малице или соvice’, 2) ‘шапка’ [Попова 1978: 137], *хамма* ‘шапка’ [Бармич, Вэлло 2002: 135] (ср. *хама* ‘платок’ [Бармич, Вэлло 2002: 135])⁴⁶, *хá’ма* ‘шапка женская’ [Приходько 2000: 102, 172], L_j., N_j. *хаттṛṗṗ*, Р *хаттṛ* ‘Mütze’ ‘шапка’ [Lehtisalo 1956: 392];

⁴⁵ В словаре [Helimski 2001: 373] это сравнение приводится без ненецких форм.

⁴⁶ Однако в русско-ненецкой части словаря для слова ‘шапка’ приводятся оба варианта (как с одной *м*, так и с двумя буквами *мм*): *хама, хамма* [Бармич, Вэлло 2002: 283].

ср.: энец. *soe* ‘женская шапка (типа ушанки)’ [Helimski 2007a]; нган. *səmi* ‘шапка, капюшон сокуя’ [Helimski 2007b]; сельк. *sawo* ‘шапка’ (селькупское слово зафиксировано только в [Donner 1932], в словарях [Helimski 2007c; Быконя 2005] оно отмечено не было)

< **ПСС **səmV* ‘женская шапка-капор; капюшон’** < **ПС **səmV* ‘женская шапка-капор’** < **ПУ **šuma* ‘головной убор, шапка’**.

В ненецком языке одним словом могут обозначаться как капюшон (мужской одежды), так и шапка (преимущественно женская). Форма винительного падежа множественного числа от существительного *сáва* — Т ненец. *сáби* (О *šəBʹɪ* [Lehtisalo 1956: 392]), Л ненец. Nj. *χammī* [Lehtisalo 1956: 392]; пример: Т ненец. *Мальци” сáби янз”ид* ‘Отряхни снег с капюшонон малиц’ [Терещенко 1965, 2008: 517]. От этой формы образован ряд производных глаголов: Т ненец. *сáбиндä(сь)* ‘заниматься шитьем шапки’ [Терещенко 1965, 2008: 515], *сáбитä(сь)* = тайм. *сáвтä(сь)* ‘быть в шапке, носить шапку’ [Терещенко 1965, 2008: 515, 519], *сáбиць* ‘использовать, носить что-либо вместо шапки’, ‘иметь шапку’ [Терещенко 1965, 2008: 515].

В конце XIX в. — начале XX в. малица, мужская верхняя одежда, имела капюшон во всех районах расселения ненцев, кроме полуострова Канин Нос и острова Колгуев [Хомич 1966: 116]. Упоминание о капюшоне у ненцев о. Вайгач встречается уже в записях участника Нидерландской экспедиции 1594—1595 гг. Гюйгена ван Линсхотена: «Платье их из меха, (...) на руках перчатки, приделанные к рукаву, чтобы можно было всегда снимать и одевать, так же как и шапка на голове, приделанные к одежде» [Хомич 1966: 114].

Капюшон малицы обычно шьют из пыжика в два слоя (мехом наружу и внутрь), при этом считается красивым темный или даже черный мех (Рис. 1, 19, 21, 23—25, 27, 28, 45, 50). При помощи специальной продернутой тесемки можно сужать или расширять отверстие капюшона. В Ямальской и Большеземельской тундрах по краю капюшона (особенно капюшона совика, сокуя) иногда пришивают опушку из песцового меха, которая оберегает лицо от обморожения (Рис. 13, 43). В Тазовской тундре раньше встречались капюшоны из бобрового меха [Хомич 1966: 116].

Малица канинских и колгуевских ненцев имеет высокий воротник из оленьего меха и не имеет капюшона — шапка надевается отдельно (Рис. 51) [Хомич 1966: 118]. Такая «западная» малица без капюшона еще в XIX в. была распространена значительно дальше на восток [Андреев 1947: 98; Хомич 1966: 118].

Канинская и колгуевская мужская шапка (а также шапка пожилых женщин) имеет круглое дно и короткие уши (Т ненец. *пяртав*) [Хомич 1966: 118, 120]. Шапку *пяртав* шьют «из пыжика на подкладке из пашин (шкура с живота оленя)»; передняя и затылочная части выкраиваются из целых кусков, причем перед более высокий (Рис. 51) [Хомич 1966: 120]. «В отличие от женских мужские шапки (праздничные и для молодых мужчин) иногда шили с длинными ушами, орнаментированными на концах. При надевании эти уши, скрепленные медной цепочкой, откидывали назад. Отличие от женских шапок заключалось также в расположении украшений (...)» [там же: 120].

Женские шапки значительно отличаются по районам расселения ненцев.

1) В Канинской тундре встречаются шапки двух типов.

а) Канинские шапки первого типа *пяртав* (см. выше) обычно носили пожилые (и замужние) женщины (Рис. 32, 51, 52). Нарядные шапки этого типа украшали сукном, концы суконных полосок при этом свободно свисали. «Сзади к шапке пришивали *сáва’ нэ*” (досл. “ноги шапки”) — две длинные полосы из камыса шириной около 8 см, обильно украшенные мозаичным орнаментом из сочетания белого и темного меха и суконными вставками. Примерно посредине *сáва’ нэ*” соединялись между собой медными цепочками или нитками бус» [Хомич 1966: 126].

б) Канинская шапка второго типа (Т ненец. *няндуй, няндуй сáва*) представляла собой «высокую полукруглую шапку, сшитую из двух кусков меха (пыжика), без донышка, с пришитыми короткими ушами» [Хомич 1966: 127]. Подкладка шилась из брюшной части шкуры, уши не пришивались, а выкраивались из одного куска. Вдоль шва вставляли полоски сукна, сзади к шапке также пришивали *сáва’ нэ*” (Рис. 49). Такие шапки носили девочки-подростки, девушки и молодые женщины (Рис. 4, 15, 49, 53, 54).

2) В Малоземельской и Большеземельской тундрах женщины носили также пыжиковые шапки с длинными ушами, «сшитые из четырех конусообразных кусков, сходящихся на макушке» [Хомич 1966: 127].

3) В Большеземельской и во всех восточных (зауральских) тундрах в качестве женского головного убора используется капор «с пышной опушкой из песцовых хвостов» [Хомич 1966: 127] (Рис. 2, 8, 9, 17, 18, 55—58). «Шапки этого типа состояли из трех частей — длинной полосы, которая проходила через темя на уши, затылочной части, которая шилась всегда из оленьего лба, причем глазницы зашивались кусочками меха, окантованными цветным сукном, и задней части, которая полукругом спускалась на спину» [Хомич 1966: 127] (Рис. 55—58). Вдоль лицевой части пришивают опушку из песцового меха

[УСС 2005: 9] (Рис. 2, 8, 9, 18). Сзади к нижнему краю шапки пришивают множество медных и железных украшений [УСС 2005: 9] — Т ненец. *сáва' еся'* [Терещенко 1965, 2008: 111, 517], Л ненец. *хаммау вешá'* 'украшения для шапки' [Приходько 2000: 102, 172], — которые оттягивают шапку назад, не позволяя ей задраться от сильного ветра (Рис. 17, 55—58).

Т ненец. тайм. *Тарем' тасладу'*: *не нгачекым' хэбидя ян' тэвранггуду', тад чикы не нгачекэнту' савам' хэбидя ян' нгыданггуду', черсяда есясавэй не савам'*. (...) *Не нгачекы тад хаюпа хэб' — нанта няби не нгачекым' тэрабасътавы', не савамта есясавэй нгыдабасътавы'* («Ядне' хэбидя я», расск. Яр Василий Дмитриевич, п. Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 92]. «Он и другие люди так решили: когда они выберут, какую девушку отправить им под священную землю, они возьмут ее **шапку с металлическими украшениями** и повесят где-нибудь на священной земле. (...) Если девушка выходила замуж, люди выбирали другую и вывешивали ее **шапку с подвесками**» («Священная земля Ядне», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 93].

Как отмечает Л. В. Хомич, локальные различия женских головных уборов чрезвычайно интересны. Н. Ф. Прыткова указывает на сходство женских шапок западных ненцев с саамскими [ОНС 1961: 329].

У энцев, как и у ненцев Большеземельской и восточных (зауральских) тундр, женским головным убором был капор, сшитый из оленьих шкур. У лесных энцев он назывался *soe*, у тундровых — *tadi*. Нижний (или домашний) капор изготовлялся из белого пыжика (мехом вовнутрь), причем теменная и затылочная части кроились отдельно и затем сшивались; со всех краев капор обшивали черной опушкой из недлинного собачьего меха. Из такого же материала, но мехом наружу изготовляли и верхний капор, его опушку делали из длинного черного собачьего меха.

В нганасанском языке словом *саму* назывался как капюшон мужской парки (верхней одежды), так и женская шапка (аналогично и в ненецком языке), которая также представляла собой капор из полос короткошерстной шкуры, обшитый у лица полосой черного собачьего меха с длинной шерстью.

Таким образом, для ПСС **samV* восстанавливаются два значения — 'капюшон (на мужской одежде)' и 'женская шапка-капор'.

Трудно понять, какой именно вид шапок описывало селькупское слово *sawo* 'шапка'. Оно уже с 50-х гг. XX в. вышло из употребления, и не вполне ясно, чем предмет, обозначаемый существительным *sawo*, отличался от сельк. таз. *йкј* 'шапка, головной убор; капюшон', ел. *йккы*, вас. *өг ~ өге ~ өке ~ үг ~ үһа*, об. *өг ~ өге ~ өке ~ үг ~ үге ~ юһ*, тым. *өг ~ өге ~ өк ~ юка*, кет. *өкко ~ үгы ~ үккы* 'шапка; кепка'. Основной вид шапок, по данным [Шатилов 1927: 164; Прыткова 1970: 89; Пелих 1972: 44], различался для женщин и мужчин. Женская шапка — это капор, который делали двойным (на меховой подкладке из оленьего меха), а его верх — из сборного меха (лапок белки, песца, птичьих шкурок). Мужские шапки по форме напоминают кубанки, их шили из меха бобра или выдры; можно предположить, что эти шапки и назывались сельк. таз. *йкј*, ел. *йккы*, вас. *өг ~ өге ~ өке ~ үг ~ үһа*, об. *өг ~ өге ~ өке ~ үг ~ үге ~ юһ*, тым. *өг ~ өге ~ өк ~ юка*, кет. *өкко ~ үгы ~ үккы*. Возможно, женская шапка-капор обозначалась словом *sawo*⁴⁷.

Если принимать эту гипотезу, то ПС **samV* должно было иметь значение 'женская шапка-капор', т. к. рефлексy этого слова во всех современных самодийских языках обозначают именно этот тип шапок. Нельзя исключить, что это слово описывало и мужские головные уборы. Однако наличие в селькупском языке разных названий для мужской и женской шапок, а также отсутствие данных по камасинскому и маторскому языкам не позволяет утверждать это с уверенностью.

⁴⁷ По данным М. А. Кастрена [Кастрен 1860: 308], у южных селькупов существовала также шапка особой остроконечной формы, которую кроили клиньями, собирая вертикально к макушке. Интересно, что в Музее археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете хранится сделанная из бересты шапка «из нарымского края», доставленная в свое время Г. Н. Потаниным. «Это шлемообразный головной убор из восьми клиньев. В месте соединения верхних концов клиньев пришит кружок из бересты, а к нему (один на другом) еще два кружка меньшего диаметра, украшенных по окружности профилированной резьбой в виде зубчиков. Козырек пришит к тулье. Внутри шапки вкруговую, покрывая и край козырька, пришита узкая берестяная лента. Снаружи нижний обрез шапки охватывается двумя слоями берестяной ленты, профилированной зубчатым орнаментом, в основном из розеток различной величины и формы. По этнической принадлежности шапка условно определена как хантыйская. О головных уборах такой формы записаны рассказы информантов-селькупов, упоминается о них и в селькупском фольклоре» [Хороших, Гемуев 1980: 178, 179]. В настоящее время зимой мужчины-селькупы, если не надевают суконного гуся (просторной сорочки из сукна с пришитым капюшоном), носят современные шапки-ушанки, а летом — кепки. Селькупские женщины зимой надевают меховую шапку — «ляльку» (ср. *tola* 'круглая маленькая шапочка'), а в теплую погоду — платки.

Заключение

Итак, представим, как выглядят этимоны ненецких исконных названий одежды в прасамодийском и прауральском языках или в языке-источнике заимствования.

ненецкий ⁴⁸	ПСС	ПС	ПУ / источник заимствования (параллель)
Т <i>пáны</i> , Л <i>паны</i> (<i>панэй</i>) 'одежда; верхняя женская одежда (паница, ягушка)'	ПСС * <i>rəŋə</i> (* <i>rəŋz</i>) 'верхняя одежда, меховой комбинезон'		ПСТунг * <i>pani-</i> 'наряжаться; наряд, нарядный'
Т <i>парка</i> , Л <i>'pālka</i> 'верхняя меховая мужская одежда (парка)'	ПСС * <i>pārka</i> 'одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу'	ПС * <i>pārka</i> 'одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу'	ПТунг * <i>bārga-</i> 'одеваться'
Т, Л <i>ни''мя</i> 'брюки, штаны'	ПСС * <i>pit³mä</i> 'штаны'	ПС * <i>pit³mä</i> 'штаны'	ПУ * <i>pitV-</i> 'деталь одежды на ноги'
Т <i>тю</i> , Л <i>чу</i> 'рукав (одежды)'	ПСС * <i>tüaj</i> 'рукав'	ПС * <i>tüaj</i> 'рукав'	ПУ * <i>soja</i> 'рука' → 'рукав'
Т <i>ноба''</i> , Л <i>нопа''</i> 'рукавицы, пришитые к рукавам малицы или паницы (ягушки)'	ПСС * <i>orā</i> 'рукавицы из камыса, пришиваемые к одежде'	ПС * <i>orā</i> 'рукавицы из камыса, пришиваемые к одежде'	
Т <i>хåлак</i> 'клапан в верхнем углу нюка, через который тот поднимается на шест; закрытая рукавичка, пришитая к верхней детской одежде'; Л <i>хана'к''</i> , <i>кана'к''</i> 'рукавицы, пришитые к детской одежде', <i>каптак</i> 'ушки нюка'	ПСС * <i>kälV-</i> 'зашитый рукав'	ПС * <i>kälV-</i> 'рукав'	ПТМ * <i>xül-kse</i> 'рукав'
Т, Л <i>пан</i> 'нижний край (например, нюка); подол одежды'	ПСС * <i>pāncā</i> 'подол'	ПС * <i>pāncā</i> 'подол'	ПУ * <i>panči</i> 'хвост'
Т <i>тáнҕá</i> , Л <i>таука</i> 'подкладка (одежды)', 'матерчатая крышка'	ПСС * <i>təŋkV</i> 'подкладка'		ПУ * <i>tanka</i> 'кисточка, бахрома, подкладка'
Т <i>пялик</i> 'нагрудник в виде кусочка мягкой шкурки, которая закладывается за ворот одежды ребенка'; Т <i>пялься</i> 'лоскут замши или ткани, который пришивается спереди к женским штанам', Л <i>пáл''ša</i> 'фартук на женских штанах'	ПСС * <i>pälV-</i> 'нагрудник, свисающая деталь одежды спереди'	ПС * <i>pälV-</i> 'свисающая деталь одежды'	ПТМ * <i>pil(a)-</i> 'вид нагрудного ремня'
Т <i>иня</i> , Л <i>видя</i> 1) 'ремень', 2) 'веревка, бечева, вязка', 3) 'возжа (для управления оленями)', 4) (перен.) 'луч'	ПСС * <i>winä</i> 'ремень, пояс, веревка плетеная'	ПС * <i>winä</i> 'ремень, пояс, веревка плетеная'	ПУ * <i>winjä</i> (<i>wünjä</i>) 'ремень'
Т <i>ни</i> 'ремень', 'пояс'; Л <i>ни</i> 'талиа', 'пояс'	ПСС * <i>ni</i> 'пояс'		ПУ * <i>jäje</i> 'пояс'
Т <i>сюр''(д)</i> 'объем пояса (штанов)', <i>сюр''мя</i> 'гашник; шнурок, который вдергивается в пояс штанов'; Л <i>šül?</i> 'пояс мужских штанов'	ПСС * <i>kürV-</i> 'гашник, завязка'	ПС * <i>kür-</i> 'стянуть, подпоясаться'	ПТю * <i>kür-</i> 'завязывать'
Т <i>мара</i> , Л <i>мада</i> 'пряжка, застежка (пояса)', 'петля'	ПСС * <i>marV</i> 'пряжка'	ПС * <i>marV</i> 'пряжка, пуговица'	

⁴⁸ Полный список ненецких диалектных форм по разным источникам см. в основном тексте статьи.

ненецкий ⁴⁸	ПСС	ПС	ПУ / источник заимствования (параллель)
Т <i>сись</i> '(н), Л <i>ши'ш</i> 'застежка; завязка', 'пуговица (на одежде)'	ПСС * <i>sisV</i> - 'завязка, застежка'	ПС * <i>sisV</i> - 'завязка'	ПУ * <i>kičV</i> (* <i>küčV</i>) 'узел, завязка на платье'
Т <i>масер</i> " 'кисть из цветного сукна или замши красного цвета (на одежде, нарте)', <i>масяр</i> "(д), <i>мэсяр</i> "(д) 'украшение, которое свешивается вниз (например, кисти головного платка, косы, сумочки для швейных принадлежностей; цепочки и т. д.)', Л <i>măčšer</i> 'то же'	ПСС * <i>masV</i> - 'украшение'		
Т, Л <i>ной</i> 'сукно', 'суконный'		ПС * <i>noj</i> - 'шерсть, сукно'	ПУ * <i>nojV</i> 'шерсть, материал для одежды'
Т <i>пива</i> "', Л <i>нема</i> " 'пимы (обувь из оленьего меха, шьется мехом наружу)'	ПСС * <i>pājta</i> 'обувь из камысов с высоким голенищем'	ПС * <i>pājta</i> 'обувь из камысов с высоким голенищем'	ПТю * <i>balmak</i> 'вид обуви'
Т б.-з., зап. <i>либт</i> "(д) 'меховые чулки мехом вовнутрь (либты)'	ПСС * <i>lipV</i> - 'меховой чулок, сшитый мехом вовнутрь'	ПС * <i>lipV</i> - 'кусочек шкуры, материя'	ПУ * <i>lipV</i> - 'обувь, одежда из ткани или шкуры (меха)'
Т <i>тобак</i> " (б.-з.) 'тобаки (меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время)', (ямал.) 'чулки из оленьей шкуры (либты)'; Л <i>топак</i> 'меховой чулок'	ПСС * <i>top-Vk</i> 'меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время; чулки из оленьей шкуры'	ПС * <i>topa</i> 'нога, копыто'	
Т ямал. <i>мада</i> 'пимы без узора, сшитые не по фасону', <i>мадак</i> 'поперечный узор на пимах', б.-з., м.-з. <i>мадак</i> " 'длинные пимы'	ПСС * <i>matV</i> - ?? 'пимы простые, без узора' (→ 'полоски на пимах, одежде')		
Т ямал. <i>тем</i> 'подвязка (пимов)', б.-з., зап. <i>те</i> "эм 'подвязка у мужских пимов', 'замшевые тесемки на пимах, которые прикрепляются к поясу брюк, чтобы обувь хорошо сидела'	ПСС * <i>tepmV</i> 'подвязка пимов'	ПС * <i>tepmV</i> 'завязка'	
Т <i>уарвэз</i> , <i>уарвэй</i> 'носок (ноги, обуви)'	ПСС * <i>ärwV</i> 'носок обуви'		
Т ямал. <i>уокась</i> '(н) 'шаль, платок'	ПСС * <i>öke</i> - 'платок, шаль'	ПС * <i>öke</i> - 'шапка, головной убор'	?? ПУ * <i>wojkV</i>
Т <i>сáва</i> , Л <i>хамма</i> 'капошон (малицы или совика)', 'шапка'	ПСС * <i>samV</i> 'женская шапка-капор; капошон'	ПС * <i>samV</i> 'женская шапка-капор'	ПУ * <i>šuma</i> 'головной убор, шапка'

Обобщая результаты исследования, можно сказать, что при развитии системы названий одежды от ПС / ПСС языка к современным ненецким диалектам не произошло принципиальных изменений. Лишь для одного слова отмечается существенное изменение значения: ПСС **rəñjə* (**rəñz*) 'верхняя одежда, меховой комбинезон' > Т ненец. *пáны*, Л ненец. *паны* (*панэй*) 'одежда; верхняя женская одежда (ягушка, паница)', — которое, вероятно, связано с тем, что в обиходе у ненцев отсутствуют комбинезоны, свойственные другим самодийским народам, а появилась особая верхняя женская одежда — паница (ягушка).

Во многих случаях проведенный анализ позволил существенно уточнить значения ПС слов по сравнению со словарем [Janhunen 1977], где реконструируются лишь самые общие значения ('верхняя одежда', 'рукавица' и т. д.). К сожалению, насколько нам известно, на настоящий момент практически не существует археологических данных о специфике одежды прасамодийцев, однако проделанная нами реконструкция позволяет довольно четко представить себе ее основные характеристики.

Основой прасамодийского комплекса верхней одежды, видимо, была ПС **pårkå* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’. Также существовали штаны (ПС **pit³mä*) и рукавицы из камыса, пришиваемые к одежде (ПС **opå*). На ПСС уровне появляются **pənjə* (**pənz*) ‘верхняя одежда, меховой комбинезон’ и ПСС **kəlv-* ‘защитный рукав’. Похоже, что оба этих названия специфической северной одежды имеют параллели в тунгусских языках.

Кроме того, можно предположить существование двух типов поясов: ПС **winä* ‘ремень, пояс, веревка плетеная’ (скорее всего, многофункциональная веревка) и настоящий пояс ПСС **ni* ~ ПЮС **ji*, вероятно, богато украшенный. Очевидно, были представлены пряжки и завязки: ПС **marV* ‘пряжка, пуговица’, ПС **sisV-* ‘завязка’.

У прасамодийцев был представлен особый вид обуви, который с некоторыми модификациями сохранился у всех самодийских народов, — ПС **pājma* ‘обувь из камысов с высоким голенищем’. Для этой обуви существовала специальная подвязка — ПСС **tepmV* ‘подвязка пимов’ (< ПС **tepmV* ‘завязка’), — которая, видимо, фиксировала ее на голени. Под обувь надевались меховые чулки — ПС **lipV-*. На ПСС уровне появляется и новый вид обуви — ПСС **top-Vk* ‘меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время; чулки из оленьей шкуры’. Вероятно, различие между «тобаками» и «пимами» у носителей ПСС языка было такое же, как и у современных западных ненцев: от пимов **pājma* тобаки **top-Vk* отличались отсутствием узоров, отделки и суконных вставок, что делало их повседневной, будничной рабочей обувью, хорошо приспособленной к сильным морозам.

У прасамодийцев существовало по крайней мере два типа головных уборов: ПСС **öke-* ‘платок, шаль’ (< ПС **öke-* ‘шапка, головной убор’) и ПСС **səmv* ‘женская шапка-капор; капюшон’ (< ПС **səmv* ‘женская шапка-капор’). Нельзя исключить, что ПС **səmv* описывало не только женскую шапку-капор, но и капюшон мужской парки (верхней одежды); такая многозначность характерна для рефлексов ПС **səmv* во всех современных северносамодийских языках.

Не вполне ясна функция ПСС **pälV-* ‘нагрудник, свисающая деталь одежды спереди’ (< ПС **pälV-* ‘свисающая деталь одежды’); это слово, возможно, было заимствовано из ПТМ **pīl(a)-* ‘вид нагрудного ремня’. Рефлексы этого ПС слова обозначают нагрудник в ряде современных самодийских языков, что может свидетельствовать о наличии нагрудника и у прасамодийцев. По мнению Г. М. Василевич, наличие нагрудников у других сибирских народов указывает на их контакты с тунгусами. Первые находки нагрудников у неолитического населения Приангарья и населения Алтая периода железного века свидетельствуют о древности их появления на территории Сибири [Василевич 1949].

Рассматриваемый комплекс названий одежды свидетельствует о том, что носители ПС языка жили в суровых климатических условиях и изготавливали одежду с применением технологий, принципиально не отличающихся от тех, какими в настоящее время пользуются при создании традиционной одежды современные ненцы, энцы, нганасаны. Это подтверждают и раскопки памятников кулайской и усть-полуйской культур, которые принято отождествлять с прасамодийцами: там найдено большое количество ножей, игл и других орудий производства. Таким образом, комплекс названий одежды указывает на то, что в жизни самодийцев не произошло принципиальных изменений с рубежа эр (времени распада ПС языка) и до наших дней. Комплекс традиционной самодийской одежды, которую мы видим сегодня, фактически сложился уже два тысячелетия тому назад. Самое существенное изменение в системе названий одежды у носителей ПСС языка — появление мехового комбинезона, что, возможно, свидетельствует об их контактах с палеоазиатами, для которых комбинезон является основной формой традиционной одежды, и о развитии технологии изготовления одежды в связи с продвижением на север.

Интересно, насколько выраженной была преемственность между прауральцами и прасамодийцами. Проведенный этимологический анализ ПС названий показывает, что часть слов имеет параллели в тунгусо-маньчжурских языках. Анализ семантики заимствованных слов дает возможность говорить о том, что именно названия теплой, специфически северной одежды могли перениматься от алтайских соседей: так, ПСС **pənjə* (**pənz*) ‘верхняя одежда, меховой комбинезон’, ПС **pårkå* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’, ПСС **kəlv-* ‘защитный рукав’ (< ПС **kəlv-* ‘рукав’), ПСС **pälV-* ‘нагрудник, свисающая деталь одежды спереди’ (< ПС **pälV-* ‘свисающая деталь одежды’) имеют параллели в тунгусских языках, а ПС **pājma* ‘обувь из камысов с высоким голенищем’, возможно, имеет тюркский источник заимствования. На основании этого можно предположить, что прауральцы жили в менее суровом климате и что появление теплой одежды у прасамодийцев происходило не в результате эволюции исконных предметов, а, скорее, путем заимствования у тунгусов — аборигенов Сибири.

Рис. 1. Мужчины-ненцы в традиционной одежде (малице) и обуви (кисах, пимах). Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окотэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); конец апреля 2010 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 2. Ненецкая женщина из рода Вэнго в традиционной одежде (ягушке), обуви (кисах, пимах) и шапке-капоре. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окотэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); начало мая 2010 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 3. Традиционная канинская паница горизонтального кроя («трехчастная» паница), сшитая из беличьего (сверху), оленьего (в середине) и собачьего (снизу) меха. Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 4. Традиционная паница горизонтального кроя, привезенная с п-ова Канин Нос (вид сбоку); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото М. К. Амелиной (2012 г.).

Рис. 5. Традиционная канинская паница горизонтального кроя с узорами из камыса (вид сзади). Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 6. Женщина и девушка из рода Вануйто в ямальских повседневных ягушках вертикального кроя. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семей Вэнго и Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 7. Девушка из рода Вэнго в ямальской ягуще вертикального кроя, украшенной узорами. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Вэнго (ЯНАО, Ямальский р-н); июль 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 8. Девушка из рода Окоэтто в праздничной ягуще с узорами на праздновании Дня оленевода. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 9. Традиционная большеземельская паница вертикального кроя; хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото М. К. Амелиной (2012 г.).

Рис. 10. Большеземельская летняя паница из сукна; хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото М. К. Амелиной (2012 г.).

Рис. 11. Ненецкие женщины в большеземельских праздничных паницах с узорами (жительницы с. Красное Заполярного р-на НАО, участницы фольклорного коллектива «Ненэй сё»). Фото М. К. Амелиной (2012 г.).

Рис. 12. Ненецкие женщины и девочка из рода Окотэтто в традиционных ямальских ягушках. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окотэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); август 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 13. Ненецкий мальчик из рода Яптик в совике (гусе, сокуе) на привале во время дальней дороги. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра (ЯНАО, Ямальский р-н); апрель 2010 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 14. Плечевые узоры на большеземельских праздничных паницах. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар (2012 г.). *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 15. Традиционная канинская паница горизонтального кроя (с узорами из камыса) и женская шапка; хранятся в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). *Фото М. К. Амелиной* (2012 г.).

Рис. 16. Манжеты рукавов большеземельской праздничной паницы. Село Красное Заполярного р-на НАО (2012 г.). *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 17. Узоры на манжетах рукавов, шапке и поясе ямальских девушек. На празднике День оленевода в с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО (п-ов Ямал); апрель 2009 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 18. Ненецкая девушка из рода Окоэтто в праздничной ямальской одежде.

На празднике День оленевода в с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО (п-ов Ямал); апрель 2010 г.
Фото М. К. Амелиной.

Рис. 19. Ненецкая девочка из рода Вануйто в детской малице. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июль 2009 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 20. Ненецкая девочка из рода Вануйто в детской малице с закрытыми (глухими) рукавицами. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); конец апреля 2010 г.
Фото М. К. Амелиной.

Рис. 21. Мужчины-ненцы в малицах и зеленых маличных сорочках перед дальней дорогой. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2010 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 22. Ненецкие женщины в суконных летних паницах на празднике (вид сзади). Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар (2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 23. Мужчина и мальчик в малицах и праздничных маличных сорочках на праздновании Дня оленевода. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 24. Юноши из рода Вануйто в малицах и повседневных маличных сорочках за работой. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семей Вэнго и Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 25. Мальчик из рода Окоэтто в летней малице с капюшоном и «пяликом» высматривает оленей. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окоэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); июль 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 26. Традиционные ненецкие плетеные пояса и пояса, украшенные узорами из бисера. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; сентябрь 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 27. Ненецкий мальчик из рода Окоэтто в малице и маличной сорочке с традиционным кожаным поясом, украшенным металлическими предметами. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окоэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 28. Ненецкие мальчики в малицах и синих маличных сорочках с плетеными поясами на праздновании Дня оленевода. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 29. Ненецкая женщина в суконной летней панице и традиционном головном уборе на празднике. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар (август 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 30. Детали ненецкой женской сумочки для рукоделия: мешочек для наперстка, верхняя (затягивающаяся шнурком) часть сумки (отверстие), боковые узоры, металлические украшения; автор — мастерица из рода Окоэтэтто. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; сентябрь 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 31. Пряжка мужского пояса (из личных вещей Латышева В. В.). Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото М. К. Амелиной.

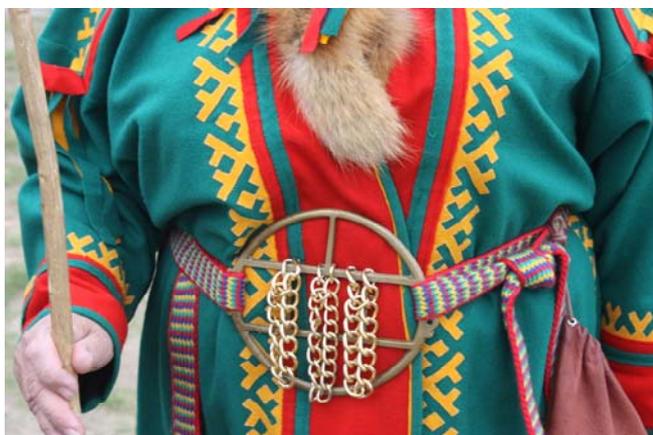

Рис. 33. Пряжка женского пояса. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар (август 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 32. Жительница о-ва Колгуев Апицына Степанида Ивановна в панице вертикального кроя (подпоясанной плетеным поясом с круглой пряжкой), колгуевской шапке и традиционной обуви (п. Бугрино, 1987 г.). Фото из личного собрания Ледковых И. Е. и Ю. А., а также фондов Ненецкого краеведческого музея (г. Нарьян-Мар, НАО).

Рис. 34. Пряжка женского пояса. Заполярный р-н НАО, с. Красное (март 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 35. Ненецкая женщина завязывает большеземельскую праздничную паницу. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар (август 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 38. Женские сумочки для рукоделия; авторы — мастерицы из рода Окотэтто (Окотэтто У. Л. и Л. Л.). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; сентябрь 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 36. Праздничная упряжь для оленей, запрягаемых в женскую нарту. Заполярный р-н НАО, с. Красное (март 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 37. Ненецкие женщины в суконных летних паницах держат в руках детали праздничной оленьей упряжи (суконные попоны). Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар (август 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 39. Талеева Лариса Прокопьевна в малоземельской суконной панице с узорами и традиционном головном уборе. Нарьян-Мар, НАО (август 2012 г.). Фото М. К. Амелиной.

Рис. 40. Женщина в канинской суконой панице и традиционном головном уборе с накосниками; вещи хранятся в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар).
Фото М. К. Амелиной (август 2012 г.).

Рис. 41. Школьный педагог Выучейская П. И. показывает, как правильно надевать и подвязывать мужские пимы (кисы, бакари). Село Красное Заполярного р-на НАО, март 2012 г.
Фото М. К. Амелиной.

Рис. 42. Женские пимы (кисы, бакари; из личных вещей Окоэтто Л. Л.). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; сентябрь 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 43. Мальчик из рода Окоэтто в летней малице и меховых чулках, сшитых мехом вовнутрь. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окоэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); июль 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 44. Юноша и мальчик из рода Окоэтто в летних малицах (и меховых чулках — слева). Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окоэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); июль 2009 г.
Фото М. К. Амелиной.

Рис. 45. Играющие мальчики из семей Окоэтто и Яптик в зимних малицах, маличных сорочках и традиционной обуви без узоров, сшитой мехом наружу. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окоэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); апрель 2010 г.
Фото М. К. Амелиной.

Рис. 46. Канинская традиционная обувь: тобаки без узоров (слева) и пимы с узорами (справа); из личных вещей Бобриковой И. Н. Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 47. Мужчины в зимних малицах, маличных сорочках и традиционной обуви (кисах, пимах, бакарях) соревнуются в перетягивании палки на празднике День оленевода. П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 48. Ненецкая девушка из рода Тусида перед дальней дорогой надевает на голову разноцветный платок. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семей Вэнго и Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2009 г. *Фото М. К. Амелиной.*

Рис. 49. Архаичная паница горизонтального кроя и традиционная шапка, привезенные с п-ова Канин Нос (вид сзади); хранятся в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар).
Фото М. К. Амелиной (2012 г.).

Рис. 50. Ненецкие мужчины (Окотэтто Х. Х. и А. Н.) в малицах и маличных сорочках за работой в корале. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окотэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); май 2010 г.
Фото М. К. Амелиной.

Рис. 51. Семья канинских ненцев в традиционной одежде. Канинская тундра, п-ов Канин Нос.
Фото Кожевина Г. С.
(из семейного архива Бобриковой А. А.).

Рис. 52. Канинские женщины и юноша в традиционной ненецкой одежде. Канинская тундра, п-ов Канин Нос.
Фото Кожевина Г. С. (из семейного архива Бобриковой И. Н. — крайняя справа).

Рис. 53. Ненецкая женщина (Бобрикова И. Н.) в панице и традиционной канинской шапке. Канинская тундра, п-ов Канин Нос.
Фото Кожевина Г. С.
(из семейного архива Бобриковой И. Н.).

Рис. 54. Ненецкие девочки в традиционных паницах вертикального кроя и канинских шапках. Канинская тундра, п-ов Канин Нос. Фото Кожевина Г. С. (из семейного архива Бобриковой И. Н.).

Рис. 55. Ненецкие девушки в праздничных шапках на Дне оленевода (вид сзади). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 56. Ненецкие девушки в праздничных шапках на Дне оленевода (вид сзади). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 57. Ненецкая девушка в праздничной шапке на Дне оленевода (вид сзади). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 58. Большеземельская шапка-капор (вид сзади); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото М. К. Амелиной (2012 г.).

Сокращения

Языки и диалекты

- аз. — азербайджанский
 алт. — алтайский
 англ. — английский
 башк. — башкирский
 долг. — долганский
 др.-тюрк. — древнетюркский
 кам. — камасинский
 С — данные по камасинскому языку в [Castrén 1854, 1855]
 кбалк. — карачаево-балкарский
 кирг. — киргизский
 ккалп. — каракалпакский
 крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
 ненец. — ненецкий
 Л — лесной ненецкий
 Kіs. — киселевский говор (среднекиселевский говор, в среднем течении р. Киселевская) [Lehtisalo 1956]
 Lj. — ляминский диалект [Lehtisalo 1956]
 S — сахалинский говор (по р. Сахалинская) [Lehtisalo 1956]
 Nі. — говор в среднем течении р. *Nṭʔʔʕeʔej* (д. Торопково) [Lehtisalo 1956]
 Nj. — нялинский диалект [Lehtisalo 1956]
 P, P₂ — пуровский диалект [Lehtisalo 1956]
 Т — тундровый ненецкий
 б.-з. — большеземельский диалект
 I — ижемский говор [Lehtisalo 1956]
 K — колвинский говор [Lehtisalo 1956]
 MB — усть-цилемский говор [Lehtisalo 1956]
 Sj. — усинский говор (говор по р. Уса) [Lehtisalo 1956]
 U — устьинский (пустозерский) говор (говор с. Устье — Пустозерска) [Lehtisalo 1956]
 вост. — восточные диалекты
 тайм. — таймырский диалект
 ямал. — ямальский диалект
 O — обдорский говор (говор г. Обдорска, ныне — г. Салехарда) [Lehtisalo 1956]
 OP — нижеобской говор [Lehtisalo 1956]
 T₁, T₁₂, T₁₃ — тазовский диалект [Lehtisalo 1956]
 зап. — западные диалекты
 канин. — канинский диалект
 N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]
 Sjo. — сёмжинский говор (говор по р. Сёмжа) [Lehtisalo 1956]
 м.-з. — малоземельский диалект
 Oks. — оксинский говор (говор д. Оксина) [Lehtisalo 1956]
 U-Ts. — данные по м.-з. диалекту, записанные в с. Усть-Цильма [Lehtisalo 1956]
 тиман. — тиманский диалект
 M — мезенский говор [Lehtisalo 1956]
- ног. — ногайский
 огуз. — огузские
 орок. — орокский
 ороч. — ороцкий
 ПАлт — праалтайский
 ПС — прасамодийский
 ПСС — прасеверносамодийский
 ПСТунг — прасевернотунгусский
 ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
 ПТунг — пратунгусский
- кум. — кумыкский
 манс. — мансийский
 LM — среднелозьвинский диалект
 N — северные диалекты мансийского языка
 маньчж. — маньчжурские
 мат. — маторский
 монг. — монгольский
 нан. — нанайский
 Бк — бикинский диалект
 Нх — найхинский диалект
 нган. — нганасанский
 негид. — негидальский
- ПТю — пратюркский
 ПУ — прауральский
 ПЮС — праюжносамодийский
 ПЯп — праяпонский
 рус. — русский
 сев. — севернорусское наречие
 сиб. — сибирские говоры
 саам. — саамский
 I — диалект Инари

сельк. — селькупский
 вас. — васюганский диалект
 ел. — елогуйский диалект
 кет. — кетский диалект
 об. — диалекты обского ареала
 об. с. — обские говоры сюсюкумов
 об. ч. — обские говоры чумылькупов
 об. ш. — обские говоры шёшкупов
 таз. — тазовский диалект
 тур. — туруханский диалект
 тым. — тымский диалект
 ср.-монг. — среднемонгольский
 ст.-кыпч. — старокыпчакский
 тат. — татарский
 ТМ — тунгусо-маньчжурские
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 уд. — удэгейский
 узб. — узбекский
 хорезм. — хорезмский диалект

ульч. — ульчский
 фин. — финский
 хант. — хантыйский
 казым. — казымский диалект
 низям. — низямский диалект
 О — обдорский диалект
 Тгј — тромъеганский диалект
 V — ваховский диалект
 Vj — васюганский диалект
 чаг. — чагатайский
 чжурчж. — чжурчженьский
 чигил. — чигильский
 чув. — чувашский
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 солон. — солонский диалект
 неп. — непский говор
 энец. — энецкий
 якут. — якутский

Источники

- ПМАБз 2012 — полевые материалы из экспедиции в с. Красное Заполярного района Ненецкого автономного округа (март, август 2012 г.); большеземельский диалект Т ненец.
 ПМАГ 2011 — полевые материалы из экспедиции в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа (сентябрь 2011 г.); гыданский диалект Т ненец.
 ПМАК 2011 — полевые материалы из экспедиции в с. Ома Заполярного района Ненецкого автономного округа (май— июнь 2011 г.); канинский диалект Т ненец.
 ПМАЛ 2012 — полевые материалы из экспедиции в с. Халясавэй Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа (июль 2012 г.); пуровский диалект Л ненец.
 ПМАЯ 2008—2009 — полевые материалы из экспедиции в с. Сё-Яха (Сеяха) и Тамбейскую (северо-ямальскую) тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (сентябрь 2008 г. — сентябрь 2009 г.); ямальский диалект Т ненец.
 ПМАЯ 2010 — полевые материалы из экспедиции в с. Сё-Яха (Сеяха) и Тамбейскую (северо-ямальскую) тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (апрель — сентябрь 2010 г.); ямальский диалект Т ненец.

Общие

букв. — буквально	знач. — значение	перен. — переносное значение
диал. — диалект, диалектный	многокр. — многократный	расск. — рассказчик
длит. — длительный	неперех. — непереходный	т. — тип
досл. — дословно	несов. — несовершенного вида	pl. — множественное число
заим. — заимствование	неупотр. — неупотребительный	V — любой гласный звук

Литература

- Андреев 1947 — Андреев А. И. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округа разного рода ясачных иноверцев // Советская этнография. 1947, 1. С. 84—103. {*Andreev A. I. Opisanija o žizni i upražnenii obitajuščix v Turuxanskoj i Berezovskoj okrugax raznogo roda jasačnyx inovercev // Sovetskaja etnografija. 1947, 1. S. 84—103.*}
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М. — Новосибирск, 2000. {*Anikin A. E. Etimologičeskij slovar' russkix dialektov Sibiri: Zaimstvovanija iz ural'skix, altajskix i paleoaziatskix jazykov. 2-e izd., ispr. i dop. M. — Novosibirsk, 2000.*}
- Аникин 2003 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003. {*Anikin A. E. Etimologičeskij slovar' russkix zaimstvovanij v jazykax Sibiri. Novosibirsk, 2003.*}

Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. E., Xelimskij E. A. Samodijsko-tunguso-man'čžurskie leksičeskie sv'azi.* М., 2007.}

Бармич 2004 — *Бармич М. Я.* Орнаменты и узоры тундровых ненцев // Печорские были: Альманах. Нарьян-Мар, 2004. С. 99—107. {*Barmič M. Ja. Ornamenty i uzory tundrovux nencev // Pečorskie byli. Al'manax. Nar'jan-Mar,* 2004. S. 99—107.}

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmič M. Ja., Vello I. A. Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt): Okolo 6500 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. 2-e izd. SPb.,* 2002.}

Бартнев 1896 — *Бартнев В. В.* На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. {*Bartnev V. V. Na krajnem severo-zapade Sibiri: Očerki Obdorskogo kraja.* SPb., 1896.}

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005. {*Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Red. Bykon'a V. V. Tomsk,* 2005.}

Василевич 1949 — *Василевич Г. М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XI. Л., 1949. С. 42—61. {*Vasilevič G. M. Tungusskij nagrudnik u narodov Sibiri // Sbornik Muzeja antropologii i etnografii.* Т. XI. Л., 1949. S. 42—61.}

Василевич 1969 — *Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969. {*Vasilevič G. M. Evenki: Istoriko-etnografičeskie očerki (XVIII — načalo XX v.).* Л., 1969.}

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 3. СПб., 1799. {*Georgi I. G. Opisanie vseh obitajuščix v Rossijskom gosudarstve narodov.* Č. 3. SPb., 1799.}

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1863—1866 // <http://slovari.yandex.ru>. {*Dal' V. I. Tolkovyj slovar' živogo velikorusskogo jazyka.* Т. 1—4. М., 1863—1866 // <http://slovari.yandex.ru>.}

Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. {*Dybo A. V. Semantičeskaja rekonstrukcija v altajskoj etimologii: Somatičeskie terminy (plečevoj pojas).* М., 1996.}

Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. М., 2007. {*Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urkov: Leksičeskij fond.* М., 2007.}

Зинченко 2002 — *Зинченко Е. Ни* — ненецкий мужской пояс // Северный луч. 2002, 51. С. 18—19. {*Zinčenko E. Ni — neneckij mužskoj pojas // Severnyj luč.* 2002, 51. S. 18—19.}

Зуев 1947 — *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772 гг.). М.—Л., 1947. {*Zuev V. F. Materialy po etnografii Sibiri XVIII v. (1771—1772 gg.).* М.—Л., 1947.}

Кастрен 1860 — *Кастрен М. А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838—1844, 1845—1849 гг. СПб., 1860. {*Kastren M. A. Putešestvie po Laplandii, Severnoj Rossii i Sibiri v 1838—1844, 1845—1849 gg.* SPb., 1860.}

Квашнин 2007 — *Квашнин Ю. Н.* Типы женской одежды сибирских тундровых ненцев // Актуальные вопросы истории Сибири: VI научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина (5—6 октября 2007 г.). Ч. 1. Барнаул, 2007. С. 58—61. {*Kvašn'nin Ju. N. Tipy ženskoj odeždy sibirskix tundrovux nencev // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: VI naučnye čtenija pam'ati professora A. P. Borodavkina (5—6 okt'abr'a 2007 g.).* Č. 1. Barnaul, 2007. S. 58—61.}

Лар 1999 — *Лар Т. Н.* Жизнь начинается с пояса // Красный Север. 1999, 54. С. 20. {*Lar T. N. Žizn' načinaets'a s pojasa // Krasnyj Sever.* 1999, 54. S. 20.}

Лыткин, Гуляев 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka.* М., 1970.}

Меньшакова 2003 — *Меньшакова Е. Г.* Литые металлические украшения кочевников как источник изучения взаимодействия культур в контактной зоне европейских тундр в XIX—XX вв. // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2003. С. 187. {*Men'sakova E. G. Litye metalličeskie ukrašenija kočevnikov kak istočnik izučenija vzaimodejstvija kul'tur v kontaktnoj zone evropejskix tundr v XIX—XX vv. // Vestnik Pomorskogo universiteta. Arxangel'sk,* 2003. S. 187.}

Мудрак 1985 — *Мудрак О. А.* К вопросу о чжурчженской фонетике // Языки Азии и Африки: Фонология. Лексикология. Грамматика. Ч. 1. М., 1985. С. 130—140. {*Mudrak O. A. K voprosu o čžurčžen'skoj fonetike // Jazyki Azii i Afriki: Fonologija. Leksikologija. Grammatika.* Č. 1. М., 1985. S. 130—140.}

Мухачев 2001 — *Мухачев А. Д.* Путешествие в мир оленеводов. Новосибирск, 2001. {*Muxačev A. D. Putešestvie v mir olenevodov. Novosibirsk,* 2001.}

Народы Западной Сибири 2005 — Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. *Гемуев И. Н., Молодин В. И., Соколова З. П.* М., 2005. {*Narody Zapadnoj Sibiri: Xanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Ency. Nganasany. Kety / Otв. red. Gemuev I. N., Molodin V. I., Sokolova Z. P.* М., 2005.}

Ненецкий фольклор 1995 — Ненецкий фольклор: Мифы. Сказки. Исторические предания (Серия «Фольклор народов Таймыра»). Вып. 5) / Сост. и пер. *Лабанаускас К. И.* Ред. *Ненянг Л. П., Яптунэ Р. П.* Красноярск, 1995.

{Neneckij fol'klor: Mify. Skazki. Istoričeskie predanija (Serija "Fol'klor narodov Tajmyra". Vyp. 5) / Sost. i per. *Labanuskas K. I.* Red. *Nen'ang L. P.*, *Japtune R. P.* Krasnojarsk, 1995.}

НЖЗО 2006 — Ненецкая женская зимняя одежда в собрании Ненецкого краеведческого музея: Каталог / Сост. *Журавлева Т. Ю.* Ред. *Корепанова Л. Ю.* Нар'ян-Мар, 2006. {Neneckaja ženskaja zimn'aja odežda v sobranii Neneckogo kraevedčeskogo muzeja: Katalog / Sost. *Žuravleva T. Ju.* Red. *Korepanova L. Ju.* Nar'jan-Mar, 2006.}

Норманская, Дыбо 2010 — *Норманская Ю. В.*, *Дыбо А. В.* Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках. М., 2010. {*Normanskaja Ju. V.*, *Dybo A. V.* Tezaurus: Leksika prirodnogo okruženija v ural'skix jazykax. M., 2010.}

ОНС 1961 — *Потанов Л. П.*, *Левин М. Г.* Одежда народов Сибири: Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.—Л., 1961. {*Potarov L. P.*, *Levin M. G.* Odežda narodov Sibiri: Istoriko-etnografičeskij atlas narodov Sibiri. M.—L., 1961.}

ОСНЯ — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1—3. М., 1971—1984. {*Illič-Svityč V. M.* Opyt sravnenija nostratičeskix jazykov. T. 1—3. M., 1971—1984.}

Паллас 1788 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1788. {*Pallas P. S.* Putešestvie po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva. Č. 3. SPb., 1788.}

Пелих 1972 — *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. {*Pelix G. I.* Proisxoždenie sel'kupov. Tomsk, 1972.}

Пичков 2000 — *Пичков А. И.* Куда бегут мои олени... (Стихи). Ханя' мэтини' няваты"... (Вадасэ") / Пер. с рус. на ненец. *Ледков В. Н.* СПб., 2000. {*Pičkov A. I.* Kuda begut moi oleni... (Stixi). Han'a' metini' n'awaty"... (Wadas'o") / Per. s rus. na nenec. *Ledkov V. N.* SPb., 2000.}

Попов 1948 — *Попов А. А.* Нганасаны: Материальная культура. М.—Л., 1948. {*Popov A. A.* Nganasany: Material'naja kul'tura. M.—L., 1948.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12). Szeged, 1978. {*Popova Ja. N.* Nenecko-russkij slovar': Lesnoe narečie (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12). Szeged, 1978.}

Приходько 2000 — *Приходько М. С.* Хомаку: Картинный словарь русско-ненецкого языка. СПб., 2000. {*Prihod'ko M. S.* Xomaku: Kartinnij slovar' russko-neščanskogo jazyka. SPb., 2000.}

Прокофьева 1956 — *Прокофьева Е. Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.—Л., 1956. С. 665—686. {*Prokof'eva E. D.* Sel'kupy // Narody Sibiri. M.—L., 1956. S. 665—686.}

Прыткова 1970 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1—99. {*Prytkova N. F.* Odežda narodov samodijskoj grupy kak istoričeskij istočnik // Odežda narodov Sibiri. L., 1970. S. 1—99.}

Рычков 1916 — *Рычков К. М.* Береговой род юраков // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Т. III. СПб., 1916. С. 154—191. {*Ručkov K. M.* Beregovoj rod jurakov // Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdelenija RGO. T. III. SPb., 1916. S. 154—191.}

Соболев 1926 — *Соболев А.* На реке Танаме // ИРГО. Т. LVI. Вып. 2. СПб., 1926. {*Sobolev A.* Na reke Taname // IRGO. T. LVI. Vyp. 2. SPb., 1926.}

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Т. 1—2. Л., 1975—1977. {*Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov* / Otv. red. *Cincius V. I.* T. 1—2. L., 1975—1977.}

СЭ 2004 — Северная энциклопедия / Рук. проекта *Голубчикова В. Д.* Сост. *Акбал'ян Е. Р. М.*, 2004. {*Severnaja enciklopedija* / Ruk. proekta *Golubčikova V. D.* Sost. *Akbal'jan E. R. M.*, 2004.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. M., 1965.}

Терещенко 1979 — *Терещенко Н. М.* Нганасанский язык. Л., 1979. {*Tereščenko N. M.* Nganasanskij jazyk. L., 1979.}

Терещенко 1989 — *Терещенко Н. М.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. Л., 1989. {*Tereščenko N. M.* Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. 2-e izd. L., 1989.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. SPb., 2008.}

УСС 2005 — Узоры северного сияния. Т. 2. Самодийские народы / Отв. ред. *Лукина Н. В.* Сост. *Сязи А. М.* Салехард — СПб., 2005. {*Uzory severnogo sijanija*. T. 2. Samodijskie narody / Otv. red. *Lukina N. V.* Sost. *S'azi A. M.* Salexard — SPb., 2005.}

Хайруллина 2005 — *Хайруллина Н. Г.* Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе // Ненцы Ямала: Кочевники и хранители традиций / Отв. ред. *Южаков А. А.* Тюмень — Салехард, 2005. С. 153—210. {*Xajrullina N. G.* Sociologičeskaja diagnostika etnokul'turnoj situacii v Jamalo-Neneckom avtonomnom okruge // Nency Jamala: Kočevniki i xraniteli tradicij / Otv. red. *Južakov A. A.* T'umen' — Salexard, 2005. S. 153—210.}

- Хакулинен 1953 — *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. М., 1953. {*Xakulinen L.* Razvitie i struktura finskogo jazyka. M., 1953.}
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. {*Xelimskij E. A.* Komparativistika, uralistika: Lekcii i stat'ji. M., 2000.}
- Хомич 1966 — *Хомич Л. В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {*Xomič L. V.* Nency: Istoriko-etnografičeskie očerki. M.—L., 1966.}
- Хомич 1970 — *Хомич Л. В.* Одежда канинских ненцев // Одежда народов Сибири: Сборник статей Музея антропологии и этнографии. Л., 1970. С. 100—121. {*Xomič L. V.* Odežda kaninskix nencev // Odežda narodov Sibiri: Sbornik statej Muzeja antropologii i etnografii. L., 1970. S. 100—121.}
- Хомич 1995 — *Хомич Л. В.* Ненцы. СПб., 1995. {*Xomič L. V.* Nency. SPb., 1995.}
- Хороших, Гемуев 1980 — *Хороших П. П., Гемуев И. Н.* Берестяные изделия селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 171—185. {*Xorošix P. P., Gemuev I. N.* Berest'anye izdelija sel'kupov // Etnografija Severnoj Azii. Novosibirsk, 1980. S. 171—185.}
- Шатилов 1927 — *Шатилов М. Б.* Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краеведческого музея. Т. 1. Томск, 1927. {*Šatilov M. B.* Ost'ako-samoedy i tungusy Prinarymskogo rajona // Trudy Tomskogo kraevedčeskogo muzeja. T. 1. Tomsk, 1927.}
- ЭМ 1997 — *Андреева Р. П.* Энциклопедия моды. СПб., 1997 // http://enc-dic.com/enc_fashion/Parka-883.html. {*Andreeva R. P.* Enciklopedija mody. SPb., 1997 // http://enc-dic.com/enc_fashion/Parka-883.html.}
- ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Ред. *Севортян Э. В.* М., 1978. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "B"* / Red. *Sevort'an E. V.* M., 1978.}
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 1997. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvu "K", "K"* / Red. *Levitskaja L. S. M.*, 1997.}
- Aikio 2006 — *Aikio A.* New and Old Samoyed Etymologies. Part II // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2006, 59. S. 9—34.
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T., Alatalo J.* / Zusammengestellt und hrsg. von *Alatalo J.* Helsinki, 2004.
- Castrén 1854 — *Castrén M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854.
- Castrén 1855 — *Castrén M. A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1992.
- Donner 1932 — *Donner K.* Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki, 1932. (= MSFOu. 1932, 64.)
- Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.
- EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache: Wörterbuch — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Helimski 2001 — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // *Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen*, in memoriam H. Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Helimski 2007a — *Helimski E.* Энецкие словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski 2007a — Helimski E.* Eneckie slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}
- Helimski 2007b — *Helimski E.* Нганасанские словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski 2007b — Helimski E.* Nganasanskije slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}
- Helimski 2007c — *Helimski E.* Селькупские словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski 2007c — Helimski E.* Sel'kupskie slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}
- Itkonen — *Itkonen E.* Inarilappisches Wörterbuch. Bd. I—IV. Helsinki, 1986—1991.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= *Castrénianumin toimitteita*, 17.)
- Joki 1952 — *Joki A. J.* Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952. (= MSFOu. 1952, 103.)
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.
- Mueller 2003 — *Mueller G. F.* Nachrichten über Volker Sibiriens (1736—1742) / Hrsg. *Helimski E., Katz H.* Hamburg, 2003. (= HFSM. 2003, 2.)
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

- SSA — *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. I—III. Helsinki, 1992—2000.
TMN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.
UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.
VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. I—II. Helsinki, 1969—1971.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности традиционных ненецких одежды и обуви, а также их деталей, названия которых являются исконными для ненецкого языка. В статье предпринята попытка с помощью метода семантической реконструкции определить, насколько предметы, обозначаемые данными ненецкими словами, отличаются от соответствующих прасамодийских предметов.

SUMMARY

The article deals with the features of the traditional Nenets clothes, footwear and their details the names of which came to Nenets from the protolanguage. The attempt to define the differences between the Nenets subjects, described by these words, and the Proto-Samoyedic subjects by means of a method of semantic reconstruction is made in the article.

Ключевые слова: ненецкий язык, прасамодийский язык, традиционная одежда, традиционная обувь, семантическая реконструкция, этимология, заимствование

Keywords: Nenets, the Proto-Samoyedic language, traditional clothes, traditional footwear, semantic reconstruction, etymology, borrowing

Селькупские этнографические коллекции в музеях Томской области: история сборов и исследований, характеристика их состава

В современном изменяющемся мире, подверженном действию процессов интеграции и унификации, многие так называемые традиционные культуры либо претерпели серьезную трансформацию, либо полностью «растворились» в унифицирующей среде. В этих условиях при решении проблемы сохранения культурного наследия коренных народов Сибири возрастает роль музеев: благодаря собраниям этнографических предметов музей позволяет решить задачу восстановления облика утраченной традиционной культуры и трансляции его будущим поколениям. Музейный предмет как предмет, извлеченный из окружающей среды и депонированный в музее, будучи носителем семантической и эмоциональной информации, является ценным материалом для использования в различных исследованиях, в том числе и этнографических [Разгон 1984: 175] (чрезвычайно удачные опыты такого использования см.: [Иванов 1954; Прыткова 1970]).

Целями данной работы являются выявление и обзор этнографических коллекций, характеризующих культуру селькупов южного и центрального диалектных ареалов, в музеях Томской области, реконструкция истории формирования этнографических селькупских собраний и проведение сравнительного анализа данных музейных коллекций.

Селькупы в ходе своего этноисторического развития не сложились как единый монолитный этнос — существовало несколько диалектно-локальных групп, практически не контактировавших между собой. Во второй половине XX в. представители селькупского населения проживали как в Колпашевском, Парабельском, Каргасокском и Верхнекетском районах Томской области, так и в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области и Туруханском районе Красноярского края. Такое расселение селькупов дало право историкам и этнографам выделять при классификации этноса две группы — южную группу, более известную как нарымская, и северную группу, в литературе чаще называемую тазовско-туруханской. Данная бинарная классификация была характерна для отечественных историко-этнографических исследований и использовалась вплоть до начала XXI в. Однако с конца 1980-х гг. лингвисты начинают классифицировать селькупов по трем диалектным ареалам: южному (среднеобскокетско-чаинско-чулымскому), центральному (тымско-васюганско-нарымско-парабельскому) и северному (тазовско-туруханскому); подробнее об этом см.: [Тучкова 2011: 4; Глушков и др. 2011: 49—54].

В ходе различных административно-политических, этнодемографических, экономических и др. процессов бóльшей трансформации подверглись южная и центральная диалектно-локальные группы селькупов. Их традиционная культура, складывавшаяся на протяжении нескольких веков, в XX в. претерпела столь значительные изменения, что стала близка традиционной культуре местного старожильческого русского населения. В научной литературе даже было высказано мнение о необходимости считать потомков современных нарымских селькупов «этнографической группой русского населения Средней Оби» [Хелимский 2000: 36; Аксянова, Шпак 2000: 18—20].

Одной из форм документальной фиксации элементов традиционной культуры данных групп селькупского этноса являются музейные коллекции, необходимые в работе по исследованию и восстановлению их этнического облика. Однако при изучении предметов, которые хранятся в различных музеях, возникают сложности: например, не всегда просто выявить этнографические предметы, характеризующие селькупов, или селькупские коллекции в музейных собраниях. Сложности связаны как с тем, что нередко отсутствуют опубликованные каталоги или иные работы о наличии и формировании музейных коллекций, так и с проблемой атрибуции: как правило, для ранних сборов характерно использование термина «костяцкое», за которым трудно выявить селькупское или хантыйское происхождение предмета; это также затрудняет определение количества селькупских предметов в музейных собраниях. Кроме того, в 1990—2000-х гг. фондовые собрания музеев по различным причинам были (и нередко остаются до сего дня) закрытыми для исследователей.

На территории Томской области находится всего пять музеев, которые располагают этнографическими предметами, представляющими культуру коренного населения. К сожалению, не во всех этих музеях этнографические предметы выделены из общего числа предметов музейного собрания; тем более, в составе этнографических предметов муниципальных музеев не существует специального выделения селькупских предметов в отдельную коллекцию. Так, например, достоверно известно, что в Парабельском

муниципальном краеведческом музее (с. Парабель Парабельского района Томской области) имеются в наличии селькупские предметы, которые передавали местные жители — носители традиционной культуры. Определение круга конкретных предметов и их точного количества затруднено, т. к. требует дальнейшего изучения всего фондового собрания музея. Сейчас мы располагаем точной информацией о том, что в фондах Парабельского краеведческого музея хранятся три экземпляра берестяной утвари, изготовленные и переданные селькупками центральной диалектной группы (по этнонимической классификации — чумылькупками).

Схожая проблема наблюдается и в Нарымском музее политической ссылки (с. Нарым Парабельского района Томской области). Основной предметный ряд данного музея отражает реалии быта политических ссыльных в Нарымском крае XIX—XX вв. При этом сами жители с. Нарым и близлежащих деревень воспринимали данный музей больше как краеведческий, чем как музей определенной тематической направленности, поэтому в фонды музея нередко поступали различные бытовые предметы, переданные местными жителями.

Несмотря на то, что в 2003 г.¹ на территории нарымского музея был создан «Уголок селькупской старины», в его предметном собрании отсутствуют оригинальные селькупские предметы, т. к. его создателями принципиально была сделана установка на использование «новоделов», о которых трудно сказать, какую именно этничность они отражают. На сегодняшний день установлено, что фонды Нарымского музея политической ссылки располагают одной берестяной коробкой с характерным селькупским орнаментом. Остальные предметы этнографического собрания данного музея требуют проведения дополнительных мероприятий по их точной атрибуции.

На территории Томской области было выявлено три музея, в которых точно хранятся селькупские коллекции: Колпашевский краеведческий музей (ККМ), Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова (ТОКМ), Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Самая многочисленная коллекция хранится в Колпашевском краеведческом музее и насчитывает 698 единиц хранения (далее — ед. хр.) [Пихновская 2007: 3]. В количественном отношении ей значительно уступают коллекции Томского областного краеведческого музея (около 116 ед. хр.) [Локтионова 2008: 105] и Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ (14 ед. хр.) [Лукина 1979].

Обзор этнографических селькупских коллекций каждого из этих музеев уже проводился рядом авторов. Первым таким обзором является описание экспозиции Музея археологии и этнографии Сибири, опубликованное в 1969 г. Н. А. Томиловым. В этом небольшом издании им дается краткая характеристика быта и духовной культуры народов Сибири и упоминается о наличии в фондах музея селькупских и хантыйских предметов, которые были представлены в экспозиции на тот момент [Томилов 1969: 22—24].

В 1979 г. вышел в свет «Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета». Ценность Каталога МАЭС ТГУ заключается в том, что до настоящего времени он остается фактически основным источником для проведения исследований и анализа коллекций университетского музея. Первая часть Каталога посвящена музейным собраниям по народам Сибири. Внутри Каталога выделены разделы по этносам, в начале каждого раздела представлена информация об истории сбора и поступлений предметов в фонды МАЭС ТГУ, их собирателях и дарителях, о тематическом содержании коллекции. Описание каждого предмета в Каталоге МАЭС ТГУ произведено по следующим позициям: русское и национальное название, данные о материале и способе изготовления, описание устройства предмета и его употребления, размеры, сведения о месте и дате сбора или поступления предмета в МАЭС ТГУ, характеристика состояния предмета, инвентарный номер. Раздел, посвященный

¹ В 1995 г. недалеко от с. Нарым (14 км по р. Исан), в бывшем селькупском поселке — юртах Тюхтеревых — была предпринята попытка создать музей селькупской культуры. По инициативе сотрудников Томского областного краеведческого музея (ТОКМ): Н. А. Тучковой, А. Г. Тучкова, Т. П. Смердиной — и при поддержке активистов движения по возрождению традиционной культуры селькупов: И. А. Тимониной (Коробейниковой) и Л. Д. Шадриной — началось строительство такого музея. Архитектором ТОКМ Л. П. Чистяковой в соавторстве с этнографом Н. А. Тучковой был разработан архитектурный проект. Жителями поселка (некогда родившимися и выросшими в п. Тюхтерево) была отведена территория для музея и созданы традиционные постройки: землянка-карамо, шалаш-балаган, уличная хлебная печь и др. (подробнее об этом см.: [Тучков и др. 2001: 114—116]). Однако инициатива по созданию музея в п. Тюхтерево не получила поддержки нарымской администрации: новорожденному музею не был присвоен статус учреждения культуры, население в данном населенном пункте появлялось лишь сезонно, и трудоемкое дело по поддержанию музейных строений в надлежащем виде было прекращено. Предметы, которые жители принесли в музей, были снова разобраны ими по домам, и на сегодняшний день можно констатировать, что данный музей (точнее, то, что от него осталось) не располагает предметным рядом, характеризующим традиционную селькупскую культуру.

обзору предметов, полученных у селькупов, составлен этнографом Н. В. Лукиной и представляет собой перечень предметов с кратким и содержательным описанием согласно типовой схеме, предложенной в Каталоге [Лукина 1979].

В статье Н. А. Тучковой 1995 г. «Этнографические сборы М. Б. Шатилова 1924 г. в фондах Томского краеведческого музея» дан обзор основной части селькупской коллекции ТОКМ. В своей работе исследовательница уделила внимание поездке одного из первых директоров Томского краевого музея М. Б. Шатилова в Принарымский район с целью этнографического сбора предметов у «остяко-самоедов» (селькупов). Н. А. Тучкова в хронологическом порядке отметила, какие населенные пункты посещал М. Б. Шатилов, подробно указала, какие предметы он приобрел для музея, выявила их общую численность, а также в «Таблице соответствия инвентарных номеров этнографической коллекции М. Б. Шатилова 1924 г.» соотнесла, какие предметы из сборов М. Б. Шатилова есть в наличии в фондах ТОКМ на момент опубликования статьи [Тучкова 1995]. Однако современное научное описание предметов Н. А. Тучкова не сделала, а лишь привела атрибутивные сведения о предметах, которые дал М. Б. Шатилов в книге поступлений. Источником для публикации послужили данные из сборных инвентарных книг №1 (1922—1933 гг.) и №2 (1920—1925 гг.) Томского краевого музея, где М. Б. Шатилов лично зафиксировал доставленные им предметы. В книгах указана самая краткая информация о предметах с приведением их названий на селькупском языке и сведений о месте сбора. При этом отсутствуют подробные описания предметов, не у всех предметов указаны размеры или материал и техника изготовления.

В 2003 г. по инициативе Н. А. Тучковой были опубликованы рукописи бывшего сотрудника ТОКМ Р. А. Ураева², посвященные одному из самых крупных фондовых собраний предметов селькупской культуры — селькупской коллекции Колпашевского краеведческого музея. Из текста рукописей следует, что еще в 1956 г. Р. А. Ураев сделал детальную опись предметов, вывезенных в 1938 и 1940 гг. с рр. Ыя и Лымбелька (притоки р. Тым, правого притока р. Обь) и находящихся в фондах ККМ. В его рукописях «Лымбельский культовый амбарчик» и «Ыйское культовое место» составлен полный перечень всех объектов, которые находились внутри амбарчика, с точным указанием их месторасположения, описанием внешнего вида, данными о размерах и состоянии сохранности, сведениями о том, из каких материалов изготовлены и в какой технике исполнены предметы. Помимо детального описания того, что находилось внутри амбарчика, Р. А. Ураев дал характеристику внешнему виду самого культового сооружения. При этом им приведен краткий рассказ: кто и когда доставил данные экспонаты в фонды ККМ. Рукописи Р. А. Ураева с одним из самых первых обзоров селькупской музейной коллекции хранятся в архиве ТОКМ [Ураев 1956].

В 2007 г. вышла обобщающая работа по изучению и описанию всего селькупского собрания, хранящегося в фондах ККМ, — каталог «Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея», автором-составителем которого является А. А. Пихновская [Пихновская 2007]. В данном каталоге содержится полная информация о всех 698 селькупских музейных предметах, характеризующих культуру селькупов центральной диалектной группы. Данной обобщающей работе предшествовали статьи А. А. Пихновской, в которых она сообщила о результатах своих исследований по истории формирования этнографической коллекции тымских селькупов в фондах Колпашевского музея [Пихновская 2001а, 2001б].

Помимо работ, посвященных истории сборов селькупских предметов, имеются также публикации сравнительного характера, где дается анализ количественных и качественных характеристик выявленных селькупских коллекций. Так, например, в работе Н. А. Тучковой «Селькупская коллекция К. Р. Доннера в Этнографическом музее (Музее культур) Финляндии» (2002 г.) сделан не только обзор селькупской коллекции, собранной известным финским исследователем К. Р. Доннером для национального этнографического музея Финляндии, но и дан краткий обзор селькупских коллекций, хранящихся, в частности, в музеях Томской области [Тучкова 2002]. Автор приходит к выводу, что «именно в сравнительном плане проявляется особая значимость каждого собрания, дополняющего сборы других музеев, и каждый предмет из каждой коллекции, как осколок мозаичной картины, имеет свое место в реконструкции облика южноселькупской культуры, практически исчезнувшей на исходе XX в.» [Тучкова 2002: 257].

В работе А. А. Локтионовой «История комплектования селькупской коллекции в Томском областном краеведческом музее» (2008 г.) сделан обзор по истории сборов селькупской коллекции только одного музея — ТОКМ [Локтионова 2008]. В статье отсутствует описание селькупских предметов ТОКМ, а также данные по их физическим характеристикам.

² Подготовку текста рукописей к публикации осуществляли А. А. Пихновская и Н. А. Тучкова. Опубликованные рукописи сопровождаются комментариями, изложенными в отдельной статье А. А. Пихновской, Ю. К. Рассамкина и Н. А. Тучковой [Ураев 2003; Пихновская и др. 2003].

В данной работе обзор селькупских коллекций в музеях Томской области начинается с наиболее крупных музейных собраний.

Обладатель самой многочисленной коллекции оригинальных предметов селькупской культуры — Колпашевский краеведческий музей (ККМ) — был создан на базе Нарымского окружного музея краеведения в 1936 г. Основным источником пополнения фондов ККМ с начала его основания служили научные экспедиции и командировки; сборы проводились среди селькупов с. Парабель и д. Ласкино на р. Обь, а также в д. Старый Напас на р. Тым. В первые годы становления музея удалось собрать предметы берестяной утвари, орудия охоты и детали снаряжения охотника, нарты, орудия рыболовства, предметы быта (детские колыбели, скребки для выделки кожи). Всего этнографических селькупских предметов, собранных до 1938 г., насчитывается около 60 ед. хр. [Пихновская 2007: 6].

Уникальную работу по комплектованию фондов Колпашевского краеведческого музея провел его директор П. И. Кутафьев, руководивший музеем с 1937 по 1939 г. Им было организовано несколько археолого-этнографических экспедиций с участием сотрудников музея. Благодаря их стараниям в 1938 г. в фонды поступили предметы от селькупов Тымского района: в частности, первыми тымскими поступлениями 1938 г. были предметы с Ыйского культового места.

В момент обнаружения Ыйского культового места П. И. Кутафьевым там находился культовый амбарчик в разрушенном состоянии. Возле остатков амбарчика стояли девять крупных антропоморфных скульптурных изображений духов, которые были доставлены в музей. В том же году сборы были дополнены железными амулетами шамана, железными наконечниками стрел, металлическими подвесками и медными монетами 1818—1912 гг. (более подробное описание сборов 1938 г. см.: [Пихновская 2001а, 2001б, 2007]).

Крупными поступлениями в эту коллекцию стали предметы из пос. Кочеедрово Тымского района — так называемый «комплекс предметов шамана Елисея Карлыгина», состоящий из одежды и шаманских атрибутов. Помимо этого в коллекцию входят шесть изображений семейных духов-лозов, берестяной кузов для их хранения, берестяная коробка для хранения шаманского костюма, железный котелок, медное изображение медведя, бумажные денежные знаки, марка, медные монеты, отрезки ткани, фарфоровые бокалы и небольшой столик для раскладывания культовых предметов [Пихновская 2001б].

В 1940 г. совместно с членами культбригады «Красный Чум» сотрудники Колпашевского краеведческого музея совершили поездку по р. Тым. В этой поездке также приняли участие П. И. Кутафьев (возглавивший отряд исследователей), К. И. Полежаев и фотограф И. С. Фатеев. В результате экспедиции фонды музея пополнились предметами с Лымбельского культового места, находившегося между населенными пунктами Пыль-Карамо и Лымбель-Карамо. Здесь находился родовой культовый амбарчик тымских селькупов. Предметами с Лымбельского культового места селькупская коллекция ККМ пополнилась примерно на 500 ед. хр.: в музей был доставлен как сам корпус Лымбельского амбарчика, так и все хранившиеся в нем культовые вещи [Ураев 2003; Пихновская 2007]. В последующие годы селькупская этнографическая коллекция музея пополнялась лишь единичными поступлениями бытового характера.

Таким образом, в результате активной собирательской деятельности сотрудников музея в 1930—1940-е гг. в этнографическом фонде Колпашевского музея была собрана значительная коллекция. Анализ всех собранных предметов по месту сбора позволяет сделать вывод, что во всей своей совокупности предметы репрезентируют лишь одну подгруппу селькупского этноса (центрального диалектно-локального ареала) — чумылькупов; кроме того, большая часть этой коллекции характеризует именно тымских селькупов данной подгруппы. При этом коллекция почти полностью состоит из культовых предметов, передающих представления этой части селькупского населения об окружающем мире. Тот факт, что собрание предметов отражает в большей степени именно духовную культуру этноса, делает эту коллекцию уникальной в сравнении с селькупскими коллекциями других музеев.

Селькупская коллекция Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова состоит из орудий рыболовства и охоты, а также предметов берестяной утвари, собранных в ходе экспедиций. Единичные поступления от частных лиц в этой коллекции отсутствуют.

Основу коллекции заложил один из первых директоров музея — М. Б. Шатилов; первые поступления датируются 1924 г. Во время своего отпуска он совершил «небольшую рекогносцировочную поездку в целях этнографических сборов в Принарымский район» [Шатилов 1927: 139]. М. Б. Шатилов посетил юрты Тюхтеревы, Пыжины-Придорожные, Пыжины-Заречные и Чиряевы, расположенные в пойме р. Оби близ с. Нарым.

Из этой поездки им было привезено 74 селькупских («остяко-самоедских») предмета — орудия рыболовства и охоты. Кроме того, в собрании присутствовало несколько образцов берестяной утвари, музыкальный губной инструмент, три жертвенных приклада³ из культовых амбарчиков, в которые входили

³ Приклад — приношение, подношение духу, чаще всего ленточки, лоскутки ткани, монеты, бусины и т. д.

оловянные и медные бляхи, шкурки зверей, кусочки материи — всего, как определил М. Б. Шатилов, 118 экспонатов (о самой экспедиции в Принарымский район и сборе предметов для музея см.: [Шатилов 1927]; обзор собранного им материала см.: [Тучкова 1995]). Из них, согласно предположению Н. А. Тучковой, 21 предмет входил в состав прикладов, эти предметы не были зафиксированы в документации музея. Из 97 предметов 63 получены от «остяко-самоедов» (селькупов), 20 — «тунгусские» (эвенкийские), два привезены от «остяков» р. Васюган (хантыйские), один — русский [Тучкова 1995: 120]. В настоящее время в фондах ТОКМ насчитывается около 50 предметов, привезенных М. Б. Шатиловым из этой экспедиционной поездки, однако общее количество предметов требует уточнения.

В последующем поступления в селькупскую коллекцию ТОКМ были не такими многочисленными, как в 1924 г. В 1927 г. селькупская коллекция пополнилась сборами биолога, сотрудника музея Г. Х. Иогансена. В качестве заведующего естественно-историческим отделом краевого музея он должен был обследовать пушной промысел в Нарымском крае. Из этой поездки он привез для музея несколько вещей бытового характера от селькупов из юрт Пыжины-Заречные.

В сборной инвентарной книге №1 за 1922—1933 гг. указано десять предметов, привезенных Г. Х. Иогансеном: две ловушки («кляпцы»), игла для плетения сетей, прибор-огниво для добывания огня, берестяная табакерка, берестяная заготовка для изготовления лукошка с орнаментом, пять лукошек различного назначения и берестяное полотнище («тиски»), «употребляемое как материал для покрытия стенок и крыши летней юрты или покрытие лодки во время дождя» [Инвентарная книга: 137—138]. В книге все перечисленные предметы зафиксированы как «остяцкие». Судя по населенным пунктам, которые посещал Г. Х. Иогансен, их можно уверенно отнести к селькупским. На сегодняшний день из селькупских предметов, которые точно можно соотнести со сборами Г. Х. Иогансена, в фондах ТОКМ насчитывается четыре берестяные коробки.

После проведения в 1952—1953 гг. профессором Томского государственного педагогического института А. П. Дульзоном комплексного этнографо-лингвистического обследования селькупского населения Томской области им была передана в фонды ТОКМ коллекция вещей, состоящая из бытовых предметов. В коллекцию вошли: деревянная чаша для обработки икры, два «уполовника» из корневой части березы, два гребня для выделки шкур животных, стружок⁴, пестик, грузило.

Возобновление традиции комплектования фондов ТОКМ путем экспедиционных сборов, в том числе и пополнение данным образом селькупской коллекции, произошло в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Летом 1956 г. к селькупам р. Тым экспедиционную поездку совершил сотрудник ТОКМ Р. А. Ураев. В ходе этого исследования Р. А. Ураев обследовал Ыйское и Лымбельское культовые места, собрал дополнительный материал по «функционированию системы душ» в представлениях тымских селькупов и предпринял попытку составить селькупско-русский словарь [Отчет 1956]. Для фондов Томского краеведческого музея им были закуплены губной музыкальный инструмент и четыре металлические бляхи с антропоморфным изображением из с. Напас [Акты 1957: 28—29]. Летом 1957 г. и затем летом 1958 г. состоялись этнографические экспедиции Р. А. Ураева в Каргасокский и Парабельский районы Томской области, однако в архиве ТОКМ сохранились отчеты только о его археологических экспедициях [Отчет ПКМ; Записи 1953—1958]. Отчеты, касающиеся сбора этнографической информации и предметов, к сожалению, не обнаружены. В книге поступлений указано шесть предметов, переданных Р. А. Ураевым в фонд ТОКМ: это образцы берестяной утвари, лыжи и нарты, — но даты и районы сборов либо отсутствуют, либо требуют уточнения.

В следующем (1959) году состоялась командировка заведующей фондами ТОКМ С. И. Осиповой с целью «сбора вещевого этнографического материала у селькупов, населяющих реку Тым». Ей удалось посетить Каргасокский район (с. Каргасок, д. Павловка, д. Кулеево, д. Варгананжино, с. Напас, д. Канак) [Отчеты 1954—1961: 41—46]. Информационные данные о предметах, которые были доставлены С. И. Осиповой из этой командировки, их точное количество — все это требует дополнительных исследований. В архиве ТОКМ сохранился отчет о проделанной С. И. Осиповой работе в ходе экспедиционной поездки с указанием только перечня собранных вещей, но без указания мест сборов и лиц, передавших предметы. Перечень состоит из 21 пункта, но в некоторых пунктах записано несколько предметов, например: «3 туеса (2 с тесненным орнаментом), 2 набирки из бересты (одна с орнаментом), 11 лукошек из бересты (*коронджа*) с орнаментом» [Отчеты 1954—1961: 41—42]. Точного описания, соответствующего научной документации (научных паспортов, инвентарных карточек), эти предметы не имеют. Тем более, отсутствуют сведения об этнической принадлежности собранных предметов; к сожалению,

⁴ Стружок — инструмент продолговатой формы, с изгибом, с суженными ручками; предназначался для изготовления мягкой стружки (подстилки для новорожденных). В середине инструмента находится четырехугольное отверстие, в центральной части которого прикрепляется лезвие.

нет и точных номеров по книге поступлений (они не сохранились или изначально отсутствовали, т. е. не были присвоены).

По книге поступлений, составленной в 1962 г., насчитывается 18 предметов, собранных С. И. Осиповой: прялки, средства передвижения, охотничьи ловушки, пояс, швейка⁵, полотенце, домашняя утварь, лукошко и др. Записи книги поступлений сильно разнятся с перечнем, приведенным самой С. И. Осиповой в отчете о командировке. Например, в книге поступлений указано пять прялок, а в перечне — только одна; также в книге числится за именем С. И. Осиповой только одно лукошко, но в отчете говорится о 16 образцах берестяной утвари [Отчеты 1954—1961: 41—42]. В перечне приводятся те предметы, которые либо не указаны в книге поступлений, либо записаны без указания передавшего их человека. Таким образом, установить точное количество предметов, доставленных С. И. Осиповой из экспедиционной поездки летом 1959 г., невозможно.

При сравнении записей в книге поступлений и в перечне отчета о командировке С. И. Осиповой удалось определить некоторые предметы, привезенные С. И. Осиповой летом 1959 г. (однако без увязки их с этнической принадлежностью): это лыжи-голицы, черкан на горностая, шерстяной пояс, полотенце, грузило и самодельный крючок для ловли щук. Также удалось точно определить два этнографических предмета — эвенкийский кисет и селькупскую сидячую люльку, которая была получена С. И. Осиповой от Пычкина в д. Варгананжино Каргасокского района Томской области.

Кроме того, в фондах ТОКМ имеется орнаментированная утварь со скобленным орнаментом (семь образцов) без указания сведений о собирателе, что дает возможность предположить, что данная утварь как раз и была привезена С. И. Осиповой из этой поездки. Таким образом, выявляется восемь собранных и привезенных в ТОКМ С. И. Осиповой предметов, атрибутированных как селькупские.

Спустя более 30 лет после поездок Р. А. Ураева и С. И. Осиповой (в 1992 и 1994 гг.) в ходе очередных экспедиционных этнографических исследований в Парабельском и Каргасокском районах Томской области участниками экспедиций, сотрудниками ТОКМ Н. А. и А. Г. Тучковыми также были собраны несколько предметов, пополнивших селькупскую коллекцию. В основном этнографические сборы Тучковых представляют собой орудия рыболовства и охоты, берестяную и плетеную утварь (всего 29 ед. хр.).

При обращении к селькупским предметам, хранящимся в ТОКМ, обнаруживается, что большую часть коллекции составляют бытовые, хозяйственные предметы, включая берестяную утварь (72 ед. хр.), а также орудия охоты и рыболовства (30 ед. хр.). При этом, к сожалению, в коллекции ТОКМ отсутствуют образцы одежды селькупов, а также практически нет в наличии культовых предметов (изображений духов, атрибутов шамана). Духовная культура представлена только музыкальным инструментом — варганом (2 ед. хр.) — и металлическими бляхами с изображениями духов, «лозов» (4 ед. хр.).

В основном все предметы селькупской коллекции ТОКМ собирались в местах проживания селькупов, относящихся к центральному диалектному ареалу, и представляют материальную культуру одной из этногрупп селькупов — чумылькупов. Однако, в отличие от сборов ККМ, предметы ТОКМ характеризуют не столько тымских и обских (ласкинских) чумылькупов, но, главным образом, нарымскую микрогруппу чумылькупов (жителей Тюхтерево и Пыжино). Другие этнические группы центрального и, тем более, южного диалектных ареалов документально не представлены в собрании ТОКМ, поэтому реконструкция традиционного уклада всех этнических групп селькупов на примере коллекции ТОКМ не может быть объективной.

Старейшим музеем Томска, который был создан в 1882 г., является Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. В его фондах насчитывается около 300 000 ед. хр., однако селькупская коллекция является одной из самых малочисленных по сравнению с другими коллекциями этого музея. Из немногочисленных селькупских предметов, хранящихся в МАЭС ТГУ, самыми ранними, по данным, представленным в Каталоге, являются колыбель, поступившая в 1925 г. из с. Каргасок Нарымского округа, и детали шаманского костюма (без указания точной даты сборов и конкретного населенного пункта; хронологические рамки определены составителем Каталога как 1920-е гг., территориальные рамки — р. Тым).

Остальные же предметы — это находки этнографической экспедиции Томского государственного университета летом 1963 г., руководителем которой являлась Г. И. Пелих. На р. Кеть, в юртах Лукьяновых ею были обнаружены остатки костюма и атрибутов покойного шамана. На расстоянии 300 метров от поселка, на так называемом «колдовском месте» были найдены два туеска, в которых лежали шаманская шапка, маска, колотушка и подвески к костюму шамана. Подробное описание обстоятельств их обнаружения и описание самих предметов дано Г. И. Пелих в работе «Происхождение селькупов» [Пелих

⁵ Швейка — приспособление для ручного сшивания отрезков ткани встык; состоит из двух частей — горизонтальной части (донца) и вертикальной резной части с головкой, плотно обтянутой тканью.

1972: 129—132]. Кроме того, из этой этнографической поездки Г. И. Пелих передала в МАЭС ТГУ еще несколько вещей бытового характера: деталь черкана, насторожки, крючок для лыжного посоха и черпаки, собранные в населенных пунктах Усть-Озёрное и Зубреково, расположенных на р. Кеть [Лукина 1979: 268—270].

Несмотря на скромные размеры этой коллекции, она является уникальной, ведь большинством своих предметов (12 из 14 ед. хр.) характеризует южную подгруппу селькупов — кетских сюсюкумов (верхнекетскую микрогруппу — жителей населенных пунктов Усть-Озёрное, Лукьяново, Зубреково) — и представляет духовную сферу их культуры, т. к. в основном это предметы культа.

Таким образом, следует отметить тот факт, что коллекции музеев Томской области дают представление о культуре селькупов в основном центрального диалектного ареала. Формирование коллекций проводилось в определенных территориальных границах: исторически сложилось так, что наибольший интерес привлекали селькупы, проживающие по берегам р. Обь и р. Тым. Сборы исследователей локализовались на территории Каргасокского и Парабельского районов Томской области. Только небольшая в количественном отношении коллекция МАЭС ТГУ позволяет извлечь некоторую информацию о южной ареальной группе селькупов — кетских сюсюкумах.

В целом сравнительный анализ предметов из собраний музеев Томской области показал, что предметный ряд позволяет воссоздать все стороны традиционного быта и духовной культуры этнической группы чумылькупов. Очевидно, что на примере музейных собраний, характеризующих одну из этнических групп, невозможно досконально и во всех деталях реконструировать образ жизни целого этноса, однако представление общей картины о народе, населявшем территорию Среднего Приобья, благодаря сохраненным в указанных музеях артефактам вполне допустимо. В каждой коллекции имеется то количество предметов, которое позволяет провести показательный обзор и дать характеристику одной или нескольких существенных сторон традиционной культуры селькупского этноса. Кроме того, коллекции музеев Томской области дают возможность проследить, как трансформировались хозяйственная деятельность и духовная сторона жизни этноса на протяжении всего XX века.

Л и т е р а т у р а

Аксянова, Шпак 2000 — *Аксянова Г. А., Шпак А. Ф.* Русско-селькупские и русско-чулымские антропологические соотношения в Томско-Нарымском Приобье // Русские старожилы. Тобольск — Омск, 2000. С. 18—20. {*Aks'anova G. A., Špak A. F.* Russko-sel'kupskie i russko-čulymskie antropologičeskie sootnošenija v Tomsko-Narymskom Priob'je // *Russkie starožily. Tobol'sk — Omsk, 2000. S. 18—20.*}

Акты 1957 — Акты поступивших экспонатов за 1957 г. // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 101. Л. 28—29. {*Akty postupivšix eksponatov za 1957 g.* // *Arxiv Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv TOKM). F. 1. Op. 5. D. 101. L. 28—29.*}

Глушков и др. 2011 — *Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П.* Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / *Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнев А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П.* Томск, 2011. С. 49—63. {*Gluškov S. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P.* Dialekty sel'kupskogo jazyka // *Sel'kupy: Očerki tradicionnoj kul'tury i sel'kupskogo jazyka / Tučkova N. A., Gluškov S. V., Košeleva E. Ju., Golovnev A. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P.* Tomsk, 2011. S. 49—63.}

Записи 1953—1958 — Записи Ураева Р. А. об археологических находках 1953—1958 гг. // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 369. Л. 1—14. {*Zapisi Uraeva R. A. ob arxeologičeskix naходках 1953—1958 gg.* // *Arxiv Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv TOKM). F. 1. Op. 4. D. 369. L. 1—14.*}

Иванов 1954 — *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.—Л., 1954. {*Ivanov S. V.* Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX — načala XX v. M.—L., 1954.}

Инвентарная книга — Сборная инвентарная книга №1 // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 10. Л. 137—138. {*Sbornaja inventarnaja kniga №1* // *Arxiv Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv TOKM). F. 1. Op. 5. D. 10. L. 137—138.*}

Локтионова 2008 — *Локтионова А. А.* История комплектования селькупской коллекции в Томском областном краеведческом музее // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сборник трудов Кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Вып. 2. Томск, 2008. С. 99—106. {*Loktionova A. A.* Istorija koplektovanija sel'kupskoj kollekcii v Tomskom oblastnom kraevedčeskom muzee // *Arxeologija i etnografija Priob'ja: Materialy i issledovanija. Sbornik trudov Kafedry arxeologii i etnologii TGPU. Vyp. 2. Tomsk, 2008. S. 99—106.*}

Лукина 1979 — *Лукина Н. В.* Селькупы // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1. Народы Сибири / *Бардина П. Е., Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* и др. Отв. ред.

Томилов Н. А. Томск, 1979. С. 268—270. {Lukina N. V. Sel'kupy // Katalog etnografičeskix kollekcij Muzeja arxeologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta. Č. 1. Narody Sibiri / Bardina P. E., Kulemzin V. M., Lukina N. V. i dr. Otv. red. Tomilov N. A. Tomsk, 1979. S. 268—270.}

Отчеты 1954—1961 — Отдел фондов: Отчеты отдела за 1954—1961 гг. // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 55. Л. 41—46. {Otdel fondov: Otčety otdela za 1954—1961 gg. // Arxiv Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv TOKM). F. 1. Op. 5. D. 55. L. 41—46.}

Отчет 1956 — Отчет об этнографическом обследовании тымских селькупов Томским краеведческим музеем летом 1956 г. // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 254. Л. 1—136. {Otčet ob etnografičeskom obsledovanii tymskix sel'kupov Tomskim kraevedčeskim muzeem letom 1956 g. // Arxiv Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv TOKM). F. 1. Op. 4. D. 254. L. 1—136.}

Отчет ПКМ — Отчет об обследовании Парабельского культового места // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 253. Л. 1—17. {Otčet ob obsledovanii Parabel'skogo kul'tovogo mesta // Arxiv Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv TOKM). F. 1. Op. 4. D. 253. L. 1—17.}

Пелих 1972 — Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. {Pelix G. I. Proisxoždenie sel'kupov. Tomsk, 1972.}

Пихновская 2001а — Пихновская А. А. Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 69—71. {Pikhnovskaja A. A. Sel'kupskaja etnografičeskaja kollekcija Kolpaševskogo kraevedčeskogo muzeja // Prostranstvo kul'tury v arxeologo-etnografičeskom izmerenii: Zapadnaja Sibir' i sopredel'nye territorii. Materialy XII Zapadno-Sibirskoj arxeologo-etnografičeskoj konferencii. Tomsk, 2001. S. 69—71.}

Пихновская 2001б — Пихновская А. А. Культовый комплекс Тымского шамана Елисея Карлыгина // Самодийцы. Материалы IV симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск — Омск, 2001. С. 285—291. {Pikhnovskaja A. A. Kul'tovyj kompleks Tymского šamana Eliseja Karlygina // Samodijcy. Materialy IV simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri". Tobol'sk — Omsk, 2001. S. 285—291.}

Пихновская 2007 — Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: Каталог / Сост. Пихновская А. А. Томск, 2007. {Sel'kupskaja etnografičeskaja kollekcija Kolpaševskogo kraevedčeskogo muzeja: Katalog / Sost. Pikhnovskaja A. A. Tomsk, 2007.}

Пихновская и др. 2003 — Пихновская А. А., Рассамыхин Ю. К., Тучкова Н. А. Комментарии к рукописям Р. А. Ураева «Лымбельский культовый амбарчик», «Ыйское культовое место» // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 117—120. {Pikhnovskaja A. A., Rassamachin Ju. K., Tučkova N. A. Kommentarii k rukopis'am R. A. Uraeva "Lymbel'skij kul'tovyj ambarčik", "Yjskoe kul'tovoe mesto" // Arxeologo-etnografičeskie issledovanija v južnotaežnoj zone Zapadnoj Sibiri. Tomsk, 2003. S. 117—120.}

Прыткова 1970 — Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1—99. {Prytkova N. F. Odežda narodov samodijskoj grupy kak istoričeskij istočnik // Odežda narodov Sibiri. L., 1970. S. 1—99.}

Разгон 1984 — Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984. С. 173—184. {Razgon A. M. Muzejnyj predmet kak istoričeskij istočnik // Problemy istočnikovedenija istorii SSSR i special'nyx istoričeskix disciplin: Stat'ji i materialy. M., 1984. S. 173—184.}

Томилов 1969 — Томилов Н. А. Селькупы. Ханты // Музей археологии и этнографии Сибири: Описание экспозиции. Томск, 1969. С. 22—24. {Tomilov N. A. Sel'kupy. Xanty // Muzej arxeologii i etnografii Sibiri: Opisanie ekspozicii. Tomsk, 1969. S. 22—24.}

Тучков и др. 2001 — Тучков А. Г., Тучкова Н. А., Смердина Т. П. Селькупский этнографический музей в пос. Тухтерево // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 114—116. {Tučkov A. G., Tučkova N. A., Smerdina T. P. Sel'kupskij etnografičeskij muzej v pos. Tuxterevo // Prostranstvo kul'tury v arxeologo-etnografičeskom izmerenii: Zapadnaja Sibir' i sopredel'nye territorii. Materialy XII Zapadno-Sibirskoj arxeologo-etnografičeskoj konferencii. Tomsk, 2001. S. 114—116.}

Тучкова 1995 — Тучкова Н. А. Этнографические сборы М. Б. Шатилова 1924 г. в фондах Томского краеведческого музея // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Т. 8. Томск, 1995. С. 104—120. {Tučkova N. A. Etnografičeskie sbory M. B. Šatilova 1924 g. v fondax Tomskogo kraevedčeskogo muzeja // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo istoriko-arhitekturnogo muzeja. T. 8. Tomsk, 1995. S. 104—120.}

Тучкова 2002 — Тучкова Н. А. Селькупская коллекция К. Р. Доннера в Этнографическом музее (Музее культур) Финляндии // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 12. Томск, 2002. С. 253—261. {Tučkova N. A. Sel'kupskaja kollekcija K. R. Donnera v Etnografičeskom muzee (Muzee kul'tur) Finl'andii // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja. T. 12. Tomsk, 2002. S. 253—261.}

Тучкова 2011 — Тучкова Н. А. Предисловие // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнев А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Томск, 2011. С. 4—5. {*Tučkova N. A. Predislovie // Sel'kupy: Očerki tradicionnoj kul'tury i sel'kupsogo jazyka / Tučkova N. A., Gluškov S. V., Košeleva E. Ju., Golovnev A. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Tomsk, 2011. S. 4—5.*}

Ураев 1956 — Ураев Р. А. Культурные амбарчики тымских селькупов и васюганских хантов. 1956 // Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 251. Л. 1—37. {*Uraev R. A. Kul'tovye ambarčiki tymских sel'kupov i vas'uganskikh xantov. 1956 // Arxiv Tomского oblastnogo kraevedčeskogo muzeja (Arxiv ТОКМ). F. 1. Op. 4. D. 251. L. 1—37.*}

Ураев 2003 — Ураев Р. А. Культурные объекты на р. Тым // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 120—132. {*Uraev R. A. Kul'tovye ob"ekty na r. Tым // Arхеologo-etnografičeskie issledovanija v južnotaežnoj zone Zapadnoj Sibiri. Tomsk, 2003. S. 120—132.*}

Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 26—40. {*Xelimskij E. A. Očerк istorii samodijskikh narodov // Xelimskij E. A. Komparativistika, uralistika: Lekcii i stat'ji. M., 2000. S. 26—40.*}

Шатилов 1927 — Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. Т. 1. Томск, 1927. С. 139—167. {*Šatilov M. B. Ost'ako-samoedy i tungusy Prinarymskogo rajona // Trudy Tomского kraevogo muzeja. T. 1. Tomsk, 1927. S. 139—167.*}

РЕЗЮМЕ

В статье дается обзор хранящихся в музеях Томска и Томской области коллекций, характеризующих культуру селькупов, реконструируется история их формирования, а также приводятся количественные и качественные характеристики процесса музеефикации традиционной культуры селькупов.

SUMMARY

The article deals with the analysis of the collections in the museums of Tomsk and the Tomsk region, the collections characterizing Selkup culture. The article also deals with the history of their formation and the quantitative characteristics of the gathering and storing processes of Selkup traditional phenomena.

Ключевые слова: этнографические музейные коллекции, селькупы, музеи Томской области, этнографические сборы, материальная культура, духовная культура

Keywords: ethnographic museum collections, Selkups, museums of the Tomsk region, ethnographic gathering, material culture, spiritual culture

**Фразеологические единицы с цветовыми компонентами
кара ‘черный’ и кызыл ‘красный’,
характеризующие физиологическое состояние человека,
в алтайском языке**

1. Введение

В современной лингвистической науке стал общепринятым тезис о том, что каждый язык по-своему членит мир, имеет свой специфический способ его концептуализации и вербализации. Представления о мире неизбежно отражаются в языке в виде различных концептуальных понятий, которые объективируются прежде всего в лексико-фразеологическом и паремиологическом фондах языка, а также в фольклорных, религиозных и других текстах. В связи с этим лингвокультурологическое изучение фразеологизмов представляет большой интерес как в свете доминирующей в науке антропоцентрической парадигмы, так и в рамках проблемы декодирования национальной языковой картины мира.

Природа значений фразеологических единиц (ФЕ) тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка. Во внутренней форме ФЕ заложены различные культурные коннотации, образы, символы, имплицитные оценки. Вырабатываемые языковым сознанием, ФЕ наиболее ярко отражают особенности мировосприятия и лингвокреативного мышления народа, репрезентируют национально-культурную специфику языка.

Фразеология алтайского языка является молодой наукой, сформировавшейся относительно недавно. Впервые в данной области была опубликована статья А. Т. Тыбыковой «Некоторые вопросы фразеологии алтайского языка» [Тыбыкова 1980]. Более интенсивное изучение алтайской фразеологии началось с конца прошлого столетия [Чернова, Чумакаева 1996; Чернова, Дыдыянова 1998; Чумакаев 1998; Тыбыкова, Кыйынова 2001]. А. Э. Чумакаевым впервые был издан «Алтайско-русский фразеологический словарь» [Чумакаев 2005], содержащий более 1000 единиц, а также опубликована монография «Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским» [Чумакаев 2006]. Однако в упомянутом выше словаре зафиксированы далеко не все фразеологизмы алтайского языка, как, например, ФЕ с цветовыми компонентами. Требуют дальнейшего решения многие теоретические вопросы алтайской фразеологии — детальная разработка в семасиологическом и ономазиологическом аспектах, создание общей методики построения идеографической классификации ФЕ и т. д.

Целью данной статьи¹ является анализ фразеологических единиц (ФЕ) с цветовыми компонентами, характеризующих физиологическое состояние человека, в алтайском языке. Поскольку исследуемая группа представлена большим количеством ФЕ, в рамках заявленной темы мы ограничимся лишь описанием ФЕ, содержащих в своем составе цветовые компоненты *кара* ‘черный’ и *кызыл* ‘красный’.

В лингвистической науке имеется большое количество работ, посвященных изучению цветообозначений в языках разных систем [Berlin, Kay 1969; Бахилина 1975; Бородина, Гак 1979; Фрумкина 1984; Doerfer 1995; Вежбицкая 1996: 133—152; Кульпина 2001; Дыбо и др. 2002; Василевич 2003; Zalewska 2003; Норманская 2005]. Особо следует отметить работы, посвященные исследованию хроматической лексики в тюркских и монгольских языках: [Кононов 1978; Федорова 1980; Толубаев 1985; Кузьменков 1988; Лебедева 1992; Баярсайхан 1996; Кормушин 1997; Функ 2003; Субракова 2005; Хисамитдинова 2005; Майзина 2008; Ishakova 2007].

В составе ФЕ цветолексемы обозначают реальный признак цвета, актуализируясь в переносных значениях, выражают различные, как положительные, так и отрицательные коннотации. Семантика цветообозначения в целом влияет на общее значение фразеологизма, придает образность, эмоционально-экспрессивную окрашенность. Вообще, для данной категории слов характерно развитие большого количества переносных (нецетовых) значений. Например, у общетюркского *qara* И. В. Кормушиным выявлено 31 значение, начиная от цветового ‘черный’ и переносных ‘крепкий, доброкачественный; лучший’, ‘простой, обыкновенный’ и заканчивая значениями ‘мрачный’, ‘печальный’, ‘злой’, ‘жестокый’, ‘черст-

¹ Автор выражает благодарность за ценные замечания и помощь при подготовке данной статьи д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН А. В. Дыбо.

вый’, ‘хула, клевета’ [Кормушин 1997: 592]. См. также работы: [Laude-Cirtautas 1961: 17—36; Doerfer 1967: 426—432; Кононов 1978: 161—170].

Относительно многозначности цветовых имен в древних индоевропейских языках Ю. В. Норманская пишет, что насколько часто цветообозначение употребляется в переносном значении, настолько же вероятно, что оно исчезнет или перестанет употребляться в языке-потомке [Норманская 2005: 275].

В данной статье под физиологическим (функциональным) состоянием человека понимается относящаяся к организму человека жизнедеятельность его органов и систем. К классу физиологических состояний, вслед за Ю. Д. Апресяном [Апресян 1995: 42], мы относим особенности строения тела, различные физиологические ощущения (голод, жажда, боль), физиологические реакции на внешние и внутренние воздействия (жар, пот, краска), а также состояния болезни, сна, жизни и смерти и др.

2. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние человека, с цветовым компонентом кара ‘черный’

Репрезентативный материал исследования показывает, что помимо цветообозначения *кара* ‘черный’ конституирующая роль в образовании анализируемых ФЕ отводится соматизмам, выполняющим главным образом функцию локализаторов ощущений. Так, в образовании ФЕ, характеризующих физиологическое состояние человека, активное участие принимают соматизмы *баиш* ‘голова’, *буур* ‘печень’, *өзök* (*өзök-буур*) ‘нутро’ и *сöök* ‘кость’.

Степень участия соматической лексики в образовании ФЕ обусловлена, прежде всего, повседневными наблюдениями той или иной языковой общности над анатомией человека. Формирование значений соматизмов во ФЕ оказывается детерминированным «как реальными знаниями, так и наивными представлениями данных языковых коллективов о функциях и свойствах частей тела» [Николина 2006: 137].

В описании наивной картины мира, по мнению В. А. Плунгяна, представления о локализации ощущений в человеческом теле занимают одно из центральных мест: для каждого из физических и психических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их нормального «пребывания» (и — метафорически — их заместителем) [Плунгян 1991: 155]. Обязательная связь ощущений человека с какими-либо органами его тела в языках признается универсальной чертой, но вопрос заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной анатомической карте человека в отдельно взятом языке.

Вместе с тем следует отметить, что во ФЕ физиологическое состояние человека наряду с соматизмами соотносится с растениями и другими реалиями окружающего мира. Таким образом, в рассматриваемых фразеологизмах широко представлены соматический и биоморфный коды культуры.

2.1. Фразеологические единицы, характеризующие физиологические состояния жизни и смерти

В обыденном сознании алтайцев голова является главной и жизненно важной частью человеческого тела. Голова — это не толькоместилище мозга, анатомический орган, отвечающий за мыслительную деятельность, но также репрезентант самого человека как живого существа. Ее потеря влечет за собой неминуемую смерть, поэтому голова в языковой картине мира алтайцев, соотносясь с соматическим кодом культуры, выступает в качестве символа жизни.

Вообще, как отмечают исследователи, метонимический (синекдотический) перенос с человека (целое) на голову (часть), т. е. перенос с аспектов жизнедеятельности человека на аспекты деятельности головы, в частности перенос по семантическому компоненту ‘жизнь’, носит в языках универсальный характер [Аркадьев 2002: 77; Козеренко, Крейдлин 2011: 63]. Например, у названий головы в славянских и германских языках наряду с другими отмечаются такие значения, как ‘человек’ и ‘жизнь человека’ [Аркадьев 2002: 53—81]. Данное явление широко представлено и в тюркских языках. Термин *баиш* ~ *нас* ~ *бас* ‘голова’ в составе ФЕ алтайского, тувинского, хакасского, казахского и киргизского языков выступает в значениях: ‘представитель самого человека’, ‘носитель жизни, здоровья, благополучия; основной жизненный центр’, ‘верхняя часть тела, испытывающая на себе жизненные события, которые выпадают на долю человека’ [Тюнтешева 2006: 39—42]. Ср. монг. *хар толгой* ‘одна своя голова, только своя голова; сам’ (букв. ‘черная голова’) [БАМРС: 46].

Вышесказанное наглядно отражено в семантике алтайского фразеологизма *кара баиш* ‘человек’ (букв. ‘черная голова’). Компонент *кара* здесь подчеркивает естественный черный цвет волос, каким природа наделила алтайцев.

- (1) *Кем жаргы-маргаанды јенгип алар, ол өрө тенгериге чыксын, өзөтөннин жаргызын этсин, кара баиштың салымын билзин* [АЈ: 6] ‘Кто одержит победу в тяжбе, тот пусть возвышается на небо и

пусть вершит суд над всеми живыми, предопределяет судьбу человека' (букв. 'пусть дальнейшую судьбу черной головы знает').

- (2) *Карангуй чаадыр баалу ба, кара баиш баалу ба? Кижиле эзен болзо, чаадыр айыл — ойын* [СМ, ЧЧ: 33] 'Мрачная юрта дороже или жизнь человека дороже? Лишь бы человек был жив и здоров, а деревянная юрта — пустышки' (букв. 'игрушка').

Ко всему сказанному следует добавить, что в современном алтайском языке термин *кара баиш* используется при определении национальной принадлежности человека, т. е. здесь имеется в виду представитель азиатского народа. Это характерно и для хакасского *хара бас*, имеющего значения 'черная голова' и (перен., разг.) 'черноголовый' (так хакасы называют себя и другие азиатские народы) [ХРС: 805]. Кроме того, в алтайском языке для обозначения представителей азиатских народов используются термины *каралар* (букв.) 'черные' (часто с оттенком пренебрежения по отношению к выходцам из Средней Азии) и *кара албатылар / кара калыктар* (букв.) 'черные народы'.

Соматизм *баиш* 'голова' в составе алтайских ФЕ нередко представляется верхней частью тела, испытывающей на себе все жизненные невзгоды, выпадающие на долю человека. Согласно народным представлениям, основанным на суевериях, темя человека является самой уязвимой частью тела; поэтому ночью, особенно в период убывания луны, не рекомендуется ходить без головного убора, иначе злым духам легко удастся завладеть душой человека, вследствие чего наступит смерть. У алтайцев существуют также определенные предписания, например: нельзя вертеть шапкой, наступать на нее и перешагивать через нее, этим можно вызвать сильную головную боль.

Описанные выше особенности национальной картины мира нашли отражение в образовании целого ряда алтайских ФЕ, выражающих состояние смерти. Данный ряд представлен двумя типами многозначных фразеологизмов.

1) Фразеологические единицы с семантикой 'умереть', 'поплатиться головой', 'оказаться в безвыходной ситуации':

кара бажын бер = 'умереть; поплатиться головой' (букв. 'черную голову-свою отдать'), *кара бажын сал* = 'умереть' (букв. 'черную голову-свою положить'), *кара бажы кыйыл* = 'умереть; поплатиться головой' (букв. 'черная голова-его усечена'), *кара бажы базыл* = 'умереть; поплатиться головой; оказаться в безвыходной ситуации' (букв. 'черная голова-его придавлена'). Очевидно, что указанные ФЕ первоначально имели значения 'умереть', а далее в результате расширения семантики приобрели значения 'поплатиться головой' и 'оказаться в безвыходной ситуации'.

- (3) *Je ол ло мотоциклдин јаман јаны база бар (...). Je мында да јаан тјубек јок, ол темир учун кара бажын да берген улус бар* [ЖК, ОЖ: 206] 'Но вот в этом мотоцикле есть и плохая сторона (...). Да что там (букв. 'Ну и в этом нет большой беды'), есть даже люди, поплатившиеся головой за это железо'.
- (4) *Кара бажым базылган бу туру, деп санандым* [АА, УБТ: 8] 'Пропала моя голова, подумал я'.
- (5) «*Эзен јјрген болзо, Тадалай слерле кожо токыналу отурап эди, быларга ла килеп, быларды ла айланп, кижиле арткан јангыс эјезине де јолыгып албайтан туру не, кара бажы кыйылган кийинде кјзинг соолгончо до ыйла*», — *јаанак ыйлап ийеле, айдынып аларга айылдаштары дјдјн јјгјрген* [ЖМ, ЈЈ: 71] '«Если бы Тадалай была здорова, спокойно сидела бы вместе с вами, вас и жалея, околачиваясь возле вас; невозможно даже увидаться с единственной, оставшейся в живых старшей сестрой, а после ее смерти (букв. 'когда черная голова-ее будет усечена', хоть плачь, пока глаза не иссохнут) — бабушка, всплакнув, побежала к соседям излить душу'.

Межъязыковую параллель к рассмотренным выше ФЕ составляет монгольский фразеологизм *хар толгойгоо залгих* 'поплатиться своей головой, не сносить головы' (букв. 'черную голову свою проглотить') [Пюрбеев 1972: 180]. В других тюркских языках Сибири, в частности тувинском и хакасском, ФЕ с компонентом *баиш* ~ *пас* 'голова', характеризующих смерть человека, нами не обнаружено. Об этом, по крайней мере, приходится судить по данным фразеологических словарей.

2) Фразеологические единицы с общим значением 'убить', 'погубить чью-либо жизнь, судьбу':

кара бажын бас = 'убить; погубить чью-либо жизнь, судьбу' (букв. 'черную голову-его придавить'), *кара бажына јет* = 'убить; расправиться с кем-либо (физически или морально)' (букв. 'до черной головы-его добираться').

- (6) *Келген «айылчыларын» кјндјктирип, эки карындаш Јаанбаштын кара бажына једер деп катан ла шјјүитилер* [ШЯ, ОТ: 181] 'Проводив «гостей», двое братьев снова задумали расправиться с Дьяанбашем'.

Осознание смерти как особого физиологического состояния — остановки жизнедеятельности организма — в алтайском языке нашло отражение в семантике ФЕ *Кара-Төңөш жаар тус бедрен бар* = ‘отправиться на тот свет, умереть’ (букв. ‘к Черному Столбу искать соль отправиться’).

(7) *Кара-Төңөш жаар тус бедрен баштап сениң сүүгөн нөкөрлөрүң, күүн-санаазы кара батка өштүлөрүң барып жат* [ЭТ, К: 200] ‘На тот свет отправляются в первую очередь твои любимые друзья, коварные (букв. ‘с мыслями черная желчь’) враги-твои’.

Вышеприведенный фразеологизм представляет собой результат слияния двух разных, но тождественных по значению фразеологических единиц. В данном случае мы наблюдаем процесс наложения друг на друга семантики фразеологизмов *Кара-Төңөшкө бар* = и *туска бар* = со значением ‘умереть’.

В основе появления первого фразеологизма *Кара-Төңөшкө бар* = ‘отправиться на тот свет, умереть’ (букв. ‘к Черному Столбу отправиться’) лежит мифологический образ — *Кара-Төңөш* ‘Черный Столб’, — который ассоциируется с местом, куда попадает человек после смерти. В алтайской картине мира *Кара-Төңөш* ‘Черный Столб’ служит маркером между средним и нижним мирами. В работе А. В. Анохина по шаманизму алтайцев отмечается, что он находится на границе владений Эрлика и Ульгена (основные божества у алтайцев), где Эрлик и Ульген совершают суд над человеком [Анохин 1994: 85]. Эпитет *кара* в данном случае обозначает черный цвет или, возможно, цвет обгорелого дерева; однако, с другой стороны, думается, что здесь имеет место цветовая символика.

В мировоззрении алтайцев черный цвет ассоциируется с негативным, темным началом, олицетворяет собой подземный мир и потусторонние силы. В связи с этим слово *кара* в алтайском языке часто выражает отрицательную коннотацию и актуализируется в переносных значениях ‘плохой’, ‘злой’, ‘коварный’, ‘злой дух’ и т. д. *Кара-Төңөш* ‘Черный Столб’ в алтайской картине мира ассоциируется также с местом в подземном мире, куда люди, произнося заклинания, стараются отослать нечистую силу, болезни и др. Например, после процедуры массажа головы, для того чтобы болезнь другого человека не передавалась тому, кто делал массаж, проводится следующий ритуал. Человек, плюнув три раза, встряхивает руками под порогом и произносит заговор:

(8) <i>Жер бай,</i>	‘Земля богата,
<i>Жер семис.</i>	Земля жирна.
<i>Жердин жети кадына бар,</i>	Уходи под семь слоев земли,
<i>Жердин алдында Кара-Төңөш сакып жат</i> [ШВМ].	Черный Столб под землей ожидает’.

Кроме того, *Кара-Төңөш* ‘Черный Столб’ в алтайской картине мира часто персонифицируется; особенно наглядно это представлено в детском фольклоре. Например, совершив какое-либо нежелательное действие, дети, чтобы обезопасить себя от нечистой силы, стучат три раза по дереву и произносят: «*Мен оны этпедим (айтпадым, көрбөдүм, укпадым...), жердин алдында Кара-Төңөш этти (айтты, көрди, укты...)*» ‘Я не делал этого (не говорил, не видел, не слышал...), под землей Черный Столб сделал это (сказал, увидел, услышал...)’. Этим они снимают с себя всякую ответственность за содеянное и возлагают ее на *Кара-Төңөш* ‘Черный Столб’. Таким образом, *Кара-Төңөш* ‘Черный Столб’ в мирозерцании алтайцев предстает как маркер между миром живых и миром мертвых, а также представляется как некое мифическое существо.

Появление второго фразеологизма *туска бар* = со значением ‘умереть’ связано с реальными историческими событиями, происходившими на Алтае. В давние времена из-за того, что на Алтае не было соли, люди в поисках ее вынуждены были отправляться в другие края. Чаще всего многие из них домой не возвращались: одни погибали при соляных обвалах, другие — из-за голода и холода, третьих убивали. Это послужило культурно-историческим основанием для появления фразеологизма *туска бар* = ‘умереть’ (букв. ‘за солью отправиться’) [Тыбыкова, Кыйынова 2001: 148; Tıdikova 2004: 61].

Аналогичное толкование происхождения хакасского фразеологизма *хызыл тус тартарга парыбыстыр* (букв. ‘за красной солью ушел’) и тувинского *хызыл дустай берген* (букв. ‘за красной солью ушел’) со значением ‘умереть’ дают В. Я. Бутанаев и Ч. В. Монгуш. Согласно их трактовке, в монгольскую эпоху на Саяно-Алтае добывали каменную соль только в одном единственном месте, которое находилось на горе Дус-даг, где Тува граничит с Монголией. Считается, что каменная соль на этой горе имела красноватый оттенок. За солью из Хонгорая и Тувы обычно отправлялись специальные промысловики — «дусчы». Многие из них не возвращались домой: одних заваливало в шахтах, другие погибали в пути. С тех пор саянские тюрки стали употреблять вышеупомянутые фразеологизмы в тех случаях, когда умер человек [Бутанаев, Монгуш 2005: 159].

Несколько иной версии относительно происхождения тувинского фразеологизма *хызыл-дустай берген* ‘(ушел) за красной солью’, связанной с символикой красного цвета, придерживается Л. К. Хертек.

По ее мнению, данное идиоматическое выражение о смерти возникло из мифологического представления, связывающего концепт ‘красный’ с иным миром, в отличие от этого, где соль белого цвета. К этому же ряду представлений исследователь относит мифологических персонажей тувинского фольклора, имеющих рыжие волосы, медные носы и ногти (Албыс, Чылбыга и др.) [Хертек 2012: 253].

Таким образом, как мы уже отмечали, в алтайском языке фразеологизм *Кара-Төңгөй жаар тус бедрен бар* = ‘отправиться на тот свет, умереть’ представляет собой синтез двух синонимичных ФЕ — *Кара-Төңгөшкө бар* = ‘умереть’ и *туска бар* = ‘умереть’. При этом следует подчеркнуть, что в составе алтайского фразеологизма *туска бар* = ‘умереть’, в отличие от рассмотренных выше хакасского и тувинского фразеологизмов, термин *кызыл* ‘красный’ в качестве цветового определителя соли не употребляется.

2.2. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние истощения

Алтайцы, как и другие тюркские народы, большое значение уделяли такой важной и составной части человеческого тела, как кости. Данное обстоятельство непосредственно связано с основным видом хозяйственной деятельности этих народов — скотоводством. Исследователи отмечают, что эмпирические знания и наблюдения над физиологией живых существ (связанные с бытом, охотничьей и скотоводческой практикой) привели людей ко вполне рациональным выводам о том, что состояние костяка является показателем состояния всего организма, степени его развития [Традиционное мировоззрение 1989: 60]. Это послужило основанием для появления в алтайском языке определенного количества ФЕ с компонентом *сөök* ‘кость’. В основном они выражают физические данные человека: крепкое телосложение и статность либо болезненный вид, худобу и истощение.

В семантике ФЕ *кара сөök* ‘очень худой’ (букв. ‘черная кость’) охарактеризовано физическое состояние худобы, истощенности человеческого организма. Данное состояние предстает как результат тяжелой болезни, каких-либо психических переживаний.

(9) *Сенинг таайынг оорыйла, кара сөök болуп калтыр* ‘Твой дядя, заболев, стал очень худым’.

Аналогичный фразеологизм представлен и в тувинском языке, но здесь вместо цветообозначения *кара* ‘черный’ используется лексема *көк* ‘синий’: *көк сөөк* ‘очень худой’ (букв. ‘синие кости’), т. е. сплошные кости, одни лишь кости [Татаринцев 1987: 63]. В соседнем хакасском, а также монгольском языках эквивалентных ФЕ нами не обнаружено.

Следует отметить, что в алтайском языке фразеологизм *кара сөök* ‘очень худой’ часто используется при описании исхудавших домашних животных. Обычно костный мозг таких животных при вскрытии имеет нездоровый темный цвет. Компонент *кара* в составе рассматриваемой ФЕ, безусловно, выражает отрицательную оценку, усиливает степень интенсивности проявления описываемого признака. Вместе с тем усматривается очевидная связь описываемого фразеологизма с активно функционирующим в алтайском и других тюркских языках выражением *кара эт* ‘постное, нежирное мясо без жировых прослоек’ (букв. ‘черное мясо’). С последним связано появление в русском языке оборота *держат в черном теле*, обозначающего строгое обхождение с кем-то. По словам И. Г. Добродомова, первоначально смысл выражения *держат в черном теле* был ‘питать умеренно, не давать жиреть, чтобы мясо было лишено жировых прослоек, было темным’, но потом постепенно возобладал смысл ‘держат в физических лишениях’ [Добродомов 1986: 146].

При ассоциативно-образной характеристике худобы человеческого тела в алтайском языке наряду с термином *кара* участвует также цветолексема *көк* ‘синий’ в составе ФЕ *көк тарыска* ‘очень худой’ (букв. ‘синяя тростинка’). Мотивационной базой для основания ФЕ здесь послужил образ растительной реалии, т. е. стройность растения проецируется на человека.

(10) *Бу шиле кожо мен чек көк тарыска боло бердим* (из устной речи) ‘С этой работой я очень сильно похудел’ [Чумакаев 2005: 155].

2.3. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние голода

Местом локализации физиологического ощущения голода в анатомической карте человека, как правило, является желудок. Основная его функция заключается в переваривании пищи. Для обозначения данного органа в алтайском языке используются термин *өзök* ‘нутро, желудок’ и парное слово *өзök-буур* ‘нутро, желудок’ (букв. ‘нутро-печень’). Они участвуют в образовании глагольного фразеологизма *өзöги (өзök-бууры) карар* = ‘чувствовать сильный голод’ (букв. ‘нутро (нутро-печень-его) чернеет’).

Образность данной ФЕ строится на гиперболизированном описании физиологических ощущений: при усилении степени интенсивности описываемого состояния нутро человека имеет свойство «чернеть». Компонент *караp*= в составе ФЕ выражает негативную коннотацию.

- (11) *Председательдин эки кып туразына кирип келерде, каарган эттин, быжырган калаштын жыды тумчугына жаба согордо, бош ло торолоп калган Эжердин бажы айланып, ӱзӱги карарган* [АА, УБТ: 113] ‘Когда он зашел в двухкомнатный дом председателя, в нос ударил запах жареного мяса, испеченного хлеба: у совершенно изголодавшегося Эжера закружилась голова, он еще острее почувствовал голод’.
- (12) *А жанбаганча болбос: азык-тӱлӱк божогон, ӱзӱк-буур карарган, танкы база тӱгенген* [ЖК, ЭӱАП: 339] ‘А не возвращаться домой невозможно: продукты закончились, [мы] проголодались, курево тоже закончилось’.

Вариантом указанной выше ФЕ в алтайском языке выступает фразеологизм *ӱзӱк-бууры саргар*= ‘проголодаться’ (букв. ‘нутро-его желтеет’) [Чумакаев 2005: 119]. В данном случае, надо полагать, лексема *сары* ‘желтый’ обозначает естественный цвет желудка, в отличие от аномального *кара* ‘черный’; ср.: *сары карын* ‘голодный желудок’, *сары ӱзӱккӱ* ‘на голодный желудок (нутро)’ [Молчанова 1986: 193].

В монгольской анатомической карте человека физиологическое ощущение голода также локализуется в области желудка. Активное участие в репрезентации данного чувства в монгольском языке, как и в алтайском, принимает цветолексема *хар* ‘черный’: *дотор харлах* ‘сосет под ложечкой, испытывать поташнивание от голода’ (букв. ‘внутри [внутренности] чернеть’) [Пюрбеев 1972: 136]. В тувинском же языке при описании чувства голода используется другой соматизм — *ӱс* ‘аорта’: *ӱзү карарар* ‘чувствовать сильный голод’ (букв. ‘аорта-его чернеть’); причем данный фразеологизм функционирует и в другом значении — ‘поступить коварно, злоумышлять’ [Хертек 1978: 48].

2.4. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние опьянения

В алтайском языке в образовании ФЕ, характеризующих состояние опьянения или алкогольной зависимости, участвуют термины *кара* ‘черный’ и *баиш* ‘голова’. В таком значении в устной и письменной речи активно используется фразеологизм *кара бажын ачу ашка сук*= ‘злоупотреблять алкоголем, подвергаться алкогольной зависимости’ (букв. ‘черную голову-свою опустить в горькую пищу’)².

- (13) *А эмди кӱрзӱгӱр — алтай кижии калык адыла оморкоордын ордына кара бажын ачу ашка сугуп корондойт* [АЧ 1998] ‘А теперь посмотрите — алтаец вместо того, чтобы гордо нести свое имя, травит себя алкоголем’.

Как мы уже отмечали, голова в алтайской фразеологии является частью тела, которая испытывает на себе все жизненные невзгоды, в том числе различные болезни. В рассматриваемой ФЕ репрезентируется, прежде всего, паталогическое состояние человеческого организма. Согласно мнению П. М. Аркадьева и Г. Е. Крейдлина [Аркадьев, Крейдлин 2011: 45], неосуществление или плохое выполнение физиологической функции соматического объекта является паталогией и может привести к атрофированию части тела (организма в целом — разрядка наша — А. М.), в предельном случае — к смерти человека. В данном случае речь идет об аномальном функционировании головы, вызванном внешними, главным образом социальными, причинами. Таким образом, опускать голову в спиртное во ФЕ означает травить свой организм, рисковать своим здоровьем и благополучием, что в конечном счете может привести к гибели человека.

Если в алтайском фразеологизме человек опускает голову в спиртное, то в монгольском человек глотает воду, ср.: монг. *хар усаа балгачих* ‘напиться, нализаться, хлебнуть спиртного’ (букв. ‘черной воды наглотаться’) [Пюрбеев 1972: 180].

Следует отметить, что в алтайском языке соматизм *баиш* ‘голова’ без цветового определения *кара* ‘черный’ участвует также в образовании ФЕ, характеризующих состояние похмелья: *баиш жарылып браат (jam)* 1) ‘о сильной головной боли’, 2) ‘от множества забот, дел, от шума и гама кто-либо испытывает крайнее умственное напряжение’, 3) ‘состояние похмелья’ (букв. ‘голова раскалывается’); *баиш жазар* ‘опохмеляться’ (букв. ‘голову лечить’) [Чумакаев 2005: 61].

² В алтайском языке для обозначения алкоголя, помимо основного термина *аракы*, часто используется иносказательное *ачу аш* ‘горькая пища’.

2.5. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние усталости

Наивысшая степень состояния усталости, изможденности вследствие длительных физических лишений и жизненных испытаний во ФЕ локализуется в печени, которая имеет свойство «иссякаться»: *кара бууры түгөн* = 'сильно утомиться, изнемогать, обессилеть' (букв. 'черная печень-его иссякает').

- (14) *Канча чактарга албатынын кара каны төгүлп, кара жойу олжого айдадып, кара көстөрдөн канча кире жаш аккан, кыйынга-чакка кара бууры түгөнүп, карык баскан Алтай* [КТ, КЖ: 131] 'На протяжении веков сколько крови народной было пролито, когда угоняли [его] в плен совершенно пешим (букв. 'черным пешим'), сколько слез было пролито из черных глаз; от мучений и бед обессилевший, опечаленный Алтай'.

Состояние, описываемое в рассматриваемой ФЕ, безусловно, достигается еще и в результате длительных эмоциональных переживаний (чувства горя, печали и т. д.). Известно, что в тюрко-монгольской наивной картине мира важную роль, связанную с эмоциональной сферой человека, выполняет печень, а не сердце; причем во ФЕ термин 'печень' обозначает более глубокие переживания — сочувствие, проявление теплых, родственных чувств [Тюнтешева 2006: 51].

Компонент *кара* 'черный' в составе вышеприведенной ФЕ, на наш взгляд, подчеркивает темный, багровый цвет печени. Термин *кара* в качестве цветового определения при соматизме *буур* 'печень' очень часто используется в текстах фольклорных произведений, в частности в героическом эпосе.

- (15) «*Кара буурым мен эмди
Кодорып бергем уулыма,
Каипак тижим мен эмди
Кайрып бергем уулыма.
Кара жангыс кызын учун
Ичес кайткан сен?» — деди* [АБ, 10: 82—83]. '«Темно-багровую печень-свою я
Вынул сыну,
Пожелтевший зуб-свой теперь я
Оторвал сыну.
За единственную дочь-свою
Неужели [вино] не выпьешь?» — промолвил он'
(перевод наш — А. М.).

2.6. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние потоотделения

К числу физиологических реакций на разного рода внешние и внутренние воздействия, на которые реагирует человеческое тело, относится потоотделение. Этот физиологический процесс образно представлен во фразеологизме *кара сууга түш* = 'сильно потеть, обливаться потом' (букв. 'опуститься в черную воду').

- (16) *Эртечи манзаарала, чүрчеде ле кара сууга түжсе берген* [ЖК, ОЖ: 114] 'Эртечи, растерявшись, мгновенно вспотела'.

Термин *кара* в составе рассматриваемой ФЕ, на наш взгляд, выступает в актуализированном переносном значении 'обильный', т. е. *кара суу* 'обильная вода' → *кара суу* 'обильный пот'. Следует отметить, что значение 'обильный' у слова *кара* в алтайском языке чаще всего реализуется в составе словосочетания *кара тер* 'обильный пот' (букв. 'черный пот'). Вследствие этого, думается, *кара суу* 'обильный пот' возникло по аналогии с *кара тер* 'обильный пот'.

Семантика словосочетания *qara su* в тюркологической литературе интерпретируется по-разному. В частности, в топонимике *qara su* обычно связывают не с цветом, а с землей. В алт., тув. *qara su* — это 'родник', т. е. вода, выходящая из земли (а не стекающая с гор); в ккалп. — родниковая вода, в отличие от талой горной воды незамутненная, 'прозрачная вода'; в каз. — 'стоячая вода, пруд'; в тур. — 'медленно текущая вода'; в аз. — 'нездоровая, болотная вода' [Кормушин 1997: 597; Laude-Cirtautas 1961].

Кроме того, в алтайском языке словосочетание *кара суу* может иметь значение 'крепкое вино'. Ранее, в работе [Майзина 2008: 130], нами было показано, что у слова *кара* имеется значение 'крепкий', которое актуализируется в составе словосочетаний *кара аракы* 'крепкое вино' (букв. 'черное вино') и *кара суу* 'крепкое вино', т. е. «крепкая вода» (букв. 'черная вода').

- (17) *Иш деп неме кижинин эр-жажына јаткан карудан кару эш-нөкөриндий неме эмтир. Ол јок болзо, кижи эригер де, кунугар да, а кезикте кара суудан бажын да көдүрбес* [КТ, ТДК: 124] 'Оказывается, работа для человека почти как твоя вторая половина, как самый дорогой тебе человек, с которым прожил всю жизнь. Когда ее [работы] нет, человек и тоскует, и печалится, а иногда от крепкого вина не может оторваться' (букв. 'из черной воды голову-свою не поднимает').

2.7. Фразеологические единицы, характеризующие аномальное состояние человека, вызванное воздействием потусторонних сил

Во фразеологии аномальное состояние человека характеризуется нарушениями функционирования, или дисфункциями (в терминологии А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлина), тех или иных органов, частей тела либо всего организма в целом. Дисфункции могут быть поданы в языке как временные нарушения разной степени длительности или как аномальные состояния [Козеренко, Крейдлин 2011: 61]. Таким образом, для аномального состояния характерна потеря человеком способности нормально функционировать — двигаться, действовать, что-то делать; такая неспособность вызвана внешними силами — либо неопределенными, либо потусторонними. В алтайском языке имеется определенное количество ФЕ, характеризующих аномальное состояние человека, вызванное потусторонними силами.

Символика черного цвета как цвета тьмы нашла отражение в образовании алтайских ФЕ, объединенных общей семой 'пагубное влияние на человека темных сил, наносящих вред его здоровью и представляющих угрозу для жизни'. Особенно опасны темные силы для жизни человека в вечерние сумерки (*кызыл энир* 'красный вечер') и от полуночи до рассвета. У алтайцев существуют и до сих пор соблюдаются запреты, связанные с этими неблагоприятными и опасными периодами суток. Например, о вечерних сумерках, опасных для жизни человека, этнограф С. П. Тюхтенева пишет: «В эти часы нельзя выносить из дома молоко и молочные продукты, огонь; нельзя выходить из юрты с прикуренной сигаретой или непогашенной трубкой; нельзя выходить за водой, колоть дрова. В это время нельзя спать, особенно детям, так как человек может быть задушен (*кара немеге бастырар*). Детей заводят в жилище, не разрешая шумных игр, чтобы на шум не собиралось "нечто черное", *кара неме*, т. е. нечеловеческие сущности» [Тюхтенева 2006: 33].

Именно в эти периоды времени темные силы, по представлению алтайцев, нападают на человека, о чем свидетельствуют следующие ФЕ: *кара табарган* 'нечистая сила напала' (букв. 'черное напало'), *карага алдырт* = 'оказаться во власти темной силы, подвергаться влиянию нечистой силы' (букв. 'черному подвергаться'), *кара немеге туттур* = 'оказаться во власти темной силы' (букв. 'черным нечто быть охваченным'), *кара немеге бастыр* = 'оказаться во власти темной силы' (букв. 'черным нечто быть придавленным').

(18) «*Соктырган турум ине мен, соктыргам, — дейле, ого там коркымчылу боло берди. — Кара табарган*» [ЖК, КТ: 133] '«Оказывается, задет я нечистой силой, задет, — сказал он, и ему стало еще страшнее. — Нечистая сила напала»'.

(19) *Эне, мен кара немеге туттурдым* [КТ, ТДК: 44] 'Мама, я оказался во власти нечистой силы'.

Универсальным для всего человечества является ценностное понятие о том, что душа и тело человека должны соблюдаться в чистоте: в здоровом теле должен быть здоровый дух. Морально-этическими устоями общества служат нравственные законы: не совершать плохие поступки, не убивать, не злословить, не прелюбодействовать и т. д. В алтайской лингвокультуре совершение человеком греха нередко мыслится как результат пагубного влияния темных сил на человека. Грех в данном случае понимается как физическая зараза, скверна, навязанная человеку темными силами. Считается, что злые духи толкают человека на «черные дела», которые совершаются им в состоянии одержимости. Именно такое состояние описывается во ФЕ *карага бастырган* 'увязший во грехе; одержимый темными силами' (букв. 'черным придавленный').

(20) *Јаш баланы ла эмчек энени, «колы-буды уурлай» берген кижини согуп, онотийин кинчектегени, олтургени — алтай калыктын јангында ол эн јаан кинчектердин бирүзи. Ондый керек эткен кижини «карага бастырган», «кинчеги ажынын калган» деп айдар* [АЈ: 65] 'Рукоприкладство, намеренное надругательство, убийство маленького ребенка, кормящей матери, беременной женщины (букв. 'человека с отяжелевшими руками-ногами') — один из самых тяжких грехов в религиозном представлении алтайского народа. Человека, совершившего такой поступок, называют «увязший во грехе», «грехи его перевалили через край»'.

Фразеологизм *карага кирген* 'увязший во грехе; оскверненный' (букв. 'в черное вошедший'), в отличие от предыдущей ФЕ, имеет несколько иную семантику. В первом случае он характеризует человека, совершившего тяжкий грех, во втором — человека, посетившего чьи-то похороны (место, где было сосредоточено скопление нечистой силы), или человека, у которого умер близкий родственник. Такой человек в течение определенного времени не должен посещать (осквернять своим присутствием) святые места и целебные источники (*аржан-суу*), участвовать в религиозных обрядах освящения и т. д. Напротив, здорового и чистого во всех отношениях человека в алтайском языке называют *карага кирбеген* 'чистый, незапятнанный' (букв. 'в черное не входивший').

- (21) *Арчынды он эки јаштан ашаган кыс бала үзер аргалу. Эр киндиктү карага кирбеген кижги үзер* [АЖ: 50] ‘Можжевательник может срывать девочка, не достигшая двенадцати лет. Срывает неоскверненный мужчина’³.

Алтайские фразеологизмы *карага бастырган* ‘увязший во грехе; одержимый темными силами’ и *карага кирген* ‘увязший во грехе; оскверненный’ в какой-то мере сродни русским выражениям *выбился из колеи, сбился с пути, свернул с правильного пути*, в которых «дисфункция отображается как уход человека с основной линии жизни, предназначенной судьбой, высшими силами» [Козеренко, Крейдлин 2011: 62].

Неестественное состояние, пограничное между сном и явью, характеризует фразеологизм *каран бастык* = ‘испытывать удушье во сне (в полудреме), видеть кошмары, бредить’ (букв. ‘черным быть придавленным’). Это состояние, когда человеку во сне (в полудреме) кажется, что нечто сверхъестественное наваливается ему на грудь и начинает давить, душить, а он не может проснуться, закричать, позвать на помощь, пошевелиться, будто все в нем онемело. Причем «в этот момент спящий понимает, что этот некто не из мира людей, а из “иного” мира» [Тюхтенева 2006: 31].

- (22) *Янында јаткан оору кижги онтоп, каран бастыгып, кандый да јарты јок эрмектенип ийерде, Сарлай өрө туруп, онын үстине энчес этти* [БУ, ЭТ: 13] ‘Когда лежащий рядом больной человек, простонав в состоянии бреда, как-то невнятно заговорил, Сарлай встал и наклонился над ним’.

Компонент *каран* (слово, производное от *кара* ‘черный’) в составе указанной выше ФЕ выступает в значении ‘злой дух, темная сила’. В таком значении *каран* в алтайском языке используется только в составе анализируемого фразеологизма. Очевидно, слово *каран* в тюркских языках первоначально имело значения ‘силуэт’, ‘неясные очертания виднеющегося вдали предмета’ [Кононов 1978: 161]; затем, в результате расширения семантики, данное слово в алтайском языке приобрело переносное значение ‘злой дух, темная сила’. Такое семантическое развитие получило и хакасское *харан*, зафиксированное в «Хакасско-русском словаре» в значении ‘дух, темная сила’: *харанга пастырага* ‘испытывать давление темной силы’, ‘утомляться, испытывать тяжесть’ [ХРС: 809].

В работе [Бутанаев, Монгуш 2005: 181] уточняется, что хакасское *харан* и тувинское *бора сунезин* (букв. ‘серая душа’) обозначают «черную» часть души, которая остается после смерти человека и приносит несчастья оставшимся членам семьи. Избавиться от нее можно только после проведения шаманом обряда изгнания.

Алтайскому фразеологизму *каран бастык* = ‘испытывать удушье во сне (в полудреме), видеть кошмары, бредить’ в монгольском языке соответствует ФЕ *хар дарах* ‘испытывать удушье во сне, пугаться кошмарных сновидений’, ‘видеть кошмары во сне’ (букв. ‘черное давить’) [Пюрбеев 1972: 180; Баярсайхан 1996: 58; БАМРС: 45].

Интересно, что у хакасов опасность для человека могут представлять также *таг каразы* ‘горные (злые) духи’: *таг харазына урунарга* ‘заболеть от встречи с горными духами’ [ХРС: 806]. В алтайской лингвокультуре хозяев рек и гор (*суунын ээзи, туунын ээзи*) обычно не наделяют эпитетом *кара* ‘злой’, поскольку в повседневной жизни они не представляют угроз для человека, но могут наказать за несоблюдение определенных запретов — наслать беду, болезни и т. д.

3. Фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние человека, с цветовым компонентом *кызыл* ‘красный’

В мировосприятии алтайцев красный цвет ассоциируется с кровью, огнем, солнцем и олицетворяет собой физическую силу, молодость, красоту и здоровье. В культурологическом аспекте он воспринимается как хороший, благоприятный цвет. К примеру, теленгиты⁴ считают красный цвет сакральным, цветом-оберегом. Согласно их обычаям, почетным гостям завязывают пояса красного цвета, а женское свадебное одеяние *чегедек* шьют из красной ткани, что не столь характерно для других коренных народов Республики Алтай.

Отмеченные выше особенности цветовой символики фиксируются и на уровне языкового сознания алтайцев. Так, в алтайском речевом этикете типичной формулой приветствия является обмен информа-

³ В примере (21) речь идет о правилах срывания можжевательника. Алтайцы считают *арчын* ‘можжевательник’ священным растением, обладающим магическими свойствами. Согласно обычаям, его ветки может срывать девочка, не достигшая половой зрелости, либо ничем не запятанный, чистый во всех отношениях мужчина.

⁴ Теленгиты — один из этносов Республики Алтай, проживающий в Улаганском и Кош-Агачском районах.

цией в форме вопроса-ответа: «Кандый жүрүң?» ‘Как живешь?’ — «Кызыл-күрөң жүрүм» ‘Хорошо живу’ (букв. ‘Красно-коричнево живу’).

Благоприятное восприятие красного цвета фиксируется и на уровне алтайской фразеологии. Об этом свидетельствуют приведенные ниже фразеологизмы.

3.1. Фразеологические единицы, характеризующие здоровье

Во фразеологии алтайского языка красный цвет ассоциируется с цветением и созреванием. Красный — это цвет весны, когда на Алтае цветут розово-красные пионы, кандык⁵ и маральник⁶. А весна в жизни человека — это его молодость. Поэтому не случайно эталоном женской красоты в алтайском языке служит устойчивое выражение *кызыл марал* (букв.) ‘красный маральник’. Частое употребление данного сравнения в речи привело к его переходу в разряд ФЕ: так, фразеологизм *кызыл марал* ‘молодой, красивый, в расцвете сил’ (букв. ‘красный маральник’) репрезентирует цветущее здоровье, молодость, красоту человека. Данный фразеологизм соответствует выражению *красная кровь с молоком* в русском языке.

(23) *Бир тужында бис те кызыл марал кыстар болгон эдис ле. Эмди ле чырчыйдыс, эмди ле карыдыс* [БУ, СӨ: 231] ‘Когда-то и мы были девушками в расцвете сил. Это нынче мы покрылись морщинами, это сейчас мы состарились’.

Напротив, ослабленное состояние организма в алтайском языке характеризует ФЕ *кызыл чий* 1) ‘слабый, неокрепший’, 2) ‘в кровавых ссадинах, со свежей раной’ (букв. ‘красный сырой’). Обычно это выражение в алтайском языке используют при описании новорожденного ребенка, у которого бывает красно-розовая, очень нежная и ранимая кожа (24), а также при описании кровавых ссадин и ран на теле человека (25) или животного (26). Компонент *кызыл* в данном случае реализует основное номинативное значение ‘красный’. Ср.: хак. *хызыл пырчык* ‘лишь красное тельце’ (о новорожденном), *хызыл ит* ‘открытая, свежая рана’ (букв. ‘красное мясо’) [ХРС: 878].

(24) *Бала чыкса, оны «кызыл чий бала» дежер. Баланы јунган кийинде, он кун откөн сонгында ондоло берет* [ТКТ] ‘Когда ребенок родился, его называют «неокрепший ребенок» (букв. ‘красный сырой ребенок’). После того как ребенка искупают, по истечении десяти дней [он] входит в тело’.

(25) *Бут деп неме јодомног ло төмөн тырмагы, сула терези чупчыла берген — чек кызыл чий* [КТ, КЈ: 144] ‘А ноги-мои: вниз по голени кожа разорвалась, ногти выдраны — сплошь кровавое месиво’.

(26) *А бугул тарткан аттар онду болгон болзо кайдар. Аркаларына кижги отурып болбос. Кызыл чий* [КТ, Т: 26] ‘А хоть бы лошади, возившие копна, были лучше. На спину [им] сесть невозможно. В кровавых ссадинах’.

3.2. Фразеологические единицы, характеризующие физиологические состояния жизни и смерти

Многие алтайские ФЕ помимо цветового компонента *кызыл* ‘красный’ содержат в своем составе термин *тын*. Слово *тын* в алтайском языке имеет следующие значения: 1) ‘душа; жизнь, способность жизни (дыхания, роста)’, 2) ‘дыхание’ [ОРС: 164].

Компонент *кызыл* в составе анализируемых ФЕ обозначает красный цвет крови — атрибута жизненной силы, энергии: *кызыл тын* ‘жизнь’ (букв. ‘красная душа’ / ‘красное дыхание’), *кызыл тын бойы* ‘собственно человек’ (букв. ‘с красной душой-своей сам’ / ‘с красным дыханием-своим сам’). Ср.: тув. *кызыл тын* ‘жизнь’ (букв. ‘красная жизнь’) [Хертек 1978: 52]; монг. *улаан амь* ‘живая жизнь’ (букв. ‘красная жизнь’) [Баярсайхан 1996: 56].

(27) *Кызыл тыныс армакчынын бажында болгон* ‘Жизнь-наша была на волоске’ (букв. ‘Красное дыхание-наше было на кончике аркана’).

(28) *Эмди менде алган эжим де, азыраган балам да јок. Кызыл ла тын бойым арт калганымды сен ондоорын ба?* [КТ, КЈ: 37] ‘Теперь у меня нет ни жены, ни детей, которых [я] воспитал. Поймешь ли ты, что только я сам и остался живой?’.

Появление рассматриваемых ФЕ в алтайском языке основано на мифологических представлениях о душе. В алтайской наивной картине мира душа человека представляется как жизненная сила, выраженная в дыхании и движении. Она имеет вид нити или волосинки, очень тонкой и уязвимой. Вместителищем

⁵ Кандык сибирский, латинское название — *Erythronium sibiricum*.

⁶ Маральник — местное название багульника; латинское название — *Rhododendron dauricum*.

души обычно является область аорты: когда аорта разрывается, то прекращается дыхание, наступает смерть, а душа улетает через горловое или носовое отверстие.

Схожее понятие о гибели человека отмечается у хакасов. Согласно их мировоззрению, душа — *кызыл тын* (букв. ‘красное дыхание’) — также имеет вид нити, соединяющей сердце с кровеносными сосудами. В результате разрыва души с телом наступает смерть человека; место разрыва локализуется в районе аорты (*холга*), проходящей у сердца. Улетающая душа (*тын*) выпархивает через горловое отверстие (у врагов — через задний проход) и, превратившись в птицу (у детей — в ласточку, у взрослых — в журавля, у сказочных богатырей — в девять жаворонков или в кукушку, у врагов — в дятла), улетает в сторону заката солнца [Бутанаев, Монгуш 2005: 131].

Между тем следует уточнить, что душа, согласно верованиям алтайцев, в момент отторжения от тела представляется в виде материальной субстанции, «не воспринимаемой органами чувств человека» [Баскаков 1973: 112]. Облик же маленькой птички, по данным фольклорных и этнографических источников, она обретает лишь на сороковой день после смерти, когда садится на тростинку, а та под ней не сгибается; только в этот момент душа осознает о своей смерти [АЈ: 147; Енчинов 2009: 40]. Более подробно понятия алтайцев о душе и ее свойствах проанализированы в работах Л. П. Потапова, В. И. Вербицкого и др. [Потапов 1991: 32; Вербицкий 1993: 98].

Представление алтайского народа о тонкости и уязвимости души, о шаткости человеческого здоровья отражено в семантике ФЕ *кызыл тын, кыл өйч* ‘эле-эле душа в теле’ (букв. ‘красная душа <‘красное дыхание’>, с волосинку трахея’).

В семантике следующих антонимичных ФЕ актуализируются две противоположные семы — сема ‘забота о самосохранении, о спасении своей души (жизни)’ и сема ‘рисковать своей жизнью’. Данные фразеологизмы характеризуют особые физиологические состояния человека — инстинкт самосохранения и состояние риска для здоровья и жизни: *кызыл тынын алып жүр* = ‘спасаться от смерти, спасти свою жизнь; заботиться о себе самом, о своем благополучии’ (букв. ‘красную душу-свою беречь’) и *кызыл тынын кысканба* = ‘не жалеть жизни, рисковать жизнью’ (букв. ‘красную душу-свою не жалеть’).

(29) *Албатыга шок этпей, кызыл тынын алып жүрген кижги* [АА, УБТ: 234] ‘Человек, который, не причиняя людям вреда, живет сам по себе’ (букв. ‘живет, заботясь о красной душе-своей’).

(30) *Бастыра улус кызыл тынын кысканбай, канду өштүлө согушуп жат, а жангыс Жеекен-Бала каат коркыдып, тоноп, тайга-ташка жажынып, уйалбай да жортуп жүрөт* [ЭЯ, ÖТ: 78] ‘Все люди, рискуя жизнью, воюют с проклятым врагом, и только один Дьеекен-Бала пугает женщин, грабит их, скрываясь в тайге, нисколько не стесняясь, разъезжает на коне’.

Ассоциативно-образное представление алтайцев о смерти человека, связанное с прекращением дыхания, отражено в семантике вариативных ФЕ: *кызыл тынын кый* = ‘убить’ (букв. ‘красное дыхание-его оборвать’), *кызыл тынын божот* = ‘убить’ (букв. ‘красную душу-его выпустить’), *кызыл тынына жет* = ‘убить’ (букв. ‘до красной души-его добратся’), *кызыл тыны кыйыл* = ‘умереть’ (букв. ‘красное дыхание-его обрывается’), *кызыл тыны жүзүл* = ‘умереть’ (букв. ‘красное дыхание-его обрывается’); см. примеры (31), (32).

(31) *Айылдан чаарып турарда, артыргыскан онын не де жок, кызыл тынын божоткон, колында онын не де жок* [СС, Э: 18] ‘Когда выносили [ее] из дома, после себя ничего не оставила, [когда] жизни-ее лишили, ничего на руках не имела’.

(32) *Шылыков Калайдын качкындаганы, өзök-жиктер керип суранчыктаганы, уурданганы — ончозы жаан жажыт. Бу журтта онын чын жүрүмин билер кижги жок, жангы жанга удурлашканын ол кемге де айтпас. Кажсы бир тушта оозы чечилзе — кызыл тыны кыйылар* [ЭТ, К: 33] ‘[То, что] Шылыков Калай находился в бегах, побирался по селениям <букв. ‘побирался, обходя долины’>, воровал — все это большая тайна. В этом селе никто не знает о его настоящей жизни, он никому не расскажет о том, что противодействовал новой власти. Если когда-либо проговорится <букв. ‘рот-его развяжется’> — умрет’.

Довольно часто компонент *кызыл* ‘красный’ в составе вышеуказанных ФЕ опускается: *тынын ал* = (үс=), *тынын кый* =, *тынына жет* = ‘убить кого-либо’ [Чумакаев 2005: 270—272].

При интерпретации семантики вышеуказанных ФЕ, характеризующих смерть человека, нельзя обойти вниманием факт использования речевой стратегии эвфемизации — желания избежать прямого именованя тех или иных явлений (в данном случае прямого именованя смерти человека). Общеизвестно, что слова со значениями ‘смерть’ и ‘умереть’ в народе часто были табуированными, их старались избегать [Черданцева 1988: 83]. Функцию табу, присущую отдельным фразеологизмам русского языка, М. Л. Ковшова связывает с древним запретом на именованя чего-либо сакрального [Ковшова 2012: 351].

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что физиологические состояния человека в алтайской фразеологии соотносятся с определенными анатомическими органами и частями тела, являющимися локализаторами ощущений, а также с растениями и другими реалиями окружающего мира.

Образность ФЕ строится в основном на гиперболизированном описании физиологических ощущений. Так, имманентным свойством желудка во ФЕ является его способность «чернеть» (или «желтеть») в состоянии голода, для печени характерна способность «иссякать» в состоянии усталости и т. д.

Важную роль в образовании ФЕ, характеризующих физиологическое состояние человека, играют цветообозначения *кара* ‘черный’ и *кызыл* ‘красный’. Во ФЕ они обозначают реальный признак цвета, воспринимаемый зрением, выступают в качестве интенсификаторов, выражают различные коннотации. Например, ФЕ с компонентом *кара* тяготеют к отрицательному полюсу оценочности, что непосредственно связано с негативной символикой черного цвета.

Вместе с тем отмечается некоторое тождество между ФЕ с компонентом *кара* ‘черный’ и ФЕ с компонентом *кызыл* ‘красный’, описывающими смерть человека. Различие между ними состоит в том, что в первом случае смерть человека связана с потерей черной головы, во втором — с прерыванием жизненной силы в виде красной волосинки в области аорты.

Многие обнаруженные в ходе исследования сходства в представлениях алтайцев, тувинцев, хакасов и монголов об анатомической карте человека свидетельствуют о том, что в историческом прошлом эти народы имели тесные языковые контакты и входили в единое этнокультурное пространство.

В количественном отношении в алтайском языке среди исследуемых ФЕ обнаружено 19 фразеологизмов с цветовым компонентом *кара* ‘черный’ и 12 фразеологизмов с цветовым компонентом *кызыл* ‘красный’, о чем свидетельствует приведенная ниже обобщающая таблица.

Алтайские фразеологические единицы, характеризующие физиологическое состояние человека, с цветовыми компонентами *кара* ‘черный’ и *кызыл* ‘красный’

физиологические состояния	ФЕ с компонентом <i>кара</i>	ФЕ с компонентом <i>кызыл</i>
собственно человек	1	1
состояние жизни		1
инстинкт самосохранения		1
состояние риска		1
состояние смерти	7	5
крепкое здоровье		1
слабое здоровье		2
состояние опьянения	1	
состояние голода	1	
состояние усталости	1	
состояние истощенности	1	
состояние потоотделения	1	
аномальное состояние, вызванное потусторонними силами	6	
<i>Всего:</i>	19	12

Сокращения

Языки

аз. — азербайджанский
алт. — алтайский
каз. — казахский

ккалп. — каракалпакский
монг. — монгольский
тув. — тувинский

тур. — турецкий
хак. — хакасский

Текстовые источники

АА, УБТ — *Адаров А.* Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.

АБ, 10 — Алтай баатырлар. Т. 10. Горно-Алтайск, 1980.

АЧ 1998 — Алтайдын Чолмоны: Республиканская массовая газета. Горно-Алтайск, 1998 // <http://cholmony.ru/>.

- АЖ — Муйтуева В. А., Чочкина М. П. Алтай жаң (Биленин бичиги). Горно-Алтайск, 1996.
 БУ, СӨ — Укачин Б. Сүүш ле оштөжү. Горно-Алтайск, 1981.
 БУ, ЭТ — Укачин Б. Ээлү туулар. Горно-Алтайск, 1971.
 КТ, КЖ — Төлөсов К. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1985.
 КТ, Т — Төлөсов К. Таныбаган. Горно-Алтайск, 1980.
 КТ, ТДК — Төлөсов К. Турналар деген кожонгым. Горно-Алтайск, 1981.
 СМ, ЧЧ — Манитов С. Чалдыкпас чечектер. Горно-Алтайск, 1982.
 СС, Э — Сартакова С. Эрјине. Горно-Алтайск, 1995.
 ШЯ, ÖТ — Ялатов Ш. Öйлөрдin түбинен. Горно-Алтайск, 1993.
 ЭТ, К — Тоюшев Э. Кечүлер. Горно-Алтайск, 1978.
 ЭЯ, ÖТ — Яимов Э. Öйлөрдin түбинен. Горно-Алтайск, 1993.
 ЖК, КТ — Каинчин Ж. Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.
 ЖК, ОЖ — Каинчин Ж. Ол жаратган. Горно-Алтайск, 1980.
 ЖК, ЭÖАП — Каинчин Ж. Эмдиги öйдin алтай повестьтери. Горно-Алтайск, 1989.
 JM, JJ — Маскина Ж. Jүрүмнин журуктары. Горно-Алтайск, 2002.

И н ф о р м а н т ы

- ТКТ — Тижинова Клара Тодошевна; 1943 г. р.; Республика Алтай, Усть-Коксинский район, с. Сугаш
 ШМВ — Шукаева Валентина Михайловна; 1949 г. р.; Республика Алтай, г. Горно-Алтайск

О б щ и е

букв. — буквально

перен. — переносное значение

разг. — разговорное

ФЕ — фразеологическая единица

Л и т е р а т у р а

- Анохин 1994 — Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. 2-е изд. Горно-Алтайск, 1994. {Anoxin A. V. Materialy po šamanstvu u altajcev. 2-e izd. Gorno-Altajsk, 1994.}
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, 1. С. 37—67. {Apres'an Ju. D. Obraz čeloveka po dannym jazyka: Popytka sistemnogo opisanija // Voprosy jazykoznanija. 1995, 1. S. 37—67.}
- Аркадьев 2002 — Аркадьев П. М. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. Т. 6. №1. М., 2002. С. 53—81. {Arkad'ev P. M. Poliseimija nazvanij golovy v slav'anskix i germanskix jazyках v tipologičeskom i istoričeskom aspekte // Moskovskij lingvističeskij žurnal. T. 6. №1. M., 2002. S. 53—81.}
- Аркадьев, Крейдлин 2011 — Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Сборник научных работ к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 41—53. {Arkad'ev P. M., Krejdlin G. E. Časti tela i ix funkcii (po dannym russkogo jazyka i russkogo jazyka tela) // Sbornik naučnyx работ k 80-letiju Ju. D. Apres'ana. M., 2011. S. 41—53.}
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1—4 / Отв. ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2001—2002. {Bol'šoj akademičeskij mongol'sko-russkij slovar'. T. 1—4 / Otv. red. P'urbееv G. C. M., 2001—2002.}
- Баскаков 1973 — Баскаков Н. А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) // Советская этнография. 1973, 5. С. 108—113. {Baskakov N. A. Duša v drevnix verovanijax t'urkov Altaja (terminy, ix značenie i etimologija) // Sovetskaja etnografija. 1973, 5. S. 108—113.}
- Бахилина 1975 — Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. {Baxilina N. B. Istorija svetooboznačenij v russkom jazyke. M., 1975.}
- Баярсайхан 1996 — Баярсайхан Ё. Цветовые обозначения и цветовая символика // 90 лет Н. А. Баскакову. Studia philologica РАН ИЯ. М., 1996. С. 55—59. {Bajarsajhan Jo. Cvetovye oboznačeniya i cvetovaja simbolika // 90 let N. A. Baskakovu. Studia philologica РАН ИЯ. М., 1996. S. 55—59.}
- Бородина, Гак 1979 — Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979. {Borodina M. A., Gak V. G. K tipologii i metodike istoriko-semantičeskix issledovanij (na materiale leksiki francuzskogo jazyka). L., 1979.}
- Бутанаев, Монгуш 2005 — Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005. {Butanaev V. Ja., Monguš Č. V. Arhaičeskie obyčai i obr'ady sajanских t'urkov. Abakan, 2005.}
- Василевич 2003 — Василевич А. П. Языковая картина мира цвета: Методы исследования и прикладные аспекты. Дисс. в виде науч. доклада на соиск. уч. степ. ... докт. филол. наук. М., 2003. {Vasilevič A. P. Jazykovaja kartina mira

cveta: Metody issledovanija i prikladnye aspekty. Diss. v vide nauč. doklada na soisk. uč. step. ... dokt. filol. nauk. M., 2003.}

Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия: Язык. Культура. Познание. М., 1996. {*Vežbickaja A. Oboznačenija cveta i universalii zritel'nogo vosprijatija: Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1996.*}

Вербицкий 1993 — Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. {*Verbickij V. I. Altajskie inorodcy. Gorno-Altajsk, 1993.*}

Добродомов 1986 — Добродомов И. Г. Держать в черном теле // Русская речь. 1986, 1. С. 146. {*Dobrodomov I. G. Deržat' v černom tele // Russkaja reč'. 1986, 1. S. 146.*}

Дыбо и др. 2002 — Дыбо А. В., Михайлова Т. А., Норманская Ю. В. Цветообозначения в кельтских языках // Вестник Российского государственного гуманитарного университета (Московский лингвистический журнал). 2002, 6/1. С. 7—53. {*Dybo A. V., Mixajlova T. A., Normanskaja Ju. V. Cvetoooboznačenija v kel'tskix jazykax // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta (Moskovskij lingvističeskij žurnal). 2002, 6/1. S. 7—53.*}

Енчинов 2009 — Енчинов Э. В. Похороны и наследство в обычном праве алтайцев // Исторический вестник: Сборник научных трудов. Вып. 3 / Ред. Пустогачева Т. С., Анкудинова Т. В. Горно-Алтайск, 2009. С. 39—44. {*Enčinov E. V. Poxorony i nasledstvo v obyčnom prave altajcev // Istoričeskij vestnik: Sbornik naučnyx trudov. Vyp. 3 / Red. Pustogačeva T. S., Ankudinova T. V. Gorno-Altajsk, 2009. S. 39—44.*}

Ковшова 2012 — Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М., 2012. {*Kovšova M. L. Lingvokul'turologičeskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. M., 2012.*}

Козеренко, Крейдлин 2011 — Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотические концептуализации тела // Вопросы языкознания. 2011, 6. С. 54—66. {*Kozerenko A. D., Krejdlin G. E. Frazeologičeskie somatizmy i semiotičeskie konceptualizacii tela // Voprosy jazykoznanija. 2011, 6. S. 54—66.*}

Кононов 1978 — Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник — 1975. М., 1978. С. 158—179. {*Kononov A. N. Semantika cvetoooboznačenij v t'urkskix jazykax // T'urkologičeskij sbornik — 1975. M., 1978. S. 158—179.*}

Кормушин 1997 — Кормушин И. В. Цветообозначения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 1997. С. 592—608. {*Kormušin I. V. Cvetoooboznačenija // Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Otv. red. Tenišev E. R. M., 1997. S. 592—608.*}

Кузьменков 1988 — Кузьменков Е. А. К этимологии монгольских цветовых обозначений // Тюркология — 88. Фрунзе, 1988. С. 126—127. {*Kuz'menkov E. A. K etimologii mongol'skix cvetovyx oboznačenij // T'urkologija — 88. Frunze, 1988. S. 126—127.*}

Кульпина 2001 — Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М., 2001. {*Kul'pina V. G. Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i russkom jazykax. M., 2001.*}

Лебедева 1992 — Лебедева Е. А. Семантика чувашских цветовых обозначений в культурно-историческом аспекте // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х тт. Т. 1. Казань, 1992. С. 115—117. {*Lebedeva E. A. Semantika čuvašskix cvetovyx oboznačenij v kul'turno-istoričeskom aspekte // Jazyki, duhovnaja kul'tura i istorija t'urkov: Tradicii i sovremennost'. Trudy meždunarodnoj konferencii v 3-x tt. T. 1. Kazan', 1992. S. 115—117.*}

Майзина 2008 — Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008. {*Majzina A. N. Semantičeskoe pole cvetoooboznačenij v altajskom jazyke (v sopostavlenii s mongol'skim jazykom). Gorno-Altajsk, 2008.*}

Молчанова 1986 — Молчанова О. Т. Желтые цвета в алтайском ономастиконе // Тюркология — 1986. Л., 1986. С. 192—201. {*Molčanova O. T. Želtje cveta v altajskom onomastikone // T'urkologija — 1986. L., 1986. S. 192—201.*}

Николина 2006 — Николина Е. В. Отражение наивной анатомической карты человека во фразеологизмах тюркских языков Сибири, в казахском и киргизском языках // Тюркские языки: Проблемы и исследования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. А. Баскакова (Горно-Алтайск, 15—18 июня 2005 г.). Горно-Алтайск, 2006. С. 136—144. {*Nikolina E. V. Otráženie naivnoj anatomičeskoj karty čeloveka vo frazeologizmax t'urkskix jazykov Sibiri, v kazaxskom i kirgizskom jazykax // T'urkskie jazyki: Problemy i issledovanija. Sbornik materialov Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii, posv'aščennoj 100-letiju so dn'a roždenija N. A. Baskakova (Gorno-Altajsk, 15—18 ijun'a 2005 g.). Gorno-Altajsk, 2006. S. 136—144.*}

Норманская 2005 — Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. {*Normanskaja Ju. V. Genezis i razvitie sistem cvetoooboznačenij v drevnix indoevropskix jazykax. M., 2005.*}

ОРС — Ойротско-русский словарь / Сост. Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Горно-Алтайск, 2006. {*Ojrotsko-russkij slovar' / Sost. Baskakov N. A., Toščakova T. M. Gorno-Altajsk, 2006.*}

Плунгян 1991 — Плунгян В. А. К описанию африканской «наивной» картины мира // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 155—160. {*Plung'an V. A. K opisaniu afrikanskoj "naivnoj" kartiny mira // Logičeskij analiz jazyka: Kul'turnye koncepty. M., 1991. S. 155—160.*}

- Потапов 1991 — *Потанов Л. П.* Вера в двойника // *Потанов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 27—63. {*Potapov L. P.* Vera v dvojnika // *Potapov L. P.* Altajskij šamanizm. L., 1991. S. 27—63.}
- Пюрбеев 1972 — *Пюрбеев Г. Ц.* Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972. {*Purbeev G. C.* Glagol'naja frazeologija mongol'skix jazykov. M., 1972.}
- Субракова 2005 — *Субракова О. В.* Система цветообозначений в хакасском языке // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. 9. Абакан, 2005. С. 36—38. {*Subrakova O. V.* Sistema cve-tooboznačenij v xakasskom jazyke // Ežegodnik Instituta sajano-altajskoj t'urkologii XGU im. N. F. Katanova. Vyp. 9. Abakan, 2005. S. 36—38.}
- Татаринцев 1987 — *Татаринцев И. Б.* Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. {*Tatarincev I. B.* Smyslovyje sv'azi i otnošenija slov v tuvinskom jazyke. M., 1987.}
- Толубаев 1985 — *Толубаев М. А.* Некоторые особенности названия мастей животных в киргизском и алтайском языках // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1985. С. 56—61. {*Tolubaev M. A.* Nekotoryje osobennosti nazvanija mastej životnyx v kirgizskom i altajskom jazykax // T'urkologičeskie issledovanija. Frunze, 1985. S. 56—61.}
- Традиционное мировоззрение 1989 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989. {*L'vova E. L., Okt'abr'skaja I. V., Sagalajev A. M., Usmanova M. S.* Tradicionnoje mirovozzrenie t'urkov Južnoj Sibiri: Čelovek. Obščestvo. Novosibirsk, 1989.}
- Тыбыкова 1980 — *Тыбыкова А. Т.* Некоторые вопросы фразеологии алтайского языка // Языкознание: Тезисы докладов и сообщений III Тюркологической конференции. Ташкент, 1980. С. 205—210. {*Tybykova A. T.* Nekotoryje voprosy frazeologii altajskogo jazyka // Jazykoznanie: Tezisy dokladov i soobščenij III T'urkologičeskoj konferencii. Taškent, 1980. S. 205—210.}
- Тыбыкова, Кыйынова 2001 — *Тыбыкова А. Т., Кыйынова М. Ю.* К проблеме фразеологизмов в алтайском языке // Алтайская филология. Горно-Алтайск, 2001. С. 144—157. {*Tybykova A. T., Kujynova M. Ju.* K probleme frazeologizmov v altajskom jazyke // Altajskaja filologija. Gorno-Altajsk, 2001. S. 144—157.}
- Тюнтешева 2006 — *Тюнтешева Е. В.* Человек и его мир в зеркале фразеологии. Новосибирск, 2006. {*Tunteševa E. V.* Čelovek i ego mir v zerkale frazeologii. Novosibirsk, 2006.}
- Тюхтенева 2006 — *Тюхтенева С. П.* Земля моего сновидения // Этнографическое обозрение. 2006, 6. С. 31—37. {*Tuxteneva S. P.* Zeml'a moego snovidenija // Etnografičeskoe obozrenie. 2006, 6. S. 31—37.}
- Федорова 1980 — *Федорова К. И.* Названия масти лошадей в якутском языке // Полярная звезда. 1980, 3. С. 123. {*Fedorova K. I.* Nazvanija masti lošadej v jakutskom jazyke // Pol'arnaja zvezda. 1980, 3. S. 123.}
- Фрумкина 1984 — *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984. {*Frumkina R. M.* Cvet, smysl, sxdostvo: Aspekty psixolingvističeskogo analiza. M., 1984.}
- Функ 2003 — *Функ Д. А.* Молочно-белые кони в героическом эпосе таежных охотников, рыболовов и собирателей // Этнографическое обозрение. 2003, 3. С. 53—60. {*Funk D. A.* Moločno-belye koni v geroičeskom epose taežnyx ohotnikov, rybolovov i sobiratelej // Etnografičeskoe obozrenie. 2003, 3. S. 53—60.}
- Хертек 1978 — *Хертек Я. Ш.* Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978. {*Xertek Ja. Š.* Frazeologija sovremennogo tuvinskogo jazyka. Kyzyl, 1978.}
- Хертек 2012 — *Хертек Л. К.* Семиотические репрезентации концептосферы цвета в традиционной культуре тувинцев // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: Язык, этническая история и фольклор (К 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева). Материалы Международной научной конференции (Кызыл, 20—23 мая 2012 г.). Абакан, 2012. С. 249—255. {*Xertek L. K.* Semiotičeskie reprezentacii konceptosfery cveta v tradicionnoj kul'ture tuvincev // T'urko-mongol'skie narody Central'noj Azii: Jazyk, etničeskaja istorija i fol'klor (K 100-letiju so dn'a roždenija V. M. Nadel'aeva). Materialy Meždunarodnoj naučnoj konferencii (Kyzyl, 20—23 maja 2012 g.). Abakan, 2012. S. 249—255.}
- Хисамитдинова 2005 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Названия мастей мифологизированных животных в башкирском языке // Материалы II Всероссийской конференции «Урал-Алтай: Через века в будущее». Уфа, 2005. С. 115—118. {*Xisamitdinova F. G.* Nazvanija mastej mifologizirovannyx životnyx v baškirskom jazyke // Materialy II Vserossijskoj konferencii "Ural-Altaj: Čerez veka v buduščee". Ufa, 2005. S. 115—118.}
- ХРС — Хакасско-русский словарь (= Хакас-орыс сөстiк) / Под общ. ред. *Субраковой О. В.* Новосибирск, 2006. {*Xakassko-russkij slovar' (= Xakas-orys söstik)* / Pod obšč. red. *Subrakovoj O. V.* Novosibirsk, 2006.}
- Черданцева 1988 — *Черданцева Т. З.* Внутренняя форма идиом и национально-культурная специфика их мотивированности (сопоставительный аспект описания) // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. М., 1988. С. 80—87. {*Čerdanceva T. Z.* Vnutrenn'aja forma idiom i nacional'no-kul'turnaja specifika ix motivirovannosti (sopostavitel'nyj aspekt opisanija) // Leksikografičeskaja razrabotka frazeologizmov dl'a slovaraj različnyx tipov i dl'a Mašinnogo fonda russkogo jazyka. Materialy k metodičeskoj škole-seminaru. M., 1988. S. 80—87.}
- Чернова, Дыдыянова 1998 — *Чернова А. А., Дыдыянова С. Г.* Сопоставительный анализ русских и алтайских фразеологизмов с соматическим компонентом «глаз» (*кӧс*) // Как слово наше отзовется... Сборник статей, посвя-

щенный 100-летию со дня рождения известного алтайского писателя и фольклориста П. В. Кучияка. Горно-Алтайск, 1998. С. 72—77. {*Černova A. A., Dudyjanova S. G. Sopostavitel'nyj analiz russkix i altajskix frazeologizmov s somatičeskom komponentom "glaz" (kös) // Kak slovo naše otzovets'a... Sbornik statej, posv'aščennyj 100-letiju so dn'a roždenija izvestnogo altajskogo pisatel'a i fol'klorista P. V. Kučijaka. Gorno-Altajsk, 1998. S. 72—77.*}

Чернова, Чумакаева 1996 — *Чернова А. А., Чумакаева М. Ч. Сопоставительный анализ русских и алтайских фразеологизмов со значением 'умереть' // Горный Алтай и Россия 240 лет. Языки народов Горного Алтая и сопредельных территорий: Литература и фольклор. Горно-Алтайск, 1996. С. 9—12. {Černova A. A., Čumakaeva M. Č. Sopostavitel'nyj analiz russkix i altajskix frazeologizmov so značeniem 'umeret' // Gornyj Altaj i Rossiya 240 let. Jazyki narodov Gornogo Altaja i sopredel'nyx territorij: Literatura i fol'klor. Gorno-Altajsk, 1996. S. 9—12.*}

Чумакаев 1998 — *Чумакаев А. Э. Алтайские и русские фразеологизмы со значением качественной оценки лица // Как слово наше отзовется... Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения известного алтайского писателя и фольклориста П. В. Кучияка. Горно-Алтайск, 1998. С. 78—83. {Čumakaev A. E. Altajskie i russkie frazeologizmy so značeniem kačestvennoj ocenki lica // Kak slovo naše otzovets'a... Sbornik statej, posv'aščennyj 100-letiju so dn'a roždenija izvestnogo altajskogo pisatel'a i fol'klorista P. V. Kučijaka. Gorno-Altajsk, 1998. S. 78—83.*}

Чумакаев 2005 — *Чумакаев А. Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. Горно-Алтайск, 2005. {Čumakaev A. E. Altajsko-russkij frazeologičeskij slovar'. Gorno-Altajsk, 2005.*}

Чумакаев 2006 — *Чумакаев А. Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским. Новосибирск, 2006. {Čumakaev A. E. Frazeologičeskie edincy so značeniem kačestvennoj charakteristiki i sostojanija lica v altajskom jazyke v sopostavlenii s russkim. Novosibirsk, 2006.*}

Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P. Basic Colour Terms: their Universality and Evolution. Berkeley, 1969.*

Doerfer 1967 — *Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. B. III. Wiesbaden, 1967.*

Doerfer 1995 — *Doerfer G. Türkische Farbbezeichnungen und Pferde Zucht // Central Asiatic Journal. 1995, 39. S. 208—227.*

Ishakova 2007 — *Ishakova G. About the namings of horse colours in the Altaic languages // Kazan and the Altaic world. 50th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC) (Kazan, July 1—6, 2007): Articles and texts / Ed. Nigmatov Z. Kazan, 2007. S. 89—91.*

Laude-Cirtautas 1961 — *Laude-Cirtautas I. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in Türkdialekten. Wiesbaden, 1961.*

Tıdıkova 2004 — *Tıdıkova N. Tuz ve Türevlerinin Altaycadaki Anlamları // Tuz Kitabı. Editörler: Emine Gürsoy Naskalı Mesut Şen. İstanbul, 2004. S. 58—61.*

Zalewska 2003 — *Zalewska M. Different approaches to colour study // Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 161—172.*

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена исследованию фразеологических единиц, характеризующих физиологическое состояние человека, с цветовыми компонентами *кара* 'черный' и *кызыл* 'красный' в алтайском языке с позиций лингвокультурологического подхода. В работе анализируется конституирующая роль цветообозначений в репрезентации тех или иных функциональных ощущений и состояний человека.

SUMMARY

The article deals with the study of phraseological units containing colour names *kara* 'black' and *kyzyl* 'red' and characterizing physiological state of a person in the Altai language according to the linguistic and culturological approaches. The article gives the analysis of a constituent role of colour naming when representing various human functional senses and states.

Ключевые слова: алтайский язык, цветообозначения, лингвокультурология, концепт, фразеологическая единица

Keywords: the Altai language, colour naming, linguoculturology, concept, phraseological unit

К истории селькупской семьи Сычиных

В XIX—XX вв. представители семьи Сычиных вызвали интерес у исследователей, прежде всего тем, что они являлись носителями среднеобского (иванкинского) диалекта селькупского языка. Во второй половине XX в. от представителей этой фамилии: Ильи Кузьмича Сычина (1914 г. р.) и его жены Елизаветы Варламовны Сычиной (1923 г. р.), а также от Валентины Романовны Сычиной (1901 г. р.), Марии Степановны Сычиной (1914 г. р.) и Устиньи Фирсовны Сычиной (1915 г. р.) — лингвистами была записана бóльшая по объему часть материала по этому диалекту¹, т. е. специфика речи именно этих информантов предоставила языковедам важные данные для выявления основных маркеров среднеобского диалекта. В XIX в. с информантами Сычиными в с. Иванкино² работал также венгерский исследователь К. Папай, который в 1889 г. записал четыре фольклорных текста от Даниила Семеновича Сычина, Митифона Сычина и Андрея Прокофьевича Сычина [Надь 2012: 202]. Эти записи подтверждают, что селькупы Сычины, проживавшие в с. Иванкино, действительно являлись носителями шёшкупского диалекта³.

Однако никогда ранее это семейное сообщество не было объектом специального исследования историков и этнографов, изучающих культурную специфику и этносоциальную историю локальных групп селькупов. В связи с этим целью данной работы является введение новых архивных данных (из метрических и похозяйственных книг), а также сведений по истории семьи Сычиных, полученных в результате полевых сборов автора в 2012 г. среди жителей с. Инкино и с. Иванкино Колпашевского района Томской области. Эти материалы позволят реконструировать основные вехи этносоциальной истории не только отдельной семьи, но и всей диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби.

Следует отметить, что исследовательские опыты по восстановлению истории селькупских семей уже предпринимались. Например, А. Ф. Плотниковым была собрана и опубликована в историко-статистическом очерке «Нарымский край» (1901 г.) информация о целом ряде селькупских фамилий — Ижучкины, Иткумовы, Иткуповы, Кайдаловы и др.; в данной работе есть в том числе и небольшой фрагмент о Сычиных [Плотников 1901: 151]. Существуют также работы Н. В. Торощиной и И. В. Черновой по исследованию семейной истории селькупов с составлением родословных: «К истории шаманской семьи Карлыгиных» [Чернова, Торощина 2008], «К истории тымских селькупов Арнягиных» [Чернова, Торощина 2010]. Однако исследовательских работ, посвященных непосредственно семье Сычиных, пока не было.

Традиционное место проживания семьи Сычиных — юрты Иванкины, входившие в Пиковскую инородческую волость. Материалы Ю. Б. Симченко в качестве князев Пиковской волости упоминают Сонгура (подписавшего документы своей тамгой в 1634, 1635 и 1640 гг.) и Санчу (поставившего свои тамги на документах в 1644, 1646, 1647 и 1655 гг.) [Симченко 1965: 123—141]. Однако нет однозначной ясности в вопросе преемственности фамилии Сычин от имен князев XVII в. (*Сыча* или *Сича* / *Сиджа*, русифицированное — *Сидза*).

Возможно, что в распоряжении исследователей есть и более раннее упоминание о Сычиных, которое относится к первой трети XVII в. В материалах, извлеченных из документов Сибирского приказа и опубликованных С. М. Малиновской, в списках имен и фамилий Питкиной (Питкинской) волости Кет-

¹ В 1967—1968 гг. с Ильей Кузьмичем Сычиным (1914 г. р.) и его женой Елизаветой Варламовной Сычиной (1923 г. р.) работала А. И. Кузьмина [Тучкова, Хелимский 2010: 51—53]; позднее (в 1971, 1973, 1980, 1981, 1995—1998 гг.) с Е. В. Сычиной работали А. А. Ким, Э. Г. Беккер, Н. С. Жукова, Н. П. Максимова, В. В. Быконя, а также Т. К. Кудряшова по вопросам А. А. Ким (см.: Архив ЛЯНС ТГПУ, тт. 39—40, 51, 55, 58 [Каталог 1998]). В 1962 г. с Валентиной Романовной Сычиной (1901 г. р.) работала Э. Г. Беккер (запись материалов см.: Архив ЛЯНС ТГПУ, т. 10 [Каталог 1998]). В 1967 г. с Марией Степановной Сычиной (1914 г. р.) работала А. И. Кузьмина [Тучкова, Хелимский 2010: 51], а в 1980—1981 гг. — исследователи А. А. Ким, Н. П. Максимова и В. В. Быконя (см.: Архив ЛЯНС ТГПУ, тт. 55, 58 [Каталог 1998]). В 1967 г. с Устиньей Фирсовной Сычиной (1915 г. р.) работала А. И. Кузьмина [Тучкова, Хелимский 2010: 50].

² В настоящее время с. Иванкино относится к Колпашевскому району Томской области.

³ Определения «иванкинский» и «шёшкупский» используются здесь применительно к одному и тому же диалекту: название «шёшкупский диалект» происходит от самоназвания носителей (шёшкупов); этот диалект называют также «иванкинским», т. к. во второй половине XX в. он был распространен в с. Иванкино. Подробнее об этом см.: [Тучкова 2011: 4; Глушков и др. 2011: 49—54].

ского острога за 1629 г. упомянут Сычела Мансуров⁴ [Ясачная книга 1629: 497 об.]. Однако следует отметить, что Питкинская и Пиковская волости отстоят друг от друга на значительном расстоянии: Питкинская — на среднем течении р. Кети (включая устье р. Орловки), Пиковская — на Оби. Кроме того, в дальнейшем Сычины в Питкинской волости больше никогда не упоминались. Таким образом, вопрос о происхождении фамилии Сычин довольно противоречив и требует специальных (в том числе и лингвистических) исследований.

Относительно истории этой семьи в конце XVII — начале XVIII в. мы имеем следующие данные, собранные А. Ф. Плотниковым для потомков. Он пишет, что «в первой половине XVII столетия инородцами Пиковской волости управлял князец Сидза Иванка, бывший язычником, но первым принявший крещение в начале 1700 г. (1700—1710) вместе со своим семейством, состоявшим из сыновей Опука и Иванка; при св(ятом) крещении эти язычники были названы: Сидза — Иваном, Опук — Ефимом и Иванко — Иваном. Народ волости, по примеру своего правителя, также принял крещение, за что все семейство Сидзи Ивана получило благодарность государя и благословение митрополита. После крещения Сидза с семейством принял фамилию Сычиных, из поколения которых в Иванкиных юртах есть шесть человек, считающихся восьмым коленом от Сидзи» [Плотников 1901: 151—152]⁵.

К истории этой семьи в XIX в. можно отнести краткое упоминание из книги Г. И. Пелих «Селькупы XVII века...»: «В некоторых случаях до нас доходят полулегендарные сведения. (...) Например, “остяки Сычины” оказываются хозяевами былых иванкинских земель. Раньше это была богатырская земля, т. е. *матарым*. Ее мифическим хозяином считается богатырь Пыкынбалк. Но в XIX веке неограниченными хозяевами большей части иванкинских земель стали селькупы Сычины» [Пелих 1981: 109]. Эти данные, хотя и носят характер легенды, подтверждают, что на иванкинской земле Сычины считались княжеским родом и исторически претендовали на управление этой территорией (причем не просто как правители юрт Иванкиных, а как управители всей территории Пиковской волости — «иванкинских земель»).

В архиве Колпашевского краеведческого музея сохранился материал, который был записан в 1999 г. Т. К. Кудряшовой (Иткумовой), родившейся в с. Иванкино (*Приложение 1*). По ее подсчетам, Опука Сидза к началу XX в. имел в Иванкино шесть прямых наследников, одним из которых был Илларион Сычин, служивший в то время приказчиком у купца Колесникова. Кроме материала по родословной в этом документе представлена собранная ею среди земляков устная информация о представителях этой семьи. В частности, Т. К. Кудряшова упоминает, что у Сычиных была «охранная царская грамота» на владение землями, которую иванкинцы видели «еще до Великой Отечественной войны», что подтверждает данные о высоком социальном статусе Сычиных среди односельчан.

В родословной, составленной Т. К. Кудряшовой, четко прослеживается линия Сычиных от предка Луки Алексеевича (1802—1872) до внука — Иллариона Стефановича, почти все потомки которого в настоящее время живут, работают и учатся в г. Колпашево или в с. Иванкино Томской области (*Приложение 2*).

Нами были собраны дополнительные данные об этой семье. На основе такого исторического источника, как метрические книги Инкинской церкви за 1870—1919 гг., было установлено, что в XIX в. население с фамилией Сычины действительно локализовалось в юртах Иванкиных (с. Иванкино) и почти не встречалось в других населенных пунктах прихода. Выявленные родственные связи между представителями этой фамилии позволяют объединить их в одну большую семью и построить родословную на период с 1870—1919 гг.

В Муниципальном казенном учреждении «Архив» Колпашевского района было выяснено, что самый ранний материал из метрических книг церковью Кетской волости Томского уезда датируется 1870 г. Также было выявлено, что регистрационные записи о бракосочетаниях, о родившихся и умерших среди диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби находятся в метрических книгах Инкинской церкви (с. Инкино) за 1870—1872 и 1874—1919 гг. [Метрические книги]. В метрических книгах за 1910—1919 гг. фамилия Сычины встречается редко, а записи за период 1901—1909 гг. вообще отсутствуют (т. е. на обложке метрической книги эти года указаны, а в самой книге данных по ним нет).

На основе собранного нами по метрическим книгам материала о семье Сычиных установлено следующее: в населенном пункте Иванкино в 1870-е гг. представителей с фамилией Сычины было зафиксировано 29 семей, в 1880-е гг. — 14 семей, в 1890-е гг. — 8 семей, с 1910—1919 гг. было записано 12 семей (*Приложения 3—5*).

Часто в метрических книгах можно встретить сведения о браках с однофамильцами: Георгий Алексеевич Сычин (1852 г. р.) вступает в брак с Анной Дмитриевной Сычиной (1855 г. р.), Кирилл Георгие-

⁴ С. М. Малиновская буквально переводит слово *Сичела* как «сердечко» (от *сичи* ‘сердце’; *-ла* — уменьшительный суффикс) [Малиновская 2007: 55].

⁵ Данная информация была заново опубликована в статье [Кудряшова и др. 2000].

вич Сычин — с Марией Семеновной Сычиной, Михаил Сычин — с Ириной Филипповной Сычиной. Этот факт говорит о том, что не все Сычины являлись друг другу близкими родственниками или родственниками вообще (точнее, они себя родственниками не воспринимали). Кроме того, нередко встречаются записи о повторных браках, а также о незаконнорожденных детях.

С помощью метрических книг (разделов об умерших) удалось восстановить некоторые данные и сделать предположения о родственных связях. На основании годов рождения и отчеств была сделана попытка установить родство между различными линиями шёшкупов с фамилией Сычины в период с 1870—1919 гг.: удалось частично обозначить родство 13 семей, остальные 8 семей не удалось связать с их предками по причине недостатка архивного материала.

Таким образом, исходя из составленных нами родословных, видно, что Илья Васильевич (1813—1874), Марк Васильевич (1820—1889) и Порфирий Васильевич (1823—1885) Сычины являются родными братьями. У Порфирия Васильевича Сычина был сын Миней Порфириевич Сычин (1843—1890), от которого пошли дети Лаврентий, Иван и Екатерина. У Лаврентия, по данным метрических записей, было четверо детей: Константин, Михаил, Феодора и Арсений; у Ивана — один ребенок (Мария).

В дополнение к родословной, составленной Т. К. Кудряшовой с помощью данных, собранных ею от Алексея Сычина, нами (на основе сведений из метрических книг) были продолжены линии братьев Луки Алексеича (*Приложение 2*). Удалось продолжить ветвь от Ивана Алексеича и Григория Алексеича Сычиных: у Ивана Алексеича и его жены Аксиини (Акулины) Архиповны было четверо детей, двое из них умерли в месячном возрасте (Александра †1871, Фаддей †1874, Яков †1877, Параскева †1879); у Григория Алексеича было трое детей (Александра †1870, Анна †1872, Герасим †1869).

Материалы родословных второй половины XIX в. позволяют однозначно считать этот период расцветом для семьи Сычиных, что доказывает приведенная статистика.

Для продолжения составленной родословной в Колпашевском архиве была проведена работа с похозяйственными книгами за 1949—1981 гг. (просмотрено 14 похозяйственных книг) [Похозяйственные книги]. В национальном поселении Иванкино удалось поработать с похозяйственными книгами за 2008—2012 гг. (просмотрено две книги) [Похозяйственные книги 2008—2012]. Исходя из полученных данных, родословная, составленная на основе метрических книг за 1879—1919 гг., была продолжена с помощью материалов из похозяйственных книг за период с 1949—2012 гг. Таким образом, были выявлены потомки Сычиных в XX в., но только те из них, кто проживал и продолжает проживать в с. Иванкино.

Так, удалось продолжить ветвь семьи Ивана Ильича (1874 г. р.) и Лепестины Илларионовны (1873 г. р.): их общим сыном можно считать Леонида Ивановича Сычина (1915 г. р.). У Леонида Ивановича и его жены Марии Дмитриевны (1916 г. р.) было трое детей: Алевтина Леонидовна (1936 г. р.), Петр Леонидович (1939 г. р.) и Леонид Леонидович (1943 г. р.). У Петра Леонидовича и его жены Алевтины Георгиевны (1939 г. р.) родились сын Станислав (1962 г. р.) и дочь Ольга (1965 г. р.). По данным последней переписи населения (за 2012 г.), Станислав Петрович Сычин до настоящего времени проживает в с. Иванкино.

Ветвь от Иллариона Стефановича (Степановича) и Дарьи Чудовой подробно расписана в родословной, составленной Т. К. Кудряшовой (*Приложение 2*). Родословную Т. К. Кудряшовой можно дополнить последними данными за 2012 г. На данный момент в с. Иванкино из потомков Николая Илларионовича остались Сергей Николаевич (1952 г. р.) с женой Валентиной Павловной (1960 г. р.) и двое их сыновей: Николай (1979 г. р.) с женой Ольгой Александровной (1981 г. р.) и сыном Данилой (2002 г. р.) и Юрий (1982 г. р.).

Вероятно, Илья Кузьмич Сычин (1914 г. р.) является сыном Косьмы (Кузьмы) Макарьева (1888 г. р.) и Вассы Германовны (1896 г. р.). В похозяйственной книге за 1952—1954 гг. Василиса⁶ Германовна Сычина (1888—1952) записана как мать Ильи Кузьмича. У Ильи Кузьмича и его жены Елизаветы Варламовны (1923 г. р.) было 11 детей: Петр (1947 г. р.), Флегонт (1949 г. р.), Матвей (1951 г. р.), Илья (1952 г. р.), Александра (1954 г. р.), Иван (1955 г. р.), Тимофей (1957 г. р.), Леонид (1958 г. р.), Анна (1960 г. р.), Владимир (1962 г. р.) и Андрей (1964 г. р.). На сегодняшний день из этой семьи в с. Иванкино проживают братья Андрей Ильич Сычин и Леонид Ильич Сычин с женой Екатериной Геннадьевной (1965 г. р.) и дочерью Елизаветой Леонидовной (1993 г. р.).

Предположительно, Устинья (Юстина) Фирсовна Сычина (1915 г. р.) является дочерью Фирса Петровича и Параскевы Петровны. Отметим, что относительно У. Ф. Сычиной в книгах присутствует небольшое расхождение в годах рождения: так, например, в метрической книге год ее рождения записан как 1917 г., в похозяйственной книге за 1952—1954 гг. — как 1915 г., а в похозяйственной книге за 1955—1957 гг. — как 1918 г.

В похозяйственных книгах за 1949—1981 гг. упоминаются Сычины Секлетины Агафоновна (1882 г. р.), Мария Ивановна (1887 г. р.), Капитолина Матвеевна (1916 г. р.), Зинаида Фатеевна (1893 г. р.), Ирина

⁶ Это же лицо упоминается в метрических книгах как Васса Германовна (1896 г. р.).

Алексеевна (1894 г. р.), Валентина Романовна (1901—1980), Мария Ильинична (1912 г. р.) и Василиса Михайловна (1914 г. р.). Все эти женщины записаны как главы семейств, без детей и мужей.

На современном этапе в с. Иванкино, по данным переписи населения за 2012 г., жителей с фамилией Сычины осталось 11 человек, тогда как всего в этом населенном пункте проживает 104 человека.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) выявленные материалы XVII в. не дают однозначных данных для связывания имен князцов Пиковской волости с фамилией Сычин, только сведения XVIII в., приведенные А. Ф. Плотниковым, дают основания для выделения родословной Сычиных от пиковского князя Сидзы;

2) разнообразные материалы (в том числе и данные «устной истории») подтверждают высокий социальный статус носителей селькупской фамилии Сычин среди местных жителей, Сычиных можно считать потомками князей Пиковской волости;

3) в XIX в. Сычины стали весьма многочисленным и разветвленным семейством, вторая половина XIX в. явилась периодом расцвета этой семьи, что доказывает приведенная выше статистика. На территории Пиковской волости в тот период семейство Сычиных стало фактически основой местного населения, т. е. именно их представители были отмечены как селькупы (с вариантом этнонима «шёшкуп» или «шёшкун») и носители специфических языковых черт, выделенных лингвистами как особый среднеобской диалект.

Приложение 1.

Сычины с. Иванкино. Семейная ветвь от Луки Алексеевича (запись Т. К. Кудряшовой)

«28 апреля 1999 г.

Иванкино когда-то было большим, стоящим на тракте (зимой) селом. Летом же через это село, через протоку Пурьянгу, шел водный путь на Кеть из реки Чаи. Проход из Чаи в Кеть здесь был более удобен, чем через Тогур, т. к. не нужно было подниматься вверх по Оби, что на веслах трудновато.

В прошлом, в 1998 году упало в Обь последнее место старого поселения, это возможно было кузницей. Здесь же есть выход белых глин, а село стояло над уловом, самым глубоким местом средней Оби. Много здесь, конечно, ритуальных мест. Поселения эти жители с. Киярова называют Пиль Этт (Пиледы), Колделлак (Ижучкина А. Ф., 1905—1995 гг.), Пуроб Этт (Сычина М. С., 1914—1987 гг.). Старые жители называли это место Этт. Все это на устье Пурьянги при ее впадении в Обь. Само же село Иванкино имело наименование Пургэтт (Езенгина Л. С., 1871—1947 гг.), юрта (ёрта) Сидза (Судза), юрты Иванкины. Юрта Сидза была еще и на поселении Ташунде.

На острове, около озера Кудья было поселение К. М. Сычина. На р. Чаршина недалеко от озера Варгт-то было поселение Чаршиных. [Также] было хорошее поселение около озера Кастя, около Кривого озера. Принадлежность этих поселений я еще не выяснила, все они располагались недалеко друг от друга, в 2—3, иногда 5 км. Вероятно, это границы старых рыболовных угодий. Охотничьи угодья распределялись по-другому. «Сычинское гнездо» (Сычина Р. И., 1915—?). Их в этом селе, конечно, больше других. Позднее стали встречаться и другие.

К началу XX века в селе наиболее распространенными фамилиями были Сычины, Кияровы, затем Тобольжины, Иткуповы, Ижучкины, Иткумовы, Сагандуковы, Тузаковы, Тайзаковы и др. Распространенная фамилия Иванкины очень редко встречалась. К 1917 году они переселяются в Каргасокский район, хотя, по преданию, их князю Ванге село обязано своим именем. Все это только предания изустные, документы могут сказать другое.

По книге Г. И. Пелих «Селькупы XVII века», к XIX веку все земли в Иванкино принадлежали Сычиным. Была у них еще до Великой Отечественной войны хранящаяся, охраняемая царская грамота на владение землями. Сейчас эта грамота утрачена.

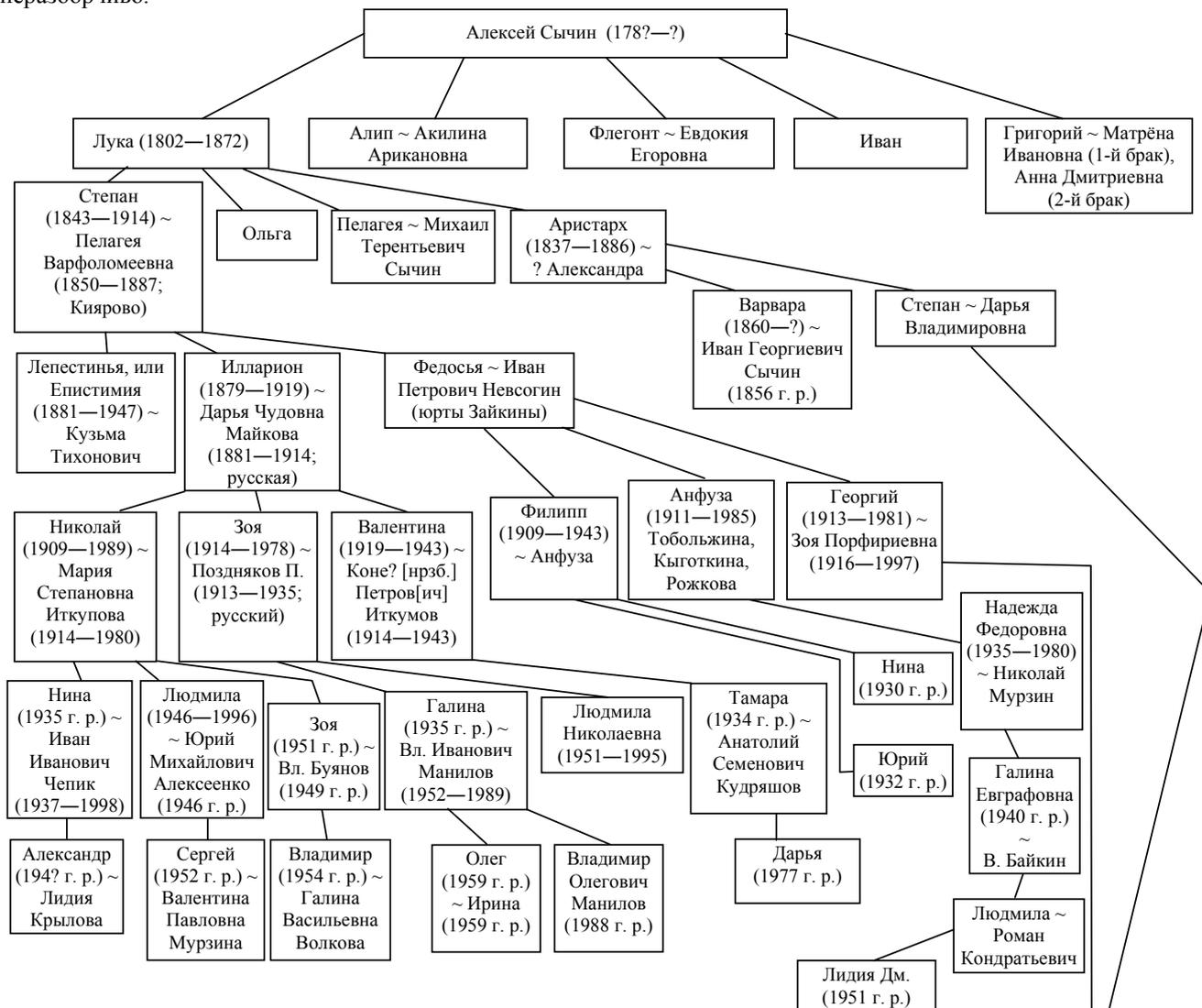
Опука Сидза к началу XX века имел в Иванкино шесть прямых наследников, одним из них был Сычин Илларион, служивший в то время приказчиком у купца Колесникова. [Он] основал в Иванкино в 1909—1911 гг. общество «Обской остяк», положив в его экономическую основу имущество семьи и своей сестры Езенгиной Л. С., погиб коммунистом в 1919 г. Дети его закончили рабфак, работали, вырастили детей, учились, учатся, работают, служат в армии.

При создании национального Иванкинского сельского совета председателем была Позднякова Л. Н. (внучка Ил. Ст.⁷), после ее смерти председателем в 1995 г. избран его внук С. Н. Сычин. Почти все его внуки и правнуки живут, работают и учатся в Колпашево или Иванкино» [Кудряшова 1999].

⁷ Т. е. внучка Иллариона Стефановича (прим. — Н. П.).

Приложение 2

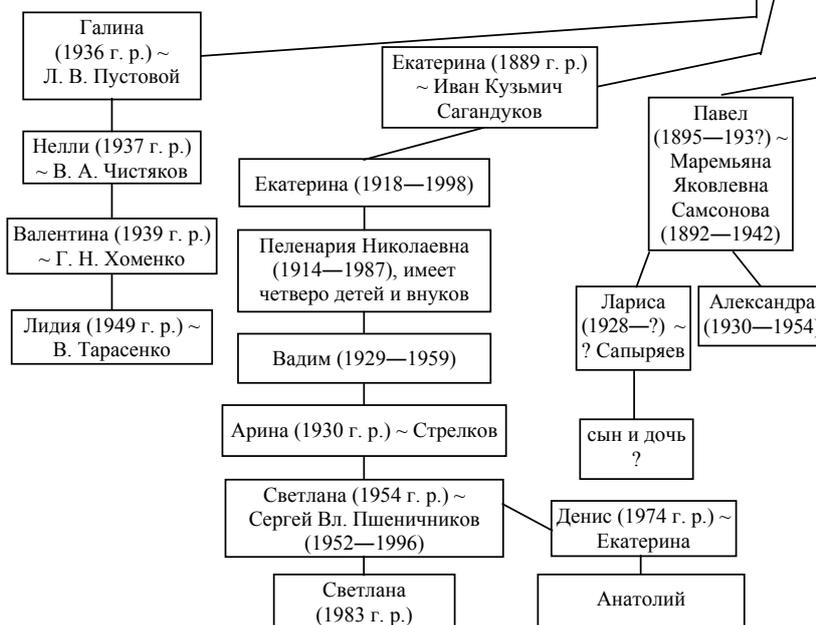
В *Приложении 2* сохранены стилистические особенности и орфография первоисточника. Здесь и далее символ ~ обозначает брачные отношения; в квадратные скобки заключены пояснения и дополнения автора статьи; [нрзб.] — неразборчиво.

**Фамилию несут только внуки
Николая Илларионовича:**

- 1) Чепик Валерий Иванович (1963 г. р.);
- 2) Алексеенко Виктор (1970 г. р.), Сергей (1975 г. р.), Светлана (1968 г. р.);
- 3) Буяновы Татьяна (1981 г. р.), Денис (1985 г. р.), Алексей (1982 г. р.), Галина (1985 г. р.), Нина (1987 г. р.);
- 4) Николай (1979 г. р.), Юрий (1982 г. р.), Иван (1987 г. р.);
- 5) Мария (1980 г. р.), Ольга (1981 г. р.), Любовь (1984 г. р.), Владимир (1988 г. р.), Людмила (1992 г. р.).

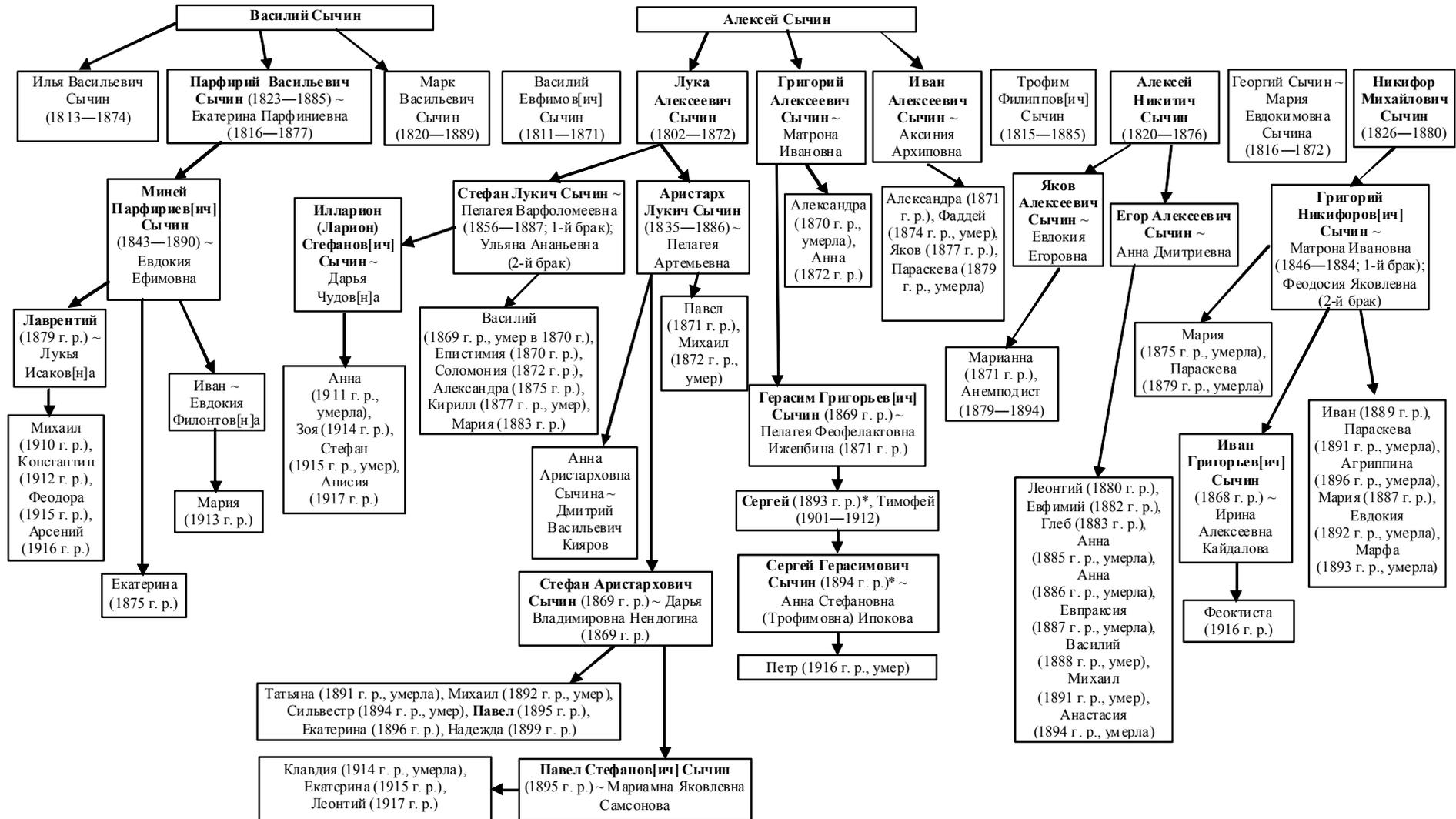
Фамилию несут Алексей, Александр, Николай Сергеевич, Юрий Сергеевич, Иван Сергеевич, Владимир Владимирович.

Приложение 3. Родословная Сычиных

В *Приложении 3* сохранены стилистические особенности и орфография первоисточника. Здесь и далее символ ~ обозначает брачные отношения; в квадратные скобки заключены пояснения и дополнения автора статьи.

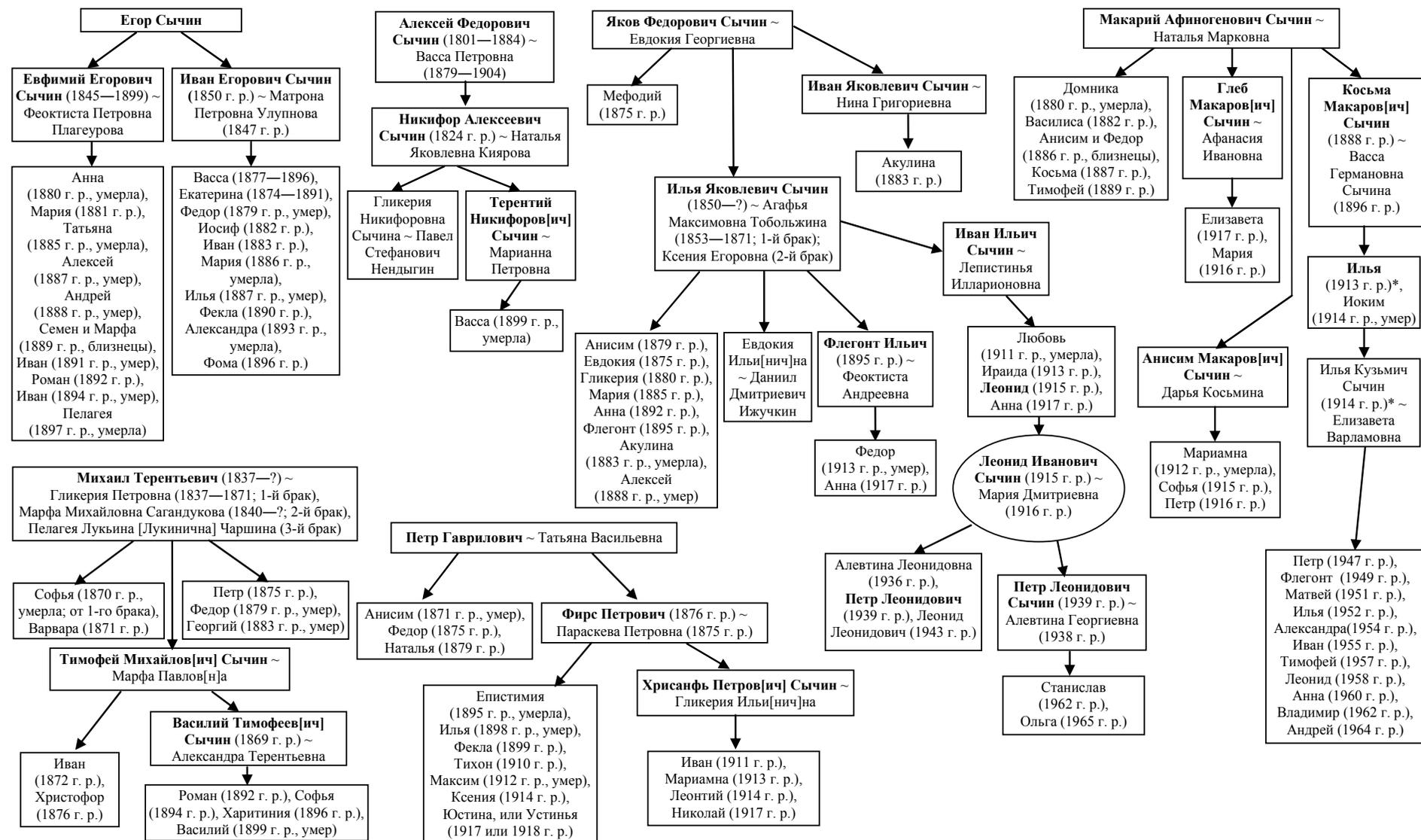
* Сергей (1893 г. р.) и Сергей Герасимович Сычин (1894 г. р.), предположительно, являются одним и тем же человеком: Сергей (1893 г. р.) был записан сыном Герасима Григорьев[ич]а Сычина (1869 г. р.) в графе о рожденных, Сергей Герасимович Сычин (1894 г. р.) — в графе о бракосочетаниях, поэтому мы можем предположить, что это один и тот же человек.

Приложение 4. Родословная Сычиных

В *Приложении 4* сохранены стилистические особенности и орфография первоисточника. Здесь и далее символ ~ обозначает брачные отношения; в квадратные скобки заключены пояснения и дополнения автора статьи.

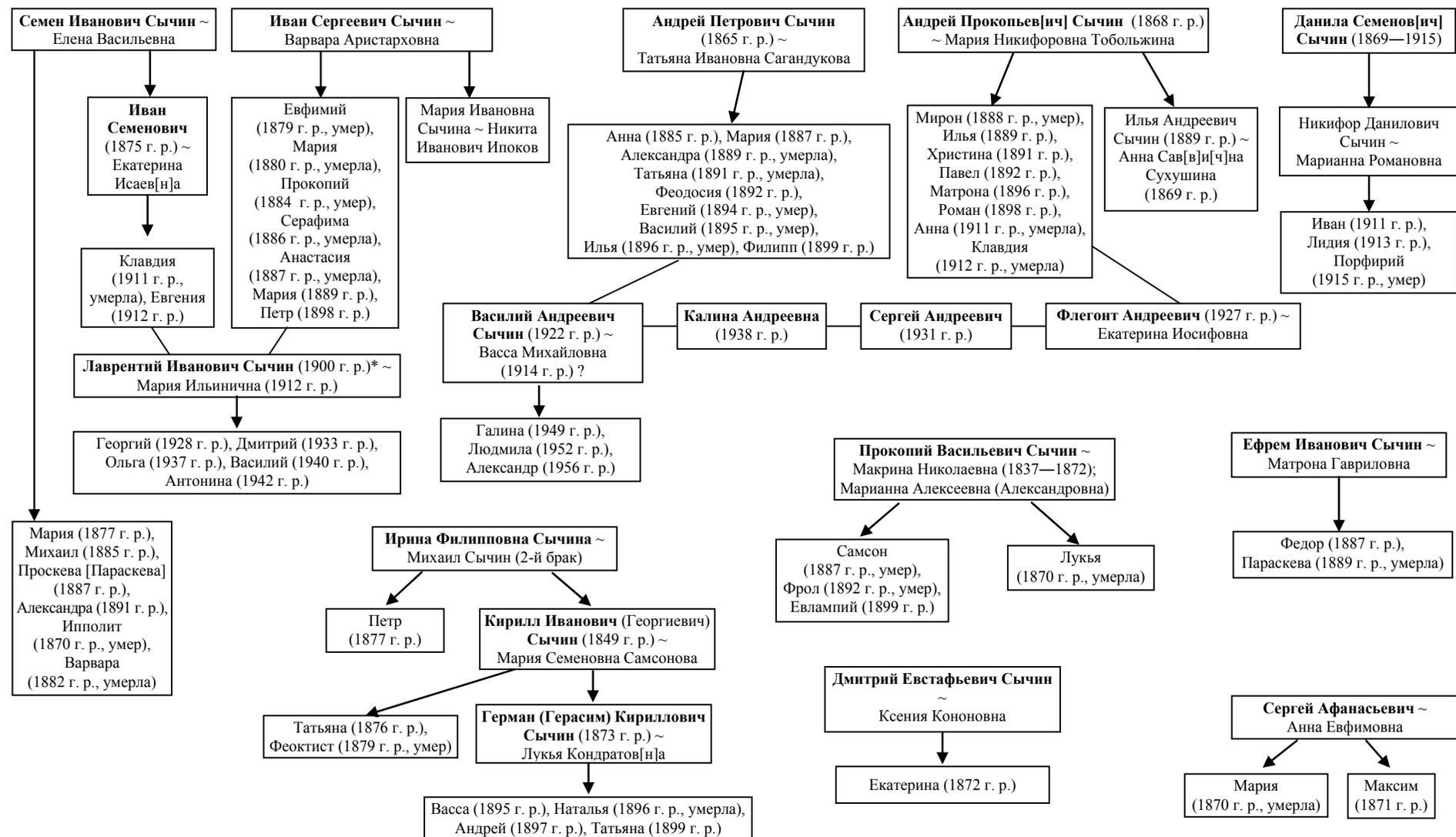
* Илья (1913 г. р.) и Илья Кузьмич Сычин (1914 г. р.), предположительно, являются одним и тем же человеком; в метрических книгах встречаются расхождения.

Приложение 5. Родословная Сычиных

В *Приложении 5* сохранены стилистические особенности и орфография первоисточника. Символ ~ обозначает брачные отношения; в квадратные скобки заключены пояснения и дополнения автора статьи.

* Лаврентий Иванович Сычин (1900 г. р.), предположительно, может являться сыном Ивана Семеновича или Ивана Сергеевича.

Литература

- Глушков и др. 2011 — Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнев А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Томск, 2011. С. 49—63. {*Gluškov S. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Dialekty sel'kups-kogo jazyka // Sel'kupy: Očerki tradicionnoj kul'tury i sel'kups-kogo jazyka / Tučkova N. A., Gluškov S. V., Košeleva E. Ju., Golovnev A. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Tomsk, 2011. S. 49—63.*}
- Каталог 1998 — Каталог полевых записей языков народов Сибири (Фонды лаборатории языков народов Севера Томского государственного педагогического университета) / Ред. Ким А. А. Томск, 1998. {*Katalog polevyx zapisej jazykov narodov Sibiri (Fondy laboratorii jazykov narodov Severa Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo univer-siteta) / Red. Kim A. A. Tomsk, 1998.*}
- Кудряшова 1999 — Кудряшова Т. К. Сычины с. Иванкино. Семейная ветвь от Луки Алексеевича // Запись Кудряшовой Т. К. (1999 г.). Архив Колпашевского краеведческого музея. Оп. 17. Д. 53. Л. 1—3. {*Kudr'ašova T. K. Sy-činy s. Ivankino. Semejnaja vetv' ot Luki Alekseeviča // Zapis' Kudr'ašovoj T. K. (1999 g.). Arxiv Kolpaševskogo kraeved-českogo muzeja. Op. 17. D. 53. L. 1—3.*}
- Кудряшова и др. 2000 — Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А., Ким А. А. Юрты Иванкины: Взгляд в прошлое // Земля Колпашевская / Ред. Яковлев Я. А. Томск, 2000. С. 186—205. {*Kudr'ašova T. K., Kudr'ašova D. A., Kim A. A. Jurty Ivankiny: Vzgl'ad v prošloe // Zeml'a Kolpaševskaja / Red. Jakovlev Ja. A. Tomsk, 2000. S. 186—205.*}
- Малиновская 2007 — Малиновская С. М. Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материале антропонимов нарымских селькупов). Томск, 2007. {*Malinovskaja S. M. Antroponimika v etnokul'turnom vospitanii (na ma-teriale antroponimov narjmskix sel'kupov). Tomsk, 2007.*}
- Метрические книги — Метрические книги о рождении, браке и смерти Инкинской церкви (с. Инкино) Кетской волости Томского уезда 1870—1872, 1874—1879, 1880—1889, 1890—1899, 1904—1910, 1915—1919 гг. // Муниципальное казенное учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. {*Metričeskie knigi o roždenii, brake i smerti Inkinskoj cerkvi (s. Inkino) Ketskoj volosti Tomskogo uezda 1870—1872, 1874—1879, 1880—1889, 1890—1899, 1904—1910, 1915—1919 gg. // Municipal'noe kazennoe učreždenie "Arxiv" Kolpaševskogo rajona. F. 126. Op. 1. D. 1.*}
- Надь 2012 — Надь З. Карой Папай: Венгерский исследователь на территории Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шагилова. Т. XVII. Томск, 2012. С. 187—215. {*Nad' Z. Karoj Papai: Vengerskij issledovatel' na territorii Tomskoj oblasti // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja im. M. B. Ša-tilova. T. XVII. Tomsk, 2012. S. 187—215.*}
- Пелих 1981 — Пелих Г. И. Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. {*Pelix G. I. Sel'kupy XVII veka: Očerki social'no-ekonomičeskoj istorii. Novosibirsk, 1981.*}
- Плотников 1901 — Плотников А. Ф. Нарымский край: Историко-статистический очерк. СПб., 1901. {*Plotnikov A. F. Narjmskij kraj: Istoriko-statističeskij očerok. SPb., 1901.*}
- Похозяйственные книги — Похозяйственные книги с. Иванкино Колпашевского района 1949—1951, 1952—1954, 1955—1957, 1958—1960, 1961—1963, 1964—1966, 1967—1970, 1971—1975, 1976—1979, 1980—1981 гг. // Муниципальное казенное учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3. {*Pohoz'ajstvennyye knigi s. Ivankino Kolpaševskogo rajona 1949—1951, 1952—1954, 1955—1957, 1958—1960, 1961—1963, 1964—1966, 1967—1970, 1971—1975, 1976—1979, 1980—1981 gg. // Municipal'noe kazennoe učreždenie "Arxiv" Kolpaševskogo rajona. F. 39. Op. 1. D. 3.*}
- Похозяйственные книги 2008—2012 — Похозяйственные книги с. Иванкино Колпашевского района 2008—2012 гг. // Архив администрации Иванкинского национального сельского поселения Колпашевского района. {*Pohoz'ajstvennyye knigi s. Ivankino Kolpaševskogo rajona 2008—2012 gg. // Arxiv administracii Ivankinskogo nacio-nal'nogo sel'skogo poselenija Kolpaševskogo rajona.*}
- Симченко 1965 — Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. {*Simčenko Ju. B. Tamgi narodov Sibiri XVII veka. M., 1965.*}
- Спафарий 1882 — Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки русского географического общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882. {*Spafarij N. G. Putešestvie čerez Sibir' ot Tobol'ska do Nerčinska i granic Kitaja russkogo poslannika Nikolaja Spafarija v 1675 godu // Zapiski russkogo geografičeskogo obščestva po otdeleniju etnografii. T. X. Vyp. 1. SPb., 1882.*}
- Тучкова 2011 — Тучкова Н. А. Предисловие // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнев А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Томск, 2011. С. 4—5. {*Tučkova N. A. Predislovie // Sel'kupy: Očerki tradicionnoj kul'tury i sel'kups-kogo jazyka / Tučkova N. A., Gluškov S. V., Košeleva E. Ju., Golovnev A. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Tomsk, 2011. S. 4—5.*}
- Тучкова, Хелимский 2010 — Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010. {*Tučkova N. A., Xelimskij E. A. O materialax A. I. Kuž'minoj po sel'kupskomu jazyku. Hamburg, 2010.*}

Чернова, Торощина 2008 — *Чернова И. В., Торощина Н. В.* К истории шаманской семьи Карлыгиных // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XV. Томск, 2008. С. 235—244. {*Černova I. V., Toroščina N. V.* K istorii šamanskoj sem'ji Karlyginix // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja. T. XV. Tomsk, 2008. S. 235—244.}

Чернова, Торощина 2010 — *Чернова И. В., Торощина Н. В.* К истории семьи тымских селькупов Арнянгиных // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XVI. Томск, 2010. С. 90—97. {*Černova I. V., Toroščina N. V.* K istorii sem'ji tymskix sel'kupov Arn'anginix // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedčeskogo muzeja. T. XVI. Tomsk, 2010. S. 90—97.}

Ясачная книга 1629 — Словарь древних селькупских имен, извлеченных из ясачных книг за 1629 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 19 (6). Ясачная книга: Кетский уезд, волость Питкина. Л. 494—503. {*Slovar' drevnix sel'kupskich imen, izvlečennyx iz jasačnyx knig za 1629 g.* // Rossijskij gosudarstvennyj arxiv drevnix aktov (RGADA). F. 214 (Sibirskij prikaz). Op. 1. Kn. 19 (6). Jasačnaja kniga: Ketskij uезд, volost' Pitkina. L. 494—503.}

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена реконструкции истории селькупской семьи Сычиных, которые известны лингвистам-селькуповедам и этнографам как носители шёшкупского диалекта. Для написания статьи был использован архивный материал 1870—1981 гг. — метрические и похозяйственные книги. В результате исследования были выявлены 19 ветвей селькупской фамилии Сычины, представители которой проживали в с. Иванкино в период с конца XIX до начала XXI в., была предпринята попытка составить родословные для разных ветвей данной фамилии, а также предложены версии происхождения фамилии Сычины и появления ее первых представителей в районе Среднего Приобья.

SUMMARY

The article is devoted to the reconstruction of the history of the Selkup family Sychins. The family is famous among linguists and ethnographers mostly due to speaking the Shoshkup dialect. The archive material from 1870—1981 (birth certificates and household books) was used for the article. As a result of the research 19 branches of the Sychins were found living in Ivankino from the end of the XIXth to the beginning of the XXth century. The attempt to form genealogy for different branches of the family, versions of the origin of the family and appearance of its first representatives in the district near the Middle Ob were made in the article.

Ключевые слова: селькупы, обские шёшкупы, селькупский язык, среднеобской (иванкинский) диалект, родословная, генеалогия, фамилия Сычиных

Keywords: Selkups, Ob Shoshkups, the Selkup language, the Middle Ob (Ivankinski) dialect, genealogy, the Sychins

Адаптация тюркской переднерядной огубленной гласной фонемы y /ü/ в дагестанских языках

В настоящее время в Республике Дагестан успешно реализуется масштабная программа фронтально-го сбора и систематизации богатейшего словарного фонда бесписьменных языков, а также подготовки и издания национально-русских словарей академического типа. За последние пять-шесть лет были изданы такие словари, как «Агульско-русский словарь» [Рамазанов 2010], «Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект)» [Джамалов, Семедов 2006], «Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: сопоставление основной лексики» [Комри, Халилов 2010] и др. Программа предусматривает составление и издание двуязычных словарей по 21 бесписьменному языку: по 13 языкам аваро-андо-цезской группы (андийскому, каратинскому, годоберинскому, ахвахскому, чамалинскому, багвалинскому, ботлихскому, тиндинскому, цезскому, бежтинскому, гинухскому, хваршинскому, гунзибскому) и 8 языкам лезгинской группы (агульскому, цахурскому, рутульскому, арчинскому, будухскому, хиналугскому, крызскому, удинскому); некоторые из них уже изданы. Эти источники дали новый материал для того, чтобы вновь обратиться к тюркским заимствованиям в кавказских, в частности дагестанских, языках.

Ранее при анализе адаптации гласных *ə* и *e* (переднерядных неогубленных гласных фонем /ä/ и /e/) в тюркской лексике, заимствованной в северокавказские языки, мы упоминали, что говорить об общих фонетических закономерностях, характерных для всех северокавказских языков (далее — СКЯ) и даже отдельно для восточнокавказских (нахско-дагестанских) и западнокавказских (абхазо-адыгских) языков, весьма сложно, т. к. тюркские и кавказские фонологические системы вокализма различны по количеству фонем [Тадинова 2006а: 51]. Кроме того, вокалические системы СКЯ сильно различаются даже в рамках одной языковой группы. Однако в фонологических системах гласных СКЯ имеются типологические сходства, которые отчасти помогают систематизировать некоторые фонетические изменения, которым подвергаются тюркизмы при заимствовании в СКЯ. Также следует помнить, что СКЯ контактируют со многими тюркскими языками, вокалические системы которых также несколько различаются между собой, — это огузские и кыпчакские языки. Исходя из этого, нам приходится рассматривать фонетическую адаптацию заимствований, конкретизируя язык-источник и принимающий язык.

Для того чтобы получить более объективную картину системы фонетических изменений, которым подвергается гласная *y* (переднерядная огубленная фонема /ü/) в тюркской лексике, заимствованной в дагестанские языки, представим вокалические системы контактирующих тюркских языков, отметим некоторые особенности их диалектов, а также рассмотрим вокалические системы анализируемых дагестанских языков.

В диалектах и говорах **азербайджанского языка**, как и в литературном языке, представлено девять гласных фонем⁶⁹:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>y</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>		<i>o</i>
<i>ä</i>		<i>a</i>	

В литературном азербайджанском языке и его диалектах не отмечается фонологическая долгота, хотя как произносительные варианты вторичные долгие гласные фигурируют практически во всех диалектах. Для ряда азербайджанских диалектов отмечается наличие сверхкратких узких гласных.

В диалектах и говорах азербайджанского языка встречаются нисходящие (*ou*, *öü*, *au*, *oi*, *öi*, *äi*) и восходящие (*ya*, *ïä*, *qa*, *qä*) дифтонги, которые образуются в основном в результате падения согласных *v*, *j*, *n*. Наиболее употребительны нисходящие дифтонги с первым широким гласным (*o*, *ö*, *a*, *ä*) и узким вторым (*u*, *ï*, *i*).

Для диалектов восточной группы характерны оканье в соседстве с губными и сужение широких огубленных гласных первого слога: *boba* ‘отец’, *poraG* ‘шапка’, *udun* ‘дрова’.

В карабахских диалектах и в литературном языке не сохраняется различие непервых лабиализованных и нелабиализованных гласных, а в северо-восточных диалектах, т. е. контактных с лезгинским, различие как будто сохраняется: *guzu* ‘ягненок’, *gašdun* ‘(ты) бежал’ (г. Баку, г. Куба, п. Мугань, г. Ленкорань, г. Ордубад, г. Тебриз, г. Сальяны).

⁶⁹ Данные по системе гласных фонем азербайджанского языка приводятся по [Диалекты 2010].

Сингармонизм выступает в виде небной и губной гармонии. Последовательно выдерживается небный сингармонизм, тогда как губная гармония ограничена и распространяется только на узкие гласные.

Что касается вокалической системы **кумыкского языка**, то в нем, в отличие от азербайджанского, представлено восемь гласных: отсутствует широкий гласный переднего ряда *ä*, хотя в ограниченном количестве слов, главным образом заимствованных, *ä* встречается (*känt* ‘жалоба’, *äriv* ‘красивый’; орфографически: *kant*, *ariv*).

В кайтакском диалекте кумыкского языка, распространенном в районах Республики Дагестан, в системе гласных фонем отсутствует *y* /y/, но в первом слоге некоторых слов отмечается наличие широкого гласного переднего ряда *ä*. В кайтакском и подгорном диалектах утрачено противопоставление огубленных гласных по ряду, считается, что это обусловлено контактами с дагестанскими языками.

При определении источника заимствования исходим из того, что для кыпчакских языков нехарактерен немотивированный огубленный гласный непервого слога, следовательно, все слова, содержащие его, считаются определенно азербайджанскими заимствованиями.

Дагестанские языки будут рассмотрены нами в следующей последовательности: вначале мы проанализируем вокалические системы, которые близки к тюркским, затем перейдем к языкам, вокалические системы которых отличаются по мере возрастания.

Для передачи азербайджанской фонемы *y* /ü/ ожидаем обозначение *уь* (*ю*), т. е. фонему, характерную для многих языков лезгинской группы (она отсутствует в языках центрального и северного Дагестана). Известно, что фонетическим изменениям подвергаются те тюркские фонемы, которые нехарактерны для фонетических систем кавказских языков. Поэтому однозначная прямая адаптация фонемы, скорее всего, происходит лишь в лезгинском, табасаранском, рутульском и удинском языках. Обратимся к примерам по каждому из языков.

1. Удинский язык

Удинский язык распространен компактно в п. Нидж и районном центре г. Огуз (ранее — Варташен) Габлинского (ранее — Куткашенского) района Азербайджана, в с. Зинобиани Кварельского района Грузии, а также дисперсно — в Армении и т. д. Удинский язык представлен двумя диалектами — ниджским и варташенским (варташенско-октомберийским). Ниджский диалект имеет свои подговоры, которые делятся на три подгруппы: нижние, промежуточные и верхние. Существует версия, что эти подговоры исторически являлись отдельными говорами (возможно, когда-то даже диалектами) удинского языка. После переселения удинов из разных мест (из Карабаха, Тауза и соседних сел) в п. Нидж эти говоры постепенно слились в ниджский диалект. К варташенскому диалекту относятся два говора — собственно варташенский и октомберийский; октомберийский говор существенно не отличается от варташенского, т. к. удины переселились в с. Октомбери в 1922 г.

Естественно, основные контакты удинского языка происходили и происходят с азербайджанским языком, прежде всего с восточной группой диалектов (Рис. 1, 2).

В удинском языке представлена четырехугольная вокалическая система⁷⁰:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>ı</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>		<i>o</i>
<i>ä</i>		<i>a</i>	

В удинском языке есть огубленные гласные переднего ряда, следовательно, ожидается однозначная прямая адаптация азербайджанской фонемы /ü/: *y* > *уь*.

азербайджанский

düün ‘узел, завязка’
jük ‘груз, багаж’
kümüš ‘серебро’
küt ‘тупой; тугодум’
küzku ‘зеркало’
küjüm ‘большой медный кувшин для воды’

удинский

дуйкуьн ‘узел’
йуьк груз, вьюк; тяжесть, нагрузка’
гуймуьш ‘серебро’
куьт ‘тупой (о предметах), неотточенный, нережуший’
кизки / *куьзки* ‘зеркало’⁷¹
гуйгуйм ‘большой медный кувшин для воды’

⁷⁰ Информация по типам базовых систем гласных приводится по [Кибрик, Кодзасов 1990] и [Кавказские языки 2001].

⁷¹ Данная форма приводится по [Гукасян 1974: 148]. В удинском алфавите *к* соответствует буква *г* (т. е. *гизги* / *гуйзги* ‘зеркало’).

азербайджанский

kəmur ‘уголь’
külünk ‘кирка’
kurru ‘икра’
əluvaj ‘ленивый’
əruş ‘выгон, пастбище’
əmur ‘жизнь’
üzəngi ‘стремя’

удинский

koymur ‘уголь’
kuylüvng ‘кирка’
kuvrur ‘икра’
ölvüvaj ‘ленивый, инертный’
övrüş ‘выгон’
ömur ‘жизнь’
üzävngü ‘стремя’

Изменение азербайджанской фонемы *y/ü/* наблюдаем в двух функционирующих в удинском языке формах *kizki* / *kyzki* ‘зеркало’, отмеченных в удинско-азербайджанско-русском словаре [Гукасян 1974: 148]. Переход азербайджанской *y/ü/* в *u/i/* во втором слоге этого слова наблюдаем также в табасаранском (ср. таб. *gyzgi* ‘зеркало’), тогда как в лезгинском и рутульском языках и в первом, и во втором слогах происходит прямая адаптация азербайджанской *y/ü/*: лезг. *gyzgy*, рут. *gyzgy* ‘зеркало’. Учитывая географическое расположение удин, можно предположить, что, скорее всего, перед нами отражение диалектной формы азербайджанизма, в частности, формы из восточной группы азербайджанских диалектов, где это явление более характерно для последнего слога слова, ср.: бак., муг. *dügi* ‘рис’; бак., шем., муг., куб. *tüsdü / tüssü* ‘дым’; бак., шем., муг. *sümik* ‘кость’; з.-ках. *ülgiz* ‘бритва’ [Диалекты 2010: 48].

И, наоборот, в слове *üzävngü* ‘стремя’ (< аз. *üzəngi*) видим нарушение губной гармонии, которое развито в восточной группе диалектов азербайджанского языка, когда после *ä, i* следует *ü*, например: *ätün ~ ätin* ‘(твое) имя’, *iččisüz ~ iččisüniz* ‘(вы) рабочий’ [Диалекты 2010: 44].

2. Будухский язык

В будухском языке представлена наиболее обширная четырехугольная вокалическая система:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>
<i>ä</i>		<i>a</i>	

Будухский распространен в качестве языка бытового общения в нескольких населенных пунктах Кубинского и Хачмасского районов Азербайджана, главным образом в селах Будуг, Дели-Кая, Пирусти, Ялавандж и др.

В будухской вокалической системе представлены огубленные гласные переднего ряда *y/ü/* и *ö/ö/*. Поэтому в тюркских заимствованиях мы ожидаем прямую адаптацию азербайджанской переднерядной огубленной фонемы верхнего подъема — */ü/* (аз. *y*, буд. *y*).

азербайджанский

bütöv ‘целый’
düz ‘равнина, степь’
düjə ‘телка, нетель’
düjmə ‘пуговица; почка’
iyünkül ‘легкий’
kuç ‘сила, мощь’
kurək ‘лопата’
kurk ‘шуба’
kərpü ‘мост; бляха’
kəpük ‘пена’
kətuk ‘пень, колодка’
əruş ‘выгон, пастбище’
süzmə ‘кислое молоко’
sürü ‘стадо’
süzənək ‘триппер, гонорея’
üzəngi ‘стремя’
üzüm ‘виноград’

будухский

bitav ‘целый’
düz ‘площадь, равнина, степь’
düyge ‘телка, нетель’
dugma ‘пуговица’
iyungul ‘легкий’
gudj ‘сила, насилие’
kuvreg ‘лопата; спина; весло’
kuvrk ‘тулуп’
kuvrpu ‘мост’
kupuk ‘пена’
kutuk ‘расколотое полено, пень’
iyuruş / iyuvruş ‘выгон, пастбище’
suzma ‘сцеженное кислое молоко’
suru ‘отара, стадо, стая’
svuzenek ‘триппер, гонорея’
üzengi ‘стремя’
üzüm ‘виноград’

Во-первых, сдвиг по ряду происходит в двусложных словах.

1) *купук* ‘пена’ (< аз. *kəpük*), *кутук* ‘расколотое полено, пень’ (< аз. *kətuk*)

Надо отметить, что в будухском языке азербайджанская фонема *ə* /*ö*/ адаптируется либо как *у* /*u*/ (*душ* ‘грудь’ < аз. *dəş*, *кук* ‘корень’ < аз. *kək*, *кумак* ‘помощь’ < аз. *kəmək* и т. д.), либо как *уь* /*ü*/ (*душьег* ‘матрац’ < аз. *dəşək*, *куьчери* ‘кочевник’ < аз. *kəç* и т. д.). Очевидно, что в двусложных словах, в которых азербайджанская фонема *ə* адаптировалась как *у* /*u*/ (в наших примерах это происходит в первом слоге), азербайджанская *у* /*ü*/ второго слога подверглась закону гармонии гласных. В слове *куьрпуй* ‘мост’ (< аз. *kərpü*) азербайджанская *ə* адаптировалась как *уь* /*ü*/, поэтому по закону гармонии гласных вторая гласная *уь* /*ü*/ сохраняет переднерядность.

2) *дугма* ‘пуговица’ (< аз. *düjmə*), *сузма* ‘сцеженное кислое молоко’ (< аз. *süzmə*), *йунгул* ‘легкий’ (< аз. *jüncül*), *суру* ‘отара, стадо, стая’ (< аз. *sürü*)

Скорее всего, перед нами заимствования из восточной группы азербайджанских диалектов (что не противоречит и географическим данным), для которых характерно не только позднейшее развитие *ï* > *и* (*йунгул* < аз. *jüncül*, *суру* < аз. *sürü*) во втором слоге (по-видимому, с последующим влиянием на первый слог в заимствованных словах), но и сохранение заднеязычной *ɟ* /*g*/ в переднерядных словах, ср.: *дюги* ‘рис’, *дюгме* ‘пуговица’ [СИГТЯ 2002: 63]. Решение относительно слова *сузма* ‘сцеженное кислое молоко’ (< аз. *süzmə*) принимается по аналогии с этими словами.

Из правила выбивается слово *уьзуйм* ‘виноград’, которое можно считать более новым заимствованием из литературного азербайджанского языка.

Во-вторых, из схемы прямых рефлексов выпадают лексема *битав* ‘целый’ и два односложных слова: *дуз* ‘площадь, равнина, степь’ (< аз. *düz* ‘равнина, степь’), *гудж* ‘сила, насилие’ (< аз. *küç* ‘сила, мощь’), — о которых см. ниже.

3. Хиналугский язык

В настоящее время хиналугцы компактно живут в с. Хиналуг Кубинского района (там насчитывается около 300 хозяйств) и в с. Пирсагат Али-Байрамлинского района Азербайджана. Многие семьи хиналугцев живут в г. Куба, с. Владимировка и других населенных пунктах Кубинского района, а также в с. Вандам Варташенского района Азербайджана. Хиналугский язык, как и другие бесписьменные языки, имеет ограниченную сферу употребления — им пользуются только в быту. Языком делопроизводства, обучения и средств массовой информации является азербайджанский язык [Ганиева 2001: 13].

В четырехугольной вокалической системе хиналугского языка представлен тот же инвентарь гласных фонем, что и в будухском, только без *ə*:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>		<i>o</i>
<i>ä</i>		<i>a</i>	

Наличие огубленных гласных переднего ряда (*уь* /*ü*/ и *оь* /*ö*/) предполагает возможность прямой адаптации азербайджанской переднерядной огубленной фонемы верхнего подъема — /*ü*/ (обозначаемой как *у*).

азербайджанский	хиналугский
<i>бүзмә</i> ‘сборка на одежде’	<i>буьзмаь</i> ‘складка на одежде, гофрировка’
<i>бүтөв</i> ‘целый’	<i>бито</i> ‘сплошной, целый’
<i>дүз</i> ‘прямой’	<i>дуьз</i> ‘прямой, правдивый’
<i>дүймә</i> ‘пуговица; почка’	<i>дуьгмаь</i> ‘почка’
<i>јүзбашы</i> ‘старшина’	<i>йуьзбаш</i> ‘сельский староста, старшина’
<i>күч</i> ‘сила, мощь’	<i>гудж</i> ‘сила, насилие’
<i>көмүр</i> ‘уголь’	<i>дашкьюмуьр</i> ‘уголь’
<i>көпүк</i> ‘пена’	<i>купук</i> ‘пена’
<i>көтүк</i> ‘пень, колодка’	<i>кутук</i> ‘расколотое полено, пень’
<i>сүзкәч</i> ‘фильтр, дуршлаг’	<i>суьзаьг</i> ‘дуршлаг’
<i>сүзмә</i> ‘кислое молоко’	<i>суьзмаь</i> ‘сцеженное кислое молоко’
<i>сүрү</i> ‘стадо’	<i>суьруь</i> ‘отара, стадо, стая’
<i>сүркүн</i> ‘ссылка, изгнание’	<i>суьргуьн</i> ‘изгнание, высылка’
<i>түк</i> ‘волос, шерсть, перо’	<i>туьк</i> ‘волосы, пух’
<i>үзүм</i> ‘виноград’	<i>уьзуйм</i> ‘виноград’
<i>үркән</i> ‘широкая кожаная привязь’	<i>уьркаьн</i> ‘широкая кожаная привязь’
<i>үзүм</i> ‘виноград’	<i>уьзуйм</i> ‘виноград’

Во-первых, в словах *купук* ‘пена’ (< аз. *kəpük*) и *кутук* ‘расколотое полено, пень’ (< аз. *kətük*) наблюдается сдвиг по ряду во втором слоге; скорее всего, это не столько диалектное (восточное) заимствование, сколько влияние первого слога в заимствованном слове. В вокалической системе хиналугского языка отсутствует фонема $e/\ddot{o}/$, что приводит к адаптации $e/\ddot{o}/$ либо как $y/\ddot{u}/$, либо как $y/u/$. В данных словах фонема $e/\ddot{o}/$ адаптировалась как $y/u/$, что повлияло на ряд второго слога. Очевидно, здесь можно говорить о влиянии закона гармонии гласных.

Поведение первой гласной в сложном слове *йузбаши* ‘сельский староста, старшина’ (< аз. *jüzbaşı*), а именно наблюдаемый сдвиг по ряду, может быть связано с влиянием гласной заднего ряда во втором компоненте композита.

Во-вторых, мы снова видим нарушение естественной адаптации азербайджанской фонемы $y/\ddot{u}/$ в словах *бито* ‘сплошной, целый’ (< аз. *bütöv*) и *гудж* ‘сила, насилие’ (< аз. *küç*).

4. Агульский язык

Агулы живут в центральной части юго-восточного Дагестана: в труднодоступных ущельях Агульского и Курахского районов, в прибрежном Дербентском районе и с. Дружба Каякентского района. Кроме того, агулы живут в с. Гелинбатан (Ново-Фите) Табасаранского района, а также в п. Шамхал (городской округ г. Махачкала), п. Тюбе (Кумторкалинский район), г. Махачкала, г. Дербент и г. Дагестанские Огни.

Известно, что среди агулов был широко распространен лезгинский язык, которым в настоящее время владеет большинство представителей старшего поколения и жители агульских селений Курахского района. Исторически жители аулов Буршаг, Худиг и Арсуг владели табасаранским языком, в ауле Цирхе — даргинским, а агулы-буркиханцы — лакским языком [Агулы 2010: 7]. М. Р. Рамазанов отмечает, что агулы «граничили практически со всеми народами Дагестана, кроме аварцев и ногайцев: с лезгинами, табасаранцами, рутульцами, цахурами, лакцами, даргинцами, кумыками, азербайджанцами. С рутульцами и цахурами общение затруднено из-за гор Алахвандага, с остальными народами агульцы практически в разной степени близости общения имели издавна, что, конечно, не могло не отразиться и на языке» [Рамазанов 2010: 3].

Таким образом, исходя из данных фактов, можно констатировать, что наличие в агульском языке азербайджанизмов и шире — вообще тюркизмов — это результат как прямых контактов, так и внутренней миграции слов из соседних контактирующих кавказских языков. В данном случае большинство тюркизмов в агульском, скорее всего, будут заимствованиями из лезгинского языка.

В вокалической системе агульского языка, по мнению Б. Б. Талибова [Талибов 1980], представлена огубленная гласная фонема переднего ряда верхнего подъема — $y/\ddot{u}/$ (поэтому мы ожидаем прямую адаптацию азербайджанской фонемы $y/\ddot{u}/ > y/\ddot{u}/$):

<i>i</i>	<i>ii</i>	<i>u</i>
<i>e</i>		<i>a</i>

азербайджанский	агульский
<i>бүзмә</i> ‘сборка на одежде’	<i>бузьме</i> ‘складки, сборки на гофрированной одежде’
<i>бүтөв</i> ‘целый’	<i>битав</i> ‘сплошной, целый, цельный’
<i>дүз</i> ‘прямой; равнина, степь’	<i>дуз</i> ‘прямой, ровный, плоский’
<i>дүјмә</i> ‘пуговица’	<i>дүьгме</i> ‘пуговица’
<i>јүзбаши</i> ‘старшина’	<i>йүзбаши</i> ‘старшина’
<i>күт</i> ‘тупой; тяжелодум, тугодум’	<i>куьт</i> ‘злой’
<i>күч</i> ‘сила, мощь’	<i>гуж</i> / тпиг. <i>гудж</i> ‘сила, мощь’ ⁷²
<i>сүзкәч</i> ‘фильтр, дуршлаг’	<i>сүьзег</i> / тпиг. <i>сүьзек</i> / кош. <i>сүьсек</i> ‘дуршлаг’
<i>сүркүн</i> ‘ссылка, изгнание’	<i>сүьргүьн акьас</i> ‘выслать’
<i>сүрү</i> ‘стадо’	<i>сүьруь</i> ‘стадо, табун’
<i>сүзәнәк</i> ‘триппер, гонорея’	<i>сүьзенег</i> ‘триппер, гонорея’
<i>түк</i> ‘волос, шерсть, перо’	<i>туьк</i> ‘пушок, ворс’
<i>үзәнги</i> ‘стремя’	<i>уьзенги</i> / тпиг. <i>уьзенги</i> / кош. <i>уьзег</i> ‘стремя’
<i>үзүм</i> ‘виноград’	<i>уьзүьм</i> ‘виноград’
<i>чүр</i> ‘род, вид’	тпиг. <i>джуьре</i> / кош. <i>гуьре</i> ‘вид, род, сорт, способ’

⁷² Агульские диалектные формы приводятся по [Сулейманов 2003].

Во-первых, перед нами вновь тюркское заимствование *йузбаиш* ‘старшина’, в котором, как и в случае с хиналугским тюркизмом, заднерядность первого гласного объясняется влиянием второго компонента.

Во-вторых, мы снова сталкиваемся с отклоняющейся адаптацией тюрк. *у /ü/* в следующих словах: *битав* ‘сплошной, целый, цельный’, *гуж* / тпиг. *гудж* ‘сила, мощь’, *дуз* ‘прямой, ровный, плоский’.

5. Лезгинский и табасаранский языки

Здесь необходимо учесть, что все восточнокавказские языки могли получать заимствования из кумыкского языка, который, по многочисленным свидетельствам, до XX в. включительно был *lingua franca* Восточного Кавказа [РТФ 1959: 391].

В лезгинском языке представлена наиболее обширная четырехугольная система гласных. В четырехугольных системах с большим числом членов наблюдается значительная периферийная удаленность переднего и заднего рядов. Для лезгинского языка характерна губно-рядная гармония, для табасаранского — частичная гармония гласных по ряду: после *й* и *е* выбираются переднерядные варианты аффиксов.

Лезгинская система гласных				Табасаранская система гласных		
<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>u</i>
<i>e</i>		<i>a</i>	(<i>o</i>)	<i>e</i>		
<i>ä</i>		(<i>ä</i>)		<i>ä</i>		(<i>ä</i>)

азербайджанский	лезгинский	табасаранский
<i>бузмә</i> ‘сборка на одежде’	<i>бузьме</i>	<i>бюзме</i>
<i>бүтөв</i> ‘целый’	<i>битав</i>	<i>битав</i>
<i>дүз</i> ‘равнина, степь’	<i>дүз</i>	<i>дюз</i>
<i>дүјә</i> ‘телка, нетель’	<i>дүгге</i>	<i>дюгге</i>
<i>дүјмә</i> ‘пуговица’	<i>дүгме</i>	<i>дюгме</i>
<i>дүјү</i> ‘рис’	<i>дүгьуь</i>	<i>дюгю</i>
<i>јүк</i> ‘груз, багаж’	<i>йүьк</i>	<i>юк</i>
<i>күмүш</i> ‘серебро’	<i>гимшиш</i> , кубин. <i>гүьмуьши</i> , микр. <i>гимшиш</i>	
<i>күч</i> ‘сила, мощь’	<i>гуж</i>	<i>гуж</i>
<i>күзкү</i> ‘зеркало’	<i>гүьзгүь</i>	сев. <i>гүьзги</i> , юж. <i>гюзгю</i>
<i>сүзкәч</i> ‘фильтр, дуршлаг’	<i>сүьзек</i>	<i>сюзге</i>
<i>сүзмә</i> ‘кислое молоко’	<i>сүьзме</i>	<i>сюзме</i>
<i>сүрү</i> ‘стадо’	<i>сүьруь</i>	<i>сүьри</i>
<i>сүркүн</i> ‘ссылка, изгнание’	<i>сүьргүьн</i>	<i>сюргюн</i>
<i>түк</i> ‘волос, шерсть, перо’	<i>туьк</i>	<i>туьк</i>
<i>үзәңги</i> ‘стремя’	<i>уьзенг</i>	<i>уьзенг / зангу</i>
<i>үзүм</i> ‘виноград’	<i>уьзүьм</i>	<i>уьзюм</i>
<i>көтүк</i> ‘пень, колодка’	<i>куьтуьк</i>	
<i>көмүр</i> ‘уголь’		<i>кюмюр</i>
<i>өрүш</i> ‘выгон, пастбище’	<i>уьруьши</i>	

Судя по развитию согласных *г /g/ > /j/*, перед нами либо заимствования периода более ранних контактов, либо заимствования из восточных диалектов азербайджанского языка. В целом ожидания оправдались — в большинстве примеров наблюдается однозначная прямая адаптация азербайджанской фонемы *у /ü/*, при этом как в первом, так и во втором слого. В лезгинском и табасаранском языках из этой картины выпадают два слова: аз. *бүтөв* ‘целый’ — лезг. *битав*, таб. *битав*; аз. *күч* ‘сила, мощь’ — лезг. *гуж*, таб. *гуж*.

Для лезгинского *гимшиш* ‘серебро’ сложно определить источник заимствования; ср. с формами в контактирующих языках: аз. *күмүш*, кум. *гюмюш* ‘серебро; серебряный’. Хотя для кумыкского наряду с формой *гюмюш* отмечена и форма *гумиш* [ЭСТЯ 1997: 141], скорее всего, лезгинская форма является заимствованием из азербайджанского диалекта — с позднейшим развитием *ï > i*, которое встречается во всех позициях в слове, например: аз. муг., казах., караб., з.-ках., ордуб. *bilbil* ‘соловей’, куб. *tikan* ‘лавка’ [Диалекты 2010: 48]. В кубинском диалекте лезгинского языка представлена форма *гүьмуьши* ‘серебро’, это явный азербайджанизм. Если предположить источником кумыкскую форму *гумиш*, то в лезгинском, надо полагать, произошла еще и регрессивная ассимиляция, что вряд ли возможно. Скорее всего, перед нами отражение азербайджанской диалектной формы. Вообще для огузских диалектов крайне характер-

но сокращение системы гласных, которое выражается в устранении переднерядных лабиализованных фонем: в афшарском — *gin* ‘солнце’ [СИГТЯ 2002: 25]; в сонкорском — *gin* ‘солнце’ [СИГТЯ 2002: 29]; в боджнурди — *sit* ‘молоко’, *ič* ‘три’ [СИГТЯ 2002: 33].

В табасаранском языке в словах *гуьзги* (< аз. *кузку* ‘зеркало’) и *суйри* (< аз. *сүрү* ‘стадо’) наблюдаем переход азербайджанской фонемы $y/\ddot{u}/ > u/i/$ во втором слоге. Очевидно, перед нами отражение азербайджанской диалектной формы с позднейшим развитием $\ddot{u} > i$. Известно, что в восточной группе азербайджанских диалектов это явление более характерно для последнего слога слова, например: бак., муг. *dügi* ‘рис’; бак., шем., муг., куб. *tüsi / tüssi* ‘дым’; бак., шем., муг. *sümik* ‘кость’; з.-ках. *ülgiz* ‘бритва’ [Диалекты 2010: 48]. Данная версия не противоречит и географическим данным: и лезгины, и табасаранцы имеют контакты с носителями восточных диалектов азербайджанского языка.

6. Рутульский язык

Рутульский язык распространен в Рутульском районе Дагестана, а также в некоторых селениях Шекинского и Кахского районов Азербайджана: Кайнар, Хырса, Бейбулах, Даш-юз (Дашюз), Шин, Шор-су и др. Рутульский язык имеет пять диалектов: мухадский (опорный диалект формирующегося рутульского литературного языка), шиназский, мюхрекский, ихрекский и борчинско-хиновский. Первые три диалекта (мухадский, шиназский, мюхрекский) образуют восточное наречие, последние два (ихрекский и борчинско-хиновский) — юго-западное. По системно-структурным особенностям восточное наречие тяготеет к будухскому и крызскому языкам, юго-западное — к цахурскому [Село Шиназ]. Судя по картам (Рис. 1, 2), основные контакты рутульского языка приходятся на нухинский и закатало-кахский диалекты северного наречия азербайджанского языка.

В большинстве примеров из рутульского языка также наблюдается однозначная прямая адаптация азербайджанской фонемы $y/\ddot{u}/ > u/\ddot{u}/$. В рутульском языке представлена следующая система гласных:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
<i>e</i>			<i>o</i>
<i>ä</i>			<i>a</i>

азербайджанский	рутульский
<i>бүтөв</i> ‘целый’	<i>битав</i> ‘сплошной, целый’
<i>дүз</i> ‘прямо; равнина, степь’	<i>дүз</i> ‘равнина, степь’
<i>дүжү</i> ‘рис’	<i>дүжү</i> ‘рис’
<i>күмүш</i> ‘серебро’	<i>гымыш</i> ‘серебро’
<i>кузку</i> ‘зеркало’	<i>гуьзги</i> , б.-х., ихр., мюхр. <i>гуьзгү</i> , шин. <i>гузгу</i> ‘зеркало’
<i>сүзмә</i> ‘кислое молоко’	<i>сузма</i> ‘процеженное кислое молоко’
<i>сүрү</i> ‘стадо’	<i>суйри</i> ‘стадо, табун’
<i>өрүш</i> ‘выгон, пастбище’	<i>уьруьш</i> ‘загон, пастбище’
<i>үзәңги</i> ‘стремя’	<i>уьзәңг</i> ‘стремя’

Из общей схемы в рутульском языке выпадает несколько слов.

1) *битав* (< аз. *бүтөв* ‘целый’)

Подробнее см. ниже.

2) *гымыш* (аз. *күмүш* ‘серебро’)

Скорее всего, перед нами заимствование из лезгинского (лезг. *гимши* ‘серебро’); в остальных кавказских языках при заимствовании данного слова наблюдается сохранение губной гласной, например: агул., цахур. *гүмуш*, крыз. *кумыш*, удин. *куьмуьш* ‘серебро’. При этом в лезгинский язык это слово было заимствовано из азербайджанского диалекта с позднейшим развитием $\ddot{u} > i$ (см. выше лезгинскую интерпретацию). Однако возникает вопрос, почему лезгинская фонема *u* переходит в рутульском языке в *ï*, т. е. почему происходит сдвиг по ряду.

3) *сузма* (< аз. *сүзмә* ‘кислое молоко’)

При заимствовании в первом слоге наблюдается переход переднерядной лабиализованной гласной в заднерядную. При этом во втором слоге также происходит сдвиг по ряду: азербайджанская переднерядная нелабиализованная фонема нижнего подъема *ä* переходит в заднерядную *a*. Скорее всего, перед нами отражение азербайджанской диалектной формы с позднейшим развитием $\ddot{u} > u$, позднейшее развитие $\ddot{u} > a$ в конечном слоге, встречающееся в закатальских [Диалекты 2010: 47] и кахских [Молла-Заде 1966: 8] говорах азербайджанского языка, а также процесс небной гармонии.

4) *суьри* (< аз. *сүрү* 'стадо'), *зүьзги* (< аз. *күзкү* 'зеркало')

Переход азербайджанской фонемы *ү /ü/ > и /i/* во втором слоге при заимствовании (подобное явление наблюдается и в табасаранском языке: аз. *күзкү* 'зеркало' > таб. *зүьзги*, аз. *сүрү* 'стадо' > таб. *суьри*) характерен для восточной группы азербайджанских диалектов — с позднейшим развитием *ü > i*. Это явление чаще всего встречается в последнем слоге слова. Отметим, что в отличие от литературной формы *зүьзги* в борчино-хиновском, ихрекском и мюхрекском диалектах рутульского языка аз. *ү /ü/* имеет прямую адаптацию и в первом, и во втором слогах (ср. *зүьзгүь*), а в шиназском диалекте наблюдается сдвиг по ряду (ср. *зүзгү*).

7. Цахурский язык

Территориально цахуры граничат на востоке с рутульцами, на севере — с лакцами и арчинцами, на северо-западе и западе — с аварцами, на юге — с азербайджанцами и грузинами. Цахурский язык имеет непосредственные контакты с рутульским, аварским, грузинским и азербайджанским; контакты цахурского языка с лакским незначительны, а горный рельеф исключает контакты цахурского и арчинского языков. «Ныне компактно цахи проживают в Закатальском, Кахском (Азербайджанская Республика) и в Рутульском (Республика Дагестан) районах. Из дагестаноязычных народов самые тесные экономические, духовные, культурные контакты цахи имеют с аварцами, у них в процессе исторического развития сложились общие (смешанные) села (...). Тала, Чардах (Закатальский район), Кусур-Мухах (Рутульский район), Камбулат (Бабаюртовский район Р(еспублика) Д(агестан); крупное село со средней школой, медпунктом на отгонных пастбищах)» [Ибрагимов, Нурмамедов 2009: 4].

Что касается системы гласных цахурского языка, то она представляет собой классический пятичленный треугольник:

<i>i</i>		<i>u</i>
	<i>e</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>	

Такую систему имеют все аваро-андийские языки, из лезгинских языков «треугольный» вокализм характерен для арчинского. Оба языка имеют по два члена в центральном (среднем) ряду: в цахурском это гласный верхнего подъема *i*, в арчинском — *ə* (результат редукции в безударном положении). В литературном цахурском языке нет огубленных гласных переднего ряда, но *оь /ö/*, *уь /ü/* и *аь /ä/* представлены в гельмецком диалекте и ряде говоров цахского диалекта. Эти данные следует учитывать при анализе тюркизмов в цахурском языке.

азербайджанский	цахурский
<i>дүз</i> 'равнина, степь'	<i>дюз</i> 'площадь, равнина, степь'
<i>јүк</i> 'груз, багаж'	<i>юк</i> 'поклажа, груз'
<i>јүзбашы</i> 'старшина'	<i>юзбаший</i> 'староста села, сотник'
<i>күт</i> 'тупой; тугодум'	<i>кут</i> 'тупой'
<i>күрәк</i> 'лопата'	<i>курак</i> 'лопата; спина; весло'
<i>күчүк</i> 'щенок'	<i>кучук</i> 'щенок'
<i>көтүк</i> 'пень, колодка'	<i>кутюк</i> 'пень, полено'
<i>күч</i> 'сила, мощь'	<i>гудж</i> 'сила, насилие'
<i>сүзмә</i> 'кислое молоко'	<i>сюз'ма</i> 'сцеженное кислое молоко'
<i>сүрү</i> 'стадо'	<i>сору</i> 'отара, стадо, стая'
<i>сүркүн</i> 'ссылка, изгнание'	<i>сургун</i> 'изгнание, высылка'
<i>түлкү</i> 'лиса'	<i>тюлку</i> 'лиса'
<i>үзәнги</i> 'стремя'	<i>юзенги</i> 'стремя'
<i>үзкү</i> 'плавание'	<i>юзги</i> 'плавание'
<i>чүчә</i> 'цыпленок'	<i>джудже</i> 'цыпленок'

Здесь следует уточнить, что в «Цахурско-русском словаре» [Ибрагимов, Нурмамедов 2009] мягкость согласных передается последующими гласными *-e, -ё, -ю, -я, -и*. Поэтому при анализе примеров видно, что во всех заимствованных словах наблюдается сдвиг по ряду. Это ожидаемо, т. к. в фонологической системе цахурского языка отсутствует огубленная гласная фонема переднего ряда */ü/*. Во втором слоге слова *юзги* 'плавание' (< аз. *үзкү* 'плавание') азербайджанская фонема *ү /ü/* адаптируется как *и /i/*, ср.: таб., рут. *суьри* < аз. *сүрү* 'стадо'. Это явно азербайджанский диалектизм, как и примеры из других языков, приведенные здесь для сравнения.

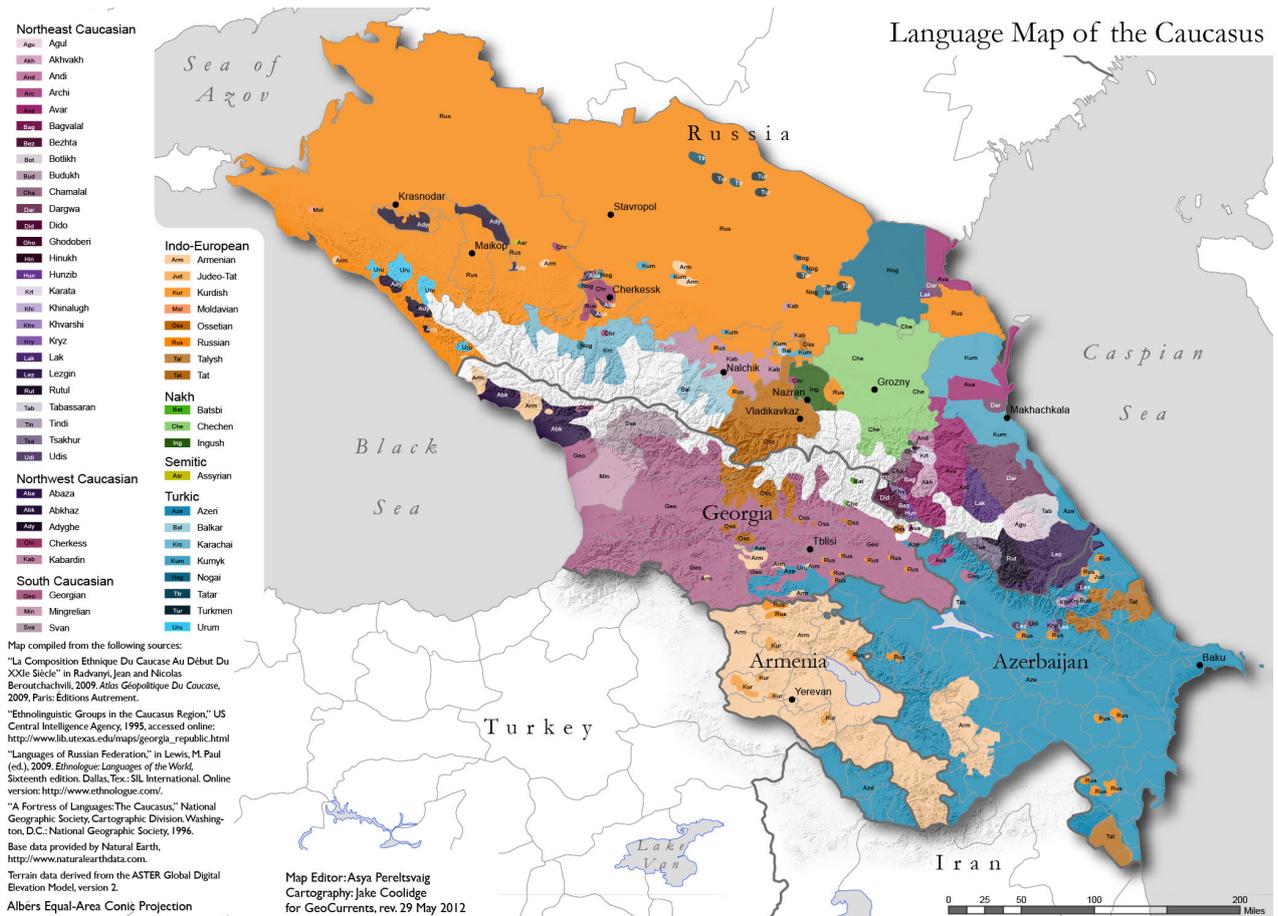

Рис. 2. Карта языков Кавказа.

2) лезг., таб., лак., дарг. *гуж*, агул. *гуж* / тпиг. *гудж*, буд., хин. *гудж*, рут. *гудж*, авар. *гуч* 'сила, мощь'.

Подобным же образом могут объясняться и эти южнодагестанские рефлексы тюркского **gūč* 'сила': и первый, и второй согласный указывают на огузский источник. Второй согласный является результатом огузского озвончения после первичного долгого гласного (например, аз. *куч* 'сила, мощь, мощность, напор; усилие; насилие'). Возможно, тюркизм был заимствован из такого контактного кавказского языка, который обычно адаптирует тюркскую фонему *y* как *y* заднего ряда. О том, что слово *гуж* является для восточнокавказских языков «бродячим», свидетельствует его облик в курдском языке — *gūž* 'сила' [Цаболов 2001: 409].

3) буд. *дюз* 'площадь, равнина, степь'; лезг., хин., рут., цахур., крыз. *дюз*, таб. *дюз* 'прямой, ровный'; агул. *дюз* 'прямой, ровный, плоский', *дюз акьаса* 'исправлять, поправлять, выравнить'; лак. *дузал* 'регулировать, организовывать'.

Начальный звонкий согласный в этих словах явно указывает на огузский источник (< аз. *дюз* 'равнина, степь'). Заднерядные рефлексy гласной могут объясняться так же, как и в предыдущем (втором) случае. К «бродячому» характеру слова: ср. курд. *dūz* 'прямой, ровный; правильный' [Цаболов 2001: 337].

Таким образом, анализ адаптации гласных фонем при заимствовании тюркской лексики в северокавказские языки показывает, что большинство систем принимающих языков по-своему отражают тюркские гласные. Наш анализ показывает, что если учитывать реализацию тюркских фонем в каждом кавказском языке или родственной группе языков нижнего уровня и при этом анализировать всю встречающуюся лексику, а не судить по большинству, то обнаружится довольно сложная картина. Оказывается, практически в каждом принимающем языке с помощью сведений о фонетической адаптации можно выделить лексику, заимствованную из разных тюркских источников через разных посредников. Иногда приходится в подробностях отслеживать конкретные этимологии отдельных слов. Большое значение для адаптации конкретных фонем имеет устройство фонологической системы и фонетические реализации фонем в диалекте-источнике, однако и внутреннее устройство фонологической системы принимающего языка также играет несомненную роль.

В будущем мы намерены подробно рассмотреть адаптацию тюркской фонемы *θ* в дагестанских языках, что представляет собой еще более сложную картину.

Сокращения

Языки и диалекты

авар. — аварский	кум. — кумыкский
агул. — агульский	курд. — курдский
кош. — кошанский диалект	лак. — лакский
тпиг. — тпигский диалект	лезг. — лезгинский
аз. — азербайджанский	кубин. — кубинский диалект
бак. — бакинский диалект	микр. — микрахский диалект
з.-ках. — закатола-кахский диалект	ног. — ногайский
казах. — казахский диалект	руг. — рутульский
караб. — карабахский диалект	б.-х. — борчинско-хиновский диалект
куб. — кубинский диалект	ихр. — ихрекский диалект
муг. — муганский диалект	мюхр. — мюхрекский диалект
нахич. — нахичеванский диалект	шин. — шиназский диалект
ордуб. — ордубадский диалект	СКЯ — северокавказские
шем. — шемахинский диалект	таб. — табасаранский
балк. — балкарский	сев. — северные диалекты
башк. — башкирский	юж. — южные диалекты
буд. — будухский	тат. — татарский
гаг. — гагаузский	тоф. — тофаларский
дарг. — даргинский	тур. — турецкий
каз. — казахский	туркм. — туркменский
кар. — караимский	тюрк. — тюркские
кбалк. — карачаево-балкарский	удин. — удинский
ккалп. — каракалпакский	хин. — хиналугский
кр.-тат. — крымско-татарский	цахур. — цахурский
крыз. — крызский	

Литература

- Агулы 2010 — Агулы // Народы России: Атлас культур и религий / Отв. ред. Журавский А. В., Казьмина О. Е., Тишков В. А. М., 2010. С. 7—8. {Aguly // Narody Rossii: Atlas kul'tur i religij / Отв. red. Žuravskij A. V., Kaz'mina O. E., Tiškov V. A. M., 2010. S. 7—8.}
- Ганиева 2001 — Ганиева Ф. А. Хиналугско-русский словарь. Махачкала, 2001. {Ganieva F. A. Xinalugsko-russkij slovar'. Махаčkala, 2001.}
- Гукасян 1974 — Гукасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974. {Gukas'an V. L. Udinsko-azerbajdžansko-russkij slovar'. Baku, 1974.}
- Джамалов, Семедов 2006 — Джамалов К. Э., Семедов С. А. Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект). М., 2006. {Džamalov K. E., Semedov S. A. Rutul'sko-russkij slovar' (ixrekskij dialekt). M., 2006.}
- Диалекты 2010 — Диалекты тюркских языков: Очерки / Отв. ред. Дыбо А. В. М., 2010. {Dialekty t'urkskix jazykov: Očerki / Отв. red. Dybo A. V. M., 2010.}
- Ибрагимов, Нурмамедов 2009 — Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. Цахурско-русский словарь. Махачкала, 2009. {Ibragimov G. X., Nurtamedov Ju. M. Saxursko-russkij slovar'. Махаčkala, 2009.}
- Кавказские языки 2001 — Языки мира: Кавказские языки / Ред. Алексеев М. Е., Климов Г. А., Старостин С. А., Тестелец Я. Г. М., 2001. {Jazyki mira: Kavkazskie jazyki / Red. Alekseev M. E., Klimov G. A., Starostin S. A., Testelec Ja. G. M., 2001.}
- Кибрик, Кодзасов 1990 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков: Имя. Фонетика. М., 1990. {Kibrik A. E., Kodzasov S. V. Sopostavitel'noe izučenie dagestanskix jazykov: Im'a. Fonetika. M., 1990.}
- Комри, Халилов 2010 — Комри Б., Халилов М. Ш. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: Сопоставление основной лексики. Лейпциг — Махачкала, 2010. {Komri B., Xalilov M. Š. Slovar' jazykov i dialektov narodov Severnogo Kavkaza: Sopostavlenie osnovnoj leksiki. Lejpcig — Махаčkala, 2010.}
- Молла-Заде 1966 — Молла-Заде С. М. Говоры Кахского района Азербайджанской ССР. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1966. {Molla-Zade S. M. Govory Kahskogo rajona Azerbajdžanskoj SSR. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Baku, 1966.}

Рамазанов 2010 — *Рамазанов М. Р.* Агульско-русский словарь. Махачкала, 2010. {*Ramazanov M. R. Agul'sko-russkij slovar'*. Махачкала, 2010.}

Село Шиназ — Электронный ресурс: Село Шиназ, Рутульский район. Рутульский язык // <http://shinaz.ru/lang.php>, 2013. {Elektronnyj resurs: Selo Šinaz, Rutul'skij rajon. Rutul'skij jazyk // <http://shinaz.ru/lang.php>, 2013.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii* / Otv. red. *Tenišev E. R. M.*, 2002.}

Сулейманов 2003 — *Сулейманов Н. Д.* Агульско-русский (диалектологический) словарь. Махачкала, 2003. {*Sulejmanov N. D. Agul'sko-russkij (dialektologičeskij) slovar'*. Махачкала, 2003.}

Тадинова 2006а — *Тадинова Р. А.* Адаптация некоторых гласных фонем при заимствовании тюркской лексики в северокавказские языки // Вопросы филологии. 2006, 4. С. 51—56. {*Tadinova R. A. Adaptacija nekotoryx glasnyx fonem pri zaimstvovanii t'urkskoj leksiki v severokavkazskie jazyki* // *Voprosy filologii*. 2006, 4. S. 51—56.}

Тадинова 2006б — *Тадинова Р. А.* Именные тюркизмы в северокавказских языках. М., 2006. {*Tadinova R. A. Imennye t'urkizmy v severokavkazskix jazyках*. М., 2006.}

Талибов 1980 — *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. {*Talibov B. B. Sravnitel'naja fonetika lezginских jazykov*. М., 1980.}

Цаболов 2001 — *Цаболов Р. Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. 1. М., 2001. {*Cabolov R. L. Etimologičeskij slovar' kurdsogo jazyka*. Т. 1. М., 2001.}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 1997. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy "K", "Q"* / Red. *Levitskaja L. S. M.*, 1997.}

PTF 1959 — *Philologiae turcicae fundamenta*. Т. 1 / Ed. *Deny J., Grønbech K., Scheel H., Togan Z. V.* Wiesbaden, 1959.

РЕЗЮМЕ

В данной статье проводится попытка систематизировать фонетические изменения, которым подвергается гласная фонема у (переднерядная лабиализованная /ü/) в тюркской лексике, заимствованной в некоторые дагестанские языки. Анализ реализаций тюркских фонем в каждом конкретном кавказском языке или родственной группе языков обнаруживает довольно сложную картину. Оказывается, благодаря сведениям о фонетической адаптации практически в каждом принимающем языке можно выделить лексику, заимствованную из разных тюркских источников.

SUMMARY

The article presents an attempt to systematize the phonetic changes of vowel у (front labial vowel /ü/) in the Turkic words loaned to the North Caucasian languages. The recording and analysis of the reflections of the Turkic phonemes in each of the Caucasian languages or the related language groups reveals a complex picture. It turns out that information about the phonetic adaptation makes possible to single out the vocabulary borrowed from various Turkic sources in almost every language.

Ключевые слова: фонетическая адаптация, тюркские языки, северокавказские языки, система вокализма, фонема

Keywords: phonetic adaptation, the Turkic languages, the North Caucasian languages, vowel system, phoneme

К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона

Во всех уральских языках представлены глагольные конструкции, состоящие из двух или нескольких глагольных компонентов (спрягаемого глагола и отглагольных образований), как например: венг. *látni fogok* ‘буду видеть’, фин. *tulen näkemään* ‘то же’; венг. *láttam volna* ‘я увидел бы’ (прош. вр.), фин. *olisin nähnyt* ‘то же’; венг. *kérve mondja* ‘прося сказать’, фин. *(hän) sanoo pyytäen* ‘(он) говорит / скажет прося’; венг. *kérve kér* ‘умолять’ (букв. ‘прося просить’), фин. *pyytää pyytämistään* ‘то же’; венг. *jön-megy* ‘ходить’ (букв. ‘приходить-уходить’); фин. *ottaa jättää* ‘брать / взять (и) оставить’; венг. *megy-megy* ‘идти медленно, постепенно’ (букв. ‘идти-идти’) и т. д. В связи с наличием подобных конструкций в финно-угорских языках была высказана гипотеза о возможности появления их в отдельно взятых уральских языках или языковых группах под влиянием соседних, генетически не родственных языков. Это обстоятельство заставило меня обратить внимание на такие вопросы, как формирование данных конструкций, их функции, а также их происхождение.

В литературе по финно-угорским языкам и общему языкознанию эти аналитические вербальные конструкции получили разные наименования, например: венг. *összetett ige, páros ige, kettős ige*; фин. *konverbi, konverbirakenne, aspektuaalinen konverbirakenne*; нем. *Konverb, aspektuelle Konverbkonstruktion, Komplexverben*; англ. *serial verbs, verb pairs, pair-verbs, paired verbs*; рус. *парные глаголы, спаренные глаголы, сложные глаголы*. Ситуация с многообразием названий в общих чертах аналогична положению с языковыми явлениями, обозначаемыми данными терминами, т. к. в большинстве случаев речь идет об аналитических вербальных конструкциях (чаще всего сложновербальных), состоящих из компонентов, которые образованы различными способами и имеют различные функции.

Многочисленные обозначения можно систематизировать, на наш взгляд, по следующим понятийным группам: конвербальные, серийные, спаренные, бивербальные, сложные и редуцированные конструкции. Название «спаренные глаголы», по всей вероятности, возникло в русскоязычной лингвистической литературе и попало в отдельные публикации в качестве кальки (благодаря работе М. П. Чхаидзе [Чхаидзе 1967]).

В уральских языках сложные глагольные образования подобного типа рассматриваются в рамках вышеперечисленных понятийных групп:

- 1) конвербальные конструкции — с вербоидом или нефинитной формой, чаще всего с деепричастием (вост.-мар. *šonen pāštem* ~ зап.-мар. *šanen pištem* ‘задумая, замыслю’);
- 2) конструкции типа этимологической фигуры (фин. *puhut puhumistasi* ‘беспрерывно говоришь’);
- 3) конструкции с глаголом ‘делать’ (морд. эрз. *оймсемс-теемс* ‘отдыхать’, букв. ‘отдыхать-делать’);
- 4) конструкции, составленные из семантически близких или родственных глаголов (мар. *кочкаш-й̄уаш* ‘питаться, обедать’, букв. ‘есть-пить’).

В первых трех конструкциях отдельные компоненты доминируют семантически, с синтаксической точки зрения между ними существует подчинительная связь. В четвертой конструкции составляющие как семантически, так и синтаксически равнозначны, т. е. компоненты соединены между собой сочинительной связью, где значения членов образования суммируются.

В течение последних десятилетий почти во всех уральских языках исследователями были обнаружены языковые явления, которые можно отнести к категории сложновербальных образований. В первую очередь здесь следует остановиться на марийском, удмуртском и южносамодийских языках (в данной статье очень кратко), т. к. именно эти языки заставили обратить внимание исследователей уральских языков на данную проблему.

В уральской лингвистической литературе часто господствует мнение, что деепричастные конструкции, являющиеся в основном носителями аспектуальных значений, как видовых, так и значений способов действия (акционсарта), — по крайней мере, в отдельных уральских языках — возникли по образцу аналогичных конструкций в тюркских языках. В данной статье мы останавливаемся на истории конвербальных (или деепричастных) конструкций в финно-угорских языках Волго-Камья.

С научно-исторической точки зрения марийский язык играет ключевую роль в решении данной проблемы, поэтому интерпретацию материала мы начинаем именно с этого языка. Насколько нам известно, Ф. И. Видеман (F. J. Wiedemann) был первым, кто обратил внимание на спаренные глаголы. В связи с ма-

рийским языком он указал, что подобного рода конструкции имеются в монгольских и тюркских языках, и высказал предположение, что в марийский язык деепричастные конструкции попали из соседних тюркских языков [Wiedemann 1847: 123—124].

Марийская конструкция, которую описал Ф. И. Видеман, состоит из деепричастия на *-ын / -ен* и финитного глагола, полностью или частично теряющего свое лексическое значение. В конструкции деепричастие несет лексическое значение, а задача финитного глагола как исполнителя предикативной функции — указывать на подлежащее (число, лицо). Семантически конструкция — это не просто суммирование двух глагольных компонентов, наряду с сохранением доминирующей роли лексического глагола она более или менее модифицируется, иногда в такой степени, что совокупность подобных компонентов можно считать или квалифицировать как словообразование, например: вост.-мар. *šonen pāstem* ~ зап.-мар. *šanen pištem* ‘задумая, замыслю’ (вост.-мар. *šonen* ~ зап.-мар. *šanen* ‘думаю, размышляю’; вост.-мар. *pāstem* ~ зап.-мар. *pištem* ‘положу, кладу’) [Bereczki 1990: 73; Bereczki 2002: 225]; *čoņešten kajaš* ‘улететь’ (букв. ‘лета яйти’) [Bereczki 1984: 312].

Иногда модификация проявляется в том, что два компонента сливаются и даже фонетически приспосабливаются друг к другу, например: вост.-мар. *naŋgajem* ~ зап.-мар. *nāŋem* ‘(я) уношу, унесу’ < вост.-мар. *nalān* + *kajem*, зап.-мар. *nālān* + *kem* ‘беря (взяв, забрав), иду, уйду’ (вост.-мар. *nalām*, зап.-мар. *nālām* ‘(я) беру’; вост.-мар. *kajem*, зап.-мар. *ke(je)m* ‘иду, ухожу, уйду’); вост.-мар. *namijem* ‘(я) приношу, принесу’ < *nalān* ‘взяв, беря’ + *mijem* ‘(я) прихожу, иду туда, приду’ [Веке 1911: 160; Alhoniemi 1993: 222—223].

По мнению Б. А. Серебренникова [Серебренников 1955: 11; Серебренников 1960: 260] и К. Е. Майтинской [Майтинская 1974: 395—396], спаренные глаголы в марийском языке появились под влиянием соседних тюркских языков. Ввиду того, что спаренные глаголы распространены по всей марийской языковой территории, то они должны были быть известны уже в древнемарийском языке. В этот период речь может идти только о чувашском влиянии, поэтому Г. Берецки поддерживает точку зрения Б. А. Серебренникова [Bereczki 2002: 225].

В удмуртском языке конструкция не является такой универсальной, как в марийском [Кельмаков 1975: 95, 104; Тараканов 1981: 444], и поэтому не удивительно, что Ф. И. Видеман не говорит об этом явлении, когда он рассматривает удмуртское деепричастие на *-sa* [Wiedemann 1851: 151—152]. В удмуртском языке конвербальные конструкции известны в основном в южных диалектах [Кельмаков 1975: 90—105], например: удм. кукмор. *lobžisa koškij* ‘улететь’ (букв. ‘лета яйти, уходить’) [Bereczki 1984: 312]; удм. кукмор. *biz'sa koško* ‘убегу’ (букв. ‘бегая уйду’) [Кельмаков 1975: 93]. Общим является мнение, что образование подобной конструкции в удмуртском языке произошло под воздействием соседних тюркских языков [Munkácsi 1883—1884: 154; Веке 1914—1915: 66—68; Серебренников 1955: 11; Серебренников 1960: 260, 265—266; Чхаидзе 1967: 247—259; Майтинская 1974: 395—396; Кельмаков 1975: 104; Исанбаев 1978: 87—88; Тараканов 1981: 444; Kokkonen 2001: 114].

Конструкции спаренных глаголов известны в большинстве южносамодийских языков, например: сельк. (**tüntylä oryhña* >) *tüntyloryhña* ‘приходит, приближается’ (букв. ‘приходя старается’) [ОчСЯ 1980: 257]; кам. *mälla-χāndʰχām, mällāndʰχām* ‘иду’ (букв. ‘странствуя иду’) [Donner 1944: 175]; мат. *нолоптамыямь* ‘выдираю’ < *нолопта* ‘вырвать, взять, вытащить’ + вспомогательный глагол *ми-, мы-* ‘дать, отдать’ [Helimski 1997: 188—192, 305]. Образование конвербальных конструкций в южносамодийских языках исследователи связывают с влиянием тюркских языков [Helimski 1997: 188; Klumpp 2002: 331—332; Künnap 2003: 153].

Е. А. Игушев и В. А. Ляшев подвергают сомнению выводы В. К. Кельмакова, т. к. и в коми языке встречается данная конструкция, например: *пышйöмön мунны* ‘сбежать’ (букв. ‘бегая идти, уйти’) [Игушев, Ляшев 1976: 315].

Единичные примеры встречаются и в мордовском языке, например: морд. эрз. *livtaž tuš* ‘улетел’ (букв. ‘лета ушел’) [Bereczki 1984: 312]. По мнению Г. Берецки, это не является еще доказательством того, что и в мордовском языке существуют конвербальные конструкции, т. к., по его мнению, речь здесь идет о кальках отдельных татарских выражений. Однако о такого рода кальках можно говорить только в том случае, если и в мордовском языке существует конструкция «деепричастие + глагол»; аналогичные конструкции соседних языков могут способствовать лексикализации отдельных выражений вследствие двуязычия.

В отдельных диалектах саамского языка также известна конструкция спаренного глагола, например: *jotē pēd'dat* ‘переселяться’ (букв. ‘переселяясь двинуться’) [Halász 1896: XXXIX].

Не так часто, но все же со спаренными глаголами мы сталкиваемся и в диалектах хантыйского языка, например: вост.-хант. *kōn(t)mjñ mēñ* ‘убежал’ (букв. ‘бегая ушел’) [Karjalainen, Vértes 1964: 291]. В мансийском языке наблюдается ситуация, аналогичная ситуации в хантыйском, например: зап.-манс. *jēkwēm kwän-aštēt* ‘(они) заканчивают танцевать’ (букв. ‘танцуя прекращают’) [Munkácsi, Kálmán 1986: 52].

Подобная конструкция существует и в ненецком языке, например: *сюрмба турць* ‘прибегать’ (букв. ‘бегая приходит / приезжать / прибывать’) [Терещенко 1981: 86]. Так как здесь речь может идти только об очень слабом тюркском влиянии, то в случае остальных самодийских языков следует предположить спонтанное развитие аналогичной структуры.

На наш взгляд, важным является тот факт, что по крайней мере некоторые романские языки используют «настоящие» конвербальные конструкции, в которых за финитной формой глагола-связки следует герундий глагола с лексическим значением. Функцией данной конструкции является выражение одного происходящего в момент речи процесса действия, выраженного лексическим глаголом, например: исп. *estoy escribiendo* [Каракулова 1987: 104], итал. *sto scrivendo* ‘как раз пишу’.

Определение конструкции спаренных глаголов в качестве таковой, вероятно, можно обосновать только тогда, когда семантическое значение финитного глагола теряется и глагол часто используется только для выражения грамматических отношений, т. е. более или менее переходит в статус вспомогательного глагола или модификатора при деепричастии. Пример саамского языка, не имеющего контакта с тюркскими языками, или обско-угорских и ненецкого, незначительно подвергнутых тюркскому влиянию, а также романских, никогда не имевших подобных контактов, однозначно свидетельствует о том, что конвербальная конструкция может развиваться в языках спонтанно.

В случае наличия одинаковых или схожих синтаксических конструкций в неродственных языках принято объяснять их влиянием одного из контактирующих языков на другой, не учитывая при этом возможности внутреннего спонтанного развития в данных языках. По моим наблюдениям, в большинстве случаев мы только тогда сталкиваемся со схожими или одинаковыми конструкциями в соседних языках, если эти языки типологически не чужды *з а и м с т в у ю щ е м у* языку или если конструкция существует, по крайней мере, как маргинальное явление, и, таким образом, данная синтаксическая структура уже *н е з а и м с т в у е т с я* языком.

Конструкция «финитный вспомогательный глагол + нефинитный лексический глагол» является общей как для уральских, так и для индоевропейских языков, поэтому в случае с марийским, удмуртским и южносамодийскими языками речь может идти, самое большее, только о том, что под влиянием контактирующих с ними тюркских языков в аналитических вербальных конструкциях в функции вспомогательных глаголов более или менее обобщились и утвердились некоторые глаголы движения, а также глаголы, связанные с положением тела в пространстве (например, со значениями ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’; см. подробнее: [Kuteva 1999]), и глаголы-связки.

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский	мат. — маторский
венг. — венгерский	морд. — мордовские
исп. — испанский	эрз. — эрзянский
итал. — итальянский	нем. — немецкий
кам. — камасинский	рус. — русский
манс. — мансийский	сельк. — селькупский
зап.-манс. — западномансийские диалекты	удм. — удмуртский
мар. — марийский	кукмор. — кукморский диалект
вост.-мар. — восточномарийские диалекты	фин. — финский
зап.-мар. — западномарийские диалекты	хант. — хантыйский
	вост.-хант. — восточнохантыйские диалекты

Общие

букв. — буквально	прош. вр. — прошедшее время
-------------------	-----------------------------

Литература

Игушев, Ляшев 1976 — *Игушев Е. А., Ляшев В. А.* Рецензия на: Вопросы удмуртского языкознания, вып. III. Ижевск, 1975 // Советское финно-угроведение. 1976, 12. С. 314—316. {*Igušev E. A., L'ašev V. A.* Recenzija na: *Voprosy udmurtskogo jazykoznanija*, vyp. III. Iževsk, 1975 // *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1976, 12. S. 314—316.}

Исанбаев 1978 — *Исанбаев Н. И.* Общее и отличительное в составных глаголах марийского и поволжско-тюркских языков // Вопросы марийского языка / Ред. *Исанбаев Н. И.* Йошкар-Ола, 1978. С. 59—90. {*Isanbaev N. I.* Obščee i otlíčitel'noe v sostavnyx glagolax marijskogo i povolžsko-t'urkskix jazykov // Voprosy marijskogo jazyka / Red. *Isanbaev N. I.* Joškar-Ola, 1978. S. 59—90.}

Каракулова 1987 — *Каракулова М. К.* Удмуртские спаренные глаголы на фоне аналитических конструкций других языков // Тезисы докладов XVII Всесоюзной финно-угорской конференции: Языкознание. Устинов, 1987. С. 104—106. {*Karakulova M. K.* Udmurtskie sparennye glagoly na fone analitičeskix konstrukcij drugix jazykov // Tezisy dokladov XVII Vsesojuznoj finno-ugorskoj konferencii: Jazykoznanie. Ustinov, 1987.}

Кельмаков 1975 — *Кельмаков В. К.* Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3 / Ред. *Вахрушев В. М.* Ижевск, 1975. С. 90—105. {*Kel'makov V. K.* Sparennye glagoly v udmurtskom jazyke (na materiale kukmorskogo dialekta) // Voprosy udmurtskogo jazykoznanija. Vyp. 3 / Red. *Vaxrušev V. M.* Iževsk, 1975. S. 90—105.}

Майтинская 1974 — *Майтинская К. Е.* Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К.* Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 383—396. {*Majtinskaja K. E.* Voprosy sravnitel'nogo sintaksisa finno-ugorskix jazykov // *Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Rédei K.* Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proisxoždenija i razvitija finno-ugorskix jazykov. M., 1974. S. 383—396.}

ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкіна Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980. {*Kuznecova A. I., Xelimsij E. A., Gruškina E. V.* Očerki po sel'lupskomu jazyku: Tazovskij dialekt. T. 1. M., 1980.}

Серебренников 1955 — *Серебренников Б. А.* О взаимодействии языков: Проблема субстрата // Вопросы языкознания. 1955, 1. С. 7—25. {*Serebrennikov B. A.* O vzaimodejstvii jazykov: Problema substrata // Voprosy jazykoznanija. 1955, 1. S. 7—25.}

Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. {*Serebrennikov B. A.* Kategorija vremeni i vida v finno-ugorskix jazykax permskoj i volžskoj grup. M., 1960.}

Тараканов 1981 — *Тараканов И. В.* Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые явления интерференции // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus anno 1975. Pars III / Ed. Ortutay G.* Budapest, 1981. P. 444—449. {*Tarakanov I. V.* Udmurtsko-tatarskie jazykovye kontakty i nekotorye javlenija interferencii // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus anno 1975. Pars III / Ed. Ortutay G.* Budapest, 1981. P. 444—449.}

Терещенко 1981 — *Терещенко Н. М.* Глаголы движения ненецкого языка и основные способы передачи в языке ненцев значений приставочных глаголов русского языка // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 4 / Отв. ред. *Дубровина З. М.* Л., 1981. С. 80—96. {*Tereščenko N. M.* Glagoly dviženija neneckogo jazyka i osnovnye sposoby peredači v jazyke nencev značenij pristavočnyx glagolov russkogo jazyka // Voprosy finno-ugorskoj filologii. Vyp. 4 / Otv. red. *Dubrovina Z. M.* L., 1981. S. 80—96.}

Чхаидзе 1967 — *Чхаидзе М. П.* О происхождении и функциях марийских и удмуртских спаренных глаголов // Вопросы финно-угроведения. Вып. 4 / Ред. *Алатырев В. И.* Ижевск, 1967. С. 247—259. {*Čxaidze M. P.* O proisxoždenii i funkcijax marijskix i udmurtskix sparennux glagolov // Voprosy finno-ugrovedenija. Vyp. 4 / Red. *Alatyrev V. I.* Iževsk, 1967. S. 247—259.}

Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari): Mit Texten und Glossar. Hamburg, 1993.

Beke 1911 — *Beke Ö.* Cseremisz nyelvtan. (= Finnugor Füzetek, 16.) Budapest, 1911.

Beke 1914—1915 — *Beke Ö.* Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // *Keleti Szemle.* 1914—1915, 15. S. 1—77.

Bereczki 1984 — *Bereczki G.* Die Beziehungen zwischen den finnougriischen und türkischen Sprachen im Wolga-Kama-Gebiet // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1984, 86. S. 307—314.

Bereczki 1990 — *Bereczki G.* Chrestomathia Ceremissica. Budapest, 1990.

Bereczki 2002 — *Bereczki G.* A cseremisz nyelv történeti alakzata: Studies in Linguistics of the Volga Region. Suppl. I. Debrecen, 2002.

Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und der Hauptzügen der Grammatik / Bearb. und hrsg. von *Joki A. J.* (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 8.) Helsinki, 1944.

Halász 1896 — *Halász I.* Pite lappmarki szótár és nyelvtan: Rövid karesuandoi lapp szójegyzékkel. (= Svéd-lapp nyelv, 6.) Budapest, 1896.

Helinski 1997 — *Helinski E.* Die Matorische Sprache: Wörterbuch — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. (= Studia Uralo-Altaica, 41.) Szeged, 1997.

Karjalainen, Vértes 1964 — *Karjalainen K. F., Vértes E.* Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 128.) Helsinki, 1964.

Klumpp 2002 — *Klumpp G.* Konverbkonstruktionen im Kamassischen. (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 58.) Wiesbaden, 2002.

Kokkonen 2001 — *Kokkonen P.* A comparison of Komi serial verbs with those in Udmurt and Volgaic // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum (7—13.08.2000, Tartu). Pars V. Dissertationes sectionem: Linguistica — II / Ed. Seilenthal T.* Tartu, 2001. P. 113—120.

Kuteva 1999 — *Kuteva T.* On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxiliation // *Linguistics*. 1999, 37. P. 191—213.

Künnap 2003 — *Künnap A.* Gerson Klumpp. Konverbkonstruktionen im Kamassischen // *Linguistica Uralica*. 2003, 39. S. 152—153.

Munkácsi 1883—1884 — *Munkácsi B.* Votják nyelv tanulmányok // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1883—1884, 18. O. 428—447.

Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.

Wiedemann 1847 — *Wiedemann F. J.* Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Reval, 1847.

Wiedemann 1851 — *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851.

РЕЗЮМЕ

Объектом исследования в данной статье стали конструкции со спаренными глаголами в финно-угорских языках Волжско-Камского региона (в сопоставлении с подобными конструкциями в самодийских языках). Автор аргументирует точку зрения о самостоятельном и спонтанном развитии данных конструкций в уральских языках, о том, что их появлению также благоприятствовали контакты с тюркскими языками.

SUMMARY

Constructions with serial verbs (verb pairs, pair-verbs, paired verbs) in the Finno-Ugric languages of the Volga-Kama region (in comparison with ones in the Samoyedic languages) are dealt with in the article. The author proves the point of view about independent and spontaneous development of serial verbs in the Uralic languages, also favoured by contacts with the Turkic languages.

Ключевые слова: спаренные глаголы, сериальные конструкции, языковые контакты, финно-угорские языки, самодийские языки

Keywords: serial verbs (verb pairs, pair-verbs, paired verbs), serial verb constructions, language contacts, the Finno-Ugric languages, the Samoyedic languages

Отражение прафинно-пермских конечных гласных второго слога в эрзянском языке

Введение

В финно-угорском праязыке и финно-пермском праязыке, являющемся его продолжением после отделения угорской ветви, корни значимых слов были обычно двусложными. Второй слог всегда был открытым, т. е. оканчивался на один из трех допустимых гласных, которыми могли быть широкие **a* и **ä* или узкий **i*. При этом гласные **a* и **ä* в нем не были фонематически противопоставлены, т. к. находились в отношении дополнительной дистрибуции согласно правилу сингармонизма: фонетически относящийся к заднему ряду **a* употреблялся после задних гласных первого слога, а относящийся к переднему ряду **ä* — после передних. Узкий гласный, который мы вслед за некоторыми другими авторами [Sammallahti 1988; Reshetnikov, Zhivlov 2011; Kallio 2012] представляем здесь как **i*, чаще реконструируется в виде **e*, однако это традиционное решение менее вероятно с точки зрения типологии вокалических систем. О том, что это скорее был **i*, свидетельствует и часто встречающееся опередняющее влияние, которое он оказывал на развитие гласных первого слога.

В угорских, пермских и марийском языках находящиеся в конечной позиции праязыковые гласные второго слога почти везде отпали, оставив лишь незначительные следы. Более устойчивыми они оказались в прибалтийско-финской, саамской и мордовской ветвях финно-угорского единства. И если в наиболее консервативных в этом отношении языках — финском и норвежско-саамском — они сохранились лишь с незначительными перестройками, то в мордовских языках положение оказывается значительно сложнее. В них праязыковые конечные гласные сохраняются, хотя бы в фонетически трансформированном виде, только в части случаев, а в другой части исчезают.

Вопрос об условиях их сохранения и исчезновения неоднократно исследовался [Genetz 1895: 15; ОФУЯ 1974: 193—194; Bereczki 1988: 322], но выявленные до сих пор в этой области закономерности действуют крайне избирательно и допускают огромное количество исключений. Мы полагаем, что причиной этого является недостаточное соответствие прафинно-пермской вокалической реконструкции Э. Итконена, из которой традиционно пытаются вывести мордовские гласные, праязыковой действительности, т. к. она явно чрезмерно опирается на вокализм современных прибалтийско-финских языков в ущерб учету восточных финно-угорских материалов [Понарядов 2012]. Появление прафинно-пермской реконструкции, более сбалансированной в опоре на данные различных ветвей [Понарядов forthc.], позволяет объяснить мордовский ауслатный вокализм более продуктивно.

Установлено, что развитие гласных первого слога в финно-пермских языках часто, хотя и не всегда, зависит от праязыковых гласных второго слога. В наибольшей мере такая зависимость имеет место в пермских языках, в наименьшей — в прибалтийско-финских. Нормальные отражения праязыкового вокализма первого слога для финского, эрзянского, лугового марийского и коми-зырянского языков демонстрирует представленная ниже таблица [Понарядов forthc.].

гласный	позиция		фин.	эрз.	л. мар.	к.-з.
<i>*a</i>	в <i>a</i> -основах		<i>a</i>	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>u</i>
	в <i>i</i> -основах	в открытом слоге	<i>uo</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>
		в закрытом слоге	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>a</i>
<i>*o</i>	в <i>a</i> -основах		<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
	в <i>i</i> -основах	в открытом слоге	<i>uo</i>	<i>a</i>	<i>ö</i>	<i>e</i>
		в закрытом слоге	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>a</i>
<i>*u</i>	в <i>a</i> -основах		<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>i</i>
	в <i>i</i> -основах	в открытом слоге	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>i</i>
		в закрытом слоге	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>e</i>
<i>*ä</i>	в <i>ä</i> -основах		<i>ä</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
	в <i>i</i> -основах	в открытом слоге	<i>ie</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>i</i>
		в закрытом слоге	<i>ä</i>	<i>e</i>	<i>ä</i>	<i>e</i>

гласный	позиция	фин.	эрз.	л. мар.	к.-з.
*e	в <i>ä</i> -основах	e	i	ï	o
	в <i>i</i> -основах	e	e	ï	o
*i	в <i>ä</i> -основах	i	o	u	e
	в <i>i</i> -основах	i	e	i, ï	i
*ï	в <i>ä</i> -основах	y	e	ï	e
	в <i>i</i> -основах	y	e	ï	i

Рефлексация конечных гласных в мордовских языках зависит, в свою очередь, от гласных первого слога, а также от того, один или два согласных предшествовали в праязыке конечному гласному. Ниже для эрзянского языка анализируется развитие в словах, для которых удается надежно восстановить прафинно-пермский вокализм как первого, так и второго слогов.

1. Отражение в эрзянском языке прафинно-пермского конечного гласного *a

После *a первого слога во втором слоге нормально ФП *a > эрз. o, кроме позиции после l, где конечный гласный обычно утрачивается.

ФП	эрз.	перевод
*ala	alo	‘низ’
*ama	amol'a-	‘вычерпывать’
*amta	ando-	‘давать’
*jaka	javo-	‘делить’
*kad'a	kado-	‘оставаться’
*kakta	kavto	‘два’
*kala	kal	‘рыба’
*kanta	kando-	‘нести’
*maksa	makso	‘печень’
*pala	pal	‘кусочек (только о продуктах)’
*pal'a	palo-	‘гореть; мерзнуть (о частях тела)’
*para	paro	‘хороший’
*sala	sala-	‘красть’
*šata	šado	‘сто’
*wala	val	‘слово’
*wana	vano-	‘смотреть, наблюдать; охранять’
*wasa	vaz	‘теленочек’

После *o первого слога во втором слоге в большинстве случаев ФП *a > эрз. o.

ФП	эрз.	перевод
*kočka	kućkan	‘орел’
*kota	kudo	‘дом’
*kolma	kolmo	‘три’
*kopa	kuvo	‘корка’
*oča	učo-	‘ждать’
*ода-мз	udoma	‘сон’
*oja	uje-	‘плыть’
*omta	undo	‘дупло’
*ora	uro	‘шило’
*ora	ur	‘белка’
*pola	pulo	‘хвост’
*šodka	šulgo	‘вид утки’
*šoka	šuva	‘мякина’
*šokćaj	suvožej	‘глухарь’
*tola	tulo	‘клин’

После **u* первого слога во втором слоге всегда ФП **a* > эрз. *a*.

ФП	эрз.	перевод
* <i>kuma</i>	<i>koma-</i>	‘нагибаться’
* <i>miδz</i> (* <i>miδ'z</i>)	<i>moda</i>	‘почва, земля’
* <i>pupa</i>	<i>pona-</i>	‘вить, плести’
* <i>sula</i>	<i>sola-</i>	‘таять’
* <i>tulka</i>	<i>tolga</i>	‘перо’
* <i>turpa</i>	<i>turva</i>	‘губа’

2. Отражение в эрзянском языке прафинно-пермского конечного гласного **ä*

После **ä* первого слога во втором слоге ФП **ä* > эрз. *e* в позиции следования за сочетанием согласных, но после одиночного согласного происходит утрата гласного.

ФП	эрз.	перевод
* <i>čänčä</i>	<i>šenže</i>	‘утка’
* <i>kärä</i>	<i>kerksa-</i>	‘нанизывать’
* <i>kämä</i>	<i>kem</i>	‘сапог’
* <i>pälä</i>	<i>pel'</i>	‘половина’
* <i>säppä</i>	<i>sepe</i>	‘желчь’
* <i>säksä</i>	<i>seks</i>	‘грязный’
* <i>tälwä</i>	<i>t'el'e</i>	‘зима’
* <i>wäsä</i>	<i>vežeñs</i>	‘младший’

После **e* первого слога во втором слоге всегда ФП **ä* > эрз. *e*.

ФП	эрз.	перевод
* <i>enä</i>	<i>iñe</i>	‘великий, большой’
* <i>ertä</i>	<i>ird'ez</i>	‘ребро’
* <i>kečä</i>	<i>kičke're</i>	‘кривой’
* <i>kerä</i>	<i>ki're</i>	‘клубок’
* <i>kesä</i>	<i>kize</i>	‘лето’
* <i>lešmä</i>	<i>l'išme</i>	‘лошадь’
* <i>melä</i>	<i>mil'e</i>	‘весло’
* <i>mertä</i>	<i>mir'd'e</i>	‘муж, супруг’
* <i>ñeljä</i>	<i>ñil'e</i>	‘четыре’
* <i>penä</i>	<i>piñe</i>	‘собака’
* <i>pe(n)čä</i>	<i>piče</i>	‘сосна’
* <i>perä</i>	<i>pi're</i>	‘огород; хлев’
* <i>pesä</i>	<i>pize</i>	‘гнездо’
* <i>repä-čz</i>	<i>rivež</i>	‘лиса’
* <i>šepä</i>	<i>šive</i>	‘ворот, воротник’
* <i>teškä</i>	<i>t'ikše</i>	‘трава’

После **i* первого слога во втором слоге наблюдается расщепление рефлексов ФП **ä* > эрз. *a*, *o*, причем не удается обнаружить условия, определяющие двойственную рефлексацию.

ФП	эрз.	перевод
* <i>isä</i>	<i>oza-</i>	‘сесть’
* <i>išä</i>	<i>oža</i>	‘рукав’
* <i>(j)iša</i>	<i>jožo</i>	‘поверхность’
* <i>kičkä</i>	<i>kočko-</i>	‘прополоть’
* <i>ñilä</i>	<i>nolaža</i>	‘скользкий’
* <i>pičla</i>	<i>pižol</i>	‘рябина’
* <i>sitä</i>	<i>sodo-</i>	‘повесить, привязать’
* <i>šiñä</i>	<i>čova-</i>	‘точить, тереть’
* <i>wiša</i>	<i>ožo</i>	‘желтый’

После **ü* первого слога нормальными, по-видимому, являются развитие во втором слоге ФП **ä* > эрз. *e* в позиции следования за сочетанием согласных и утрата после одиночного согласного.

ФП	эрз.	перевод
* <i>kürtä</i>	<i>kšni</i>	‘железо’
* <i>lümä</i>	<i>l'em</i>	‘болячка, струп’
* <i>ñüktä</i>	<i>ñevt'a-</i>	‘щипать, терebить’
* <i>südüami</i>	<i>šed'ej</i>	‘сердце’
* <i>sülkä</i>	<i>šel'ge-</i>	‘плевать’
* <i>üktä</i>	<i>vejke</i>	‘один’
* <i>wüdü</i>	<i>vedrekš</i>	‘телка’

3. Отражение в эрзянском языке прафинно-пермского конечного гласного **i*

После **a* первого слога во втором слоге наблюдается расщепление рефлексов ФП **i* > эрз. *a*, *o* без видимой системы.

ФП	эрз.	перевод
* <i>kali</i>	<i>kulo-</i>	‘умирать’
* <i>lappi</i>	<i>lapuža</i>	‘плоский’
* <i>ñali</i>	<i>nola-</i>	‘лизать’
* <i>parimz</i>	<i>puromo</i>	‘слепень’
* <i>šali</i>	<i>šulo</i>	‘кишка’
* <i>šalki</i>	<i>šalgo-</i>	‘шест’
* <i>tappi</i>	<i>tapa-</i>	‘топтать’

После **o* первого слога во втором слоге всегда ФП **i* > эрз. *o* в позиции следования за сочетанием согласных, но после одиночного согласного так же последовательно наблюдается утрата гласного.

ФП	эрз.	перевод
* <i>š'omi</i>	<i>l'om</i>	‘черемуха’
* <i>komri</i>	<i>komoro</i>	‘горсть’
* <i>kori</i>	<i>kar'</i>	‘лапоть’
* <i>kowti</i>	<i>koto</i>	‘шесть’
* <i>ñoli</i>	<i>nal</i>	‘стрела’
* <i>olki</i>	<i>olgo</i>	‘соломинка’
* <i>soli</i>	<i>sal</i>	‘соль’
* <i>soni</i>	<i>san</i>	‘жила’
* <i>šomi</i>	<i>šav</i>	‘ость (колоса), кость (рыбья)’
* <i>woli</i>	<i>vala-</i>	‘строгать’
* <i>wori</i>	<i>vír</i>	‘гора, лес’

После **u* первого слога во втором слоге в позиции абсолютного конца слова вслед за одиночным согласным гласный в основном отпадает; примеры для других условий немногочисленны и бессистемно показывают разную рефлексацию в виде эрз. *a*, *e*, *o*, вследствие чего какие-либо выводы о нормальном развитии здесь сделать затруднительно.

ФП	эрз.	перевод
* <i>kuli</i>	<i>kol'ge-</i>	‘капать, течь, протекать’
* <i>kuwsi</i>	<i>kuz</i>	‘ель’
* <i>luki</i>	<i>lovo-</i>	‘считать’
* <i>lumi</i>	<i>lov</i>	‘снег’
* <i>puri</i>	<i>pore-</i>	‘грызть’
* <i>tuli</i>	<i>tol</i>	‘огонь’
* <i>tumpi</i>	<i>tomba-</i>	‘ушибить; мять, толочь’
* <i>tuni</i>	<i>tonado-</i>	‘учиться’
* <i>uni</i>	<i>on</i>	‘сон, сновидение’
* <i>utri</i>	<i>odar</i>	‘вымя’
* <i>wuδ'i</i>	<i>od</i>	‘новый’

После *ä первого слога во втором слоге в позиции абсолютного конца слова нормальной является утрата гласного; после двух согласных, в глагольных основах и иногда перед словообразовательными суффиксами наблюдается переход ФП *i > эрз. e.

ФП	эрз.	перевод
*jäšni	ežne	‘сустав’
*käli	kel'	‘язык’
*käri(-kз)	ke'gata	‘вид дятла’
*lämi	l'em	‘сало, жир’
*mäli	mel'	‘желание, мнение, смысл’
*mäni	me'ne-	‘освобождаться’
*näri	ne'	‘рыло; клюв; острие’
*näli	ni'l'e-	‘проглатывать’
*päli	pel'	‘половина; часть’
*säwni	se'nej	‘сом’
*täwi	t'ewel'av	‘легкие’

После *e первого слога наблюдается то же самое развитие, что и после *ä.

ФП	эрз.	перевод
*ked'i	ked'	‘кожа, шкура, пленка’
*keli	kel'ge-	‘помещаться’
*keri	ke'	‘кожура, кора’
*lemši	l'evš	‘мочало’
*leppi	l'epe	‘ольха’
*mekši	mekš	‘пчела’
*meti	med'	‘мед’
*peli	pel'e-	‘бояться’
*peni	pi'ne	‘собака’
*pesi	peze-	‘мыть’
*petkilz	pet'kel'	‘пест; ось’
*seti	šed'	‘уголь’
*teki	t'eje-	‘делать’
*weni	ve'nete-	‘вытянуться, выпрямиться’
*veni-šz	venč	‘лодка’
*weti	ved'	‘вода’

После *i первого слога развитие аналогично рефлексии после *ä и *e.

ФП	эрз.	перевод
*ici ~ *iši	eš	‘свой’
*kiwi	kev	‘камень’
*nimi	l'em	‘имя’
*nijni	l'enge	‘лыко’
*niki	nej	‘уже’
*niđi (*niđ'i)	ned'a-	‘нанизать, насадить’
*pilwi	pel'	‘облако’
*piji	pej	‘зуб’
*piti	ped'a-	‘прилипнуть, пристать’
*sini	señ	‘синий’
*siri	se'rej	‘высокий’
*šiji-lz	šejel'	‘ёж’
*šiki	šejed'e	‘частый’
*šilmi	šel'me	‘глаз’
*wijti	vet'e	‘пять’
*wiñi	ve'neža	‘отлогий’
*wiri	ve'	‘кровь’

После **ü* первого слога развитие такое же, как после **ä*, **e*, **i*.

ФП	эрз.	перевод
* <i>külmi</i>	<i>kel'me</i>	‘холод; холодный’
* <i>künči</i>	<i>kenže</i>	‘ноготь, коготь’
* <i>müji</i>	<i>mejel'</i>	‘последний’
* <i>nülki</i>	<i>nel'ge-</i>	‘отнять, отобрать’
* <i>süli</i>	<i>sel'</i>	‘обхват, сажень’
* <i>šüd'z</i>	<i>šed'</i>	‘уголь’
* <i>šül'kz</i>	<i>šel'ge</i>	‘плевок’
* <i>wüli</i>	<i>vel'ks</i>	‘верх’

Заключение

Полученные результаты обобщены в представленной ниже таблице. Через запятую приводятся эрзянские рефлексy, различающиеся в позициях после сочетания согласных и одиночного согласного, а через косую черту — расщепленные рефлексy с неясными условиями распределения.

ФП гласный первого слога	развитие ФП * <i>a</i> и * <i>ä</i> второго слога	развитие ФП * <i>i</i> второго слога
* <i>a</i>	<i>o, Ø</i>	<i>a/o</i>
* <i>o</i>	<i>o</i>	<i>o, Ø</i>
* <i>u</i>	<i>a</i>	<i>a/e/o, Ø</i>
* <i>ä</i>	<i>e, Ø</i>	<i>e, Ø</i>
* <i>e</i>	<i>e</i>	<i>e, Ø</i>
* <i>i</i>	<i>a/o</i>	<i>e, Ø</i>
* <i>ü</i>	<i>e, Ø</i>	<i>e, Ø</i>

Эрзянский язык частично утрачивает этимологический конечный **a* только после **a* первого слога и этимологический конечный **ä* — только после **ä* и **ü*. Этимологический конечный **i* частично исчезает после **o*, **u*, **ä*, **e*, **i* и **ü*, т. е. после всех гласных первого слога, кроме **a*. Утрата, если она имеет место, обычно наблюдается в позиции абсолютного конца слова после одиночного согласного. После сочетаний согласных исчезновения конечных гласных не происходит, хотя в качественном отношении их развитие не всегда предсказуемо.

Таким образом, эрзянский язык может служить важным источником для реконструкции древних финно-угорских гласных второго слога. Он дает для нее меньше данных, чем давно привлекаемые для этого прибалтийско-финские и саамские языки, но, очевидно, много больше, чем марийский и пермские, где следы былого различия праязыковых конечных гласных сохраняются только в единичных случаях.

Сокращения

к.-з. — коми-зырянский	ФП — финно-пермский
л. мар. — луговой марийский	эрз. — эрзянский
фин. — финский	

Литература

ОФУЯ 1974 — Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. {Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Rédei K. Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proisxoždenija i razvitija finno-ugorskix jazykov. M., 1974.}

Понарядов 2012 — Понарядов В. В. Насколько достоверны современные реконструкции прафинно-пермского вокализма? // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 3 (8). Сыктывкар, 2012. С. 78—91. {Ponar'adov V. V. Naskol'ko dostoverny sovremennye rekonstrukcii prafinno-permskogo vokalizma? // Voprosy finno-ugorskoj filologii. Vyp. 3 (8). Syktyvkar, 2012. S. 78—91.}

Понарядов forthc. — *Понарядов В. В.* О финно-пермском вокализме // Вопросы уралоистики — 2012. СПб., в печати. {*Ponar'adov V. V.* O finno-permskom vokalizme // *Voprosy uralistiki* — 2012. SPb., v pečati.}

Bereczki 1988 — *Bereczki G.* Geschichte der wolgafinnischen Sprachen // *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences* / Ed. *Sinor D.* Leiden, 1988. P. 314—350.

Genetz 1895 — *Genetz A.* Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi- ja useampitavuisissa sanoissa. Helsingfors, 1895.

Kallio 2012 — *Kallio P.* The non-initial-syllable vowel reductions from Proto-Uralic to Proto-Finnic // *Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012* (MSFOu, 264). Helsinki, 2012. P. 163—175.

Reshetnikov, Zhivlov 2011 — *Reshetnikov K., Zhivlov M.* Studies in Uralic vocalism II: Reflexes of Proto-Uralic *a in Samoyed, Mansi and Permic // *Journal of Language Relationship*. 2011, 5. P. 96—109.

Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric and Permic // *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences* / Ed. *Sinor D.* Leiden, 1988. P. 478—554.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется развитие прафинно-пермских конечных гласных в эрзянском языке. В ней показано, что этимологический конечный *a частично утрачивается только после *a первого слога, а этимологический конечный *ä — только после *ä и *ü; этимологический конечный *i частично исчезает после *o, *u, *ä, *e, *i и *ü, т. е. после всех гласных первого слога, кроме *a.

SUMMARY

The article investigates the development of Proto-Finno-Permic final vowels in the Erzya language. It is demonstrated that disappearance of the etymological final *a occurs only after *a of the first syllable, and dropping of the etymological final *ä is found only after *ä and *ü. The etymological final *i partially disappears after *o, *u, *ä, *e, *i and *ü, i. e. after all vowels of the first syllable except *a.

Ключевые слова: эрзянский язык, мордовские языки, финно-пермский праязык (прафинно-пермский язык), гласные, рефлексация

Keywords: the Erzya language, the Mordvin languages, Proto-Finno-Permic, vowels, reflection

К вопросу об эрзянском вокализме второго слога

В статье В. В. Понарядова «Отражение прафинно-пермских конечных гласных второго слога в эрзянском языке» предпринята попытка решить проблему отражения праязыкового вокализма непервого слога в мордовских языках (автор рассматривает только эрзянский, как более консервативный в этом отношении язык).

Большой заслугой автора является уже сама постановка проблемы: в финно-угроведении традиционно принято объяснять отклоняющиеся от ожидаемых мордовские рефлексии гласных непервого слога «спорадическими изменениями» или просто игнорировать их. Такой подход противоречит общепринятому вне уралистики пониманию сравнительно-исторического метода. Как известно, сравнительно-исторический метод, основанный на постулате регулярности фонетических изменений, успешно применяется не только в индоевропеистике, но и в исследовании множества других языковых семей: австронезийской, банту, алгонкинской, атапаскской и др. Нет никаких оснований считать, что для компаративистского изучения уральских языков необходимо вносить какие-либо коррективы в сравнительно-исторический метод или смягчать его требования. Поэтому можно только приветствовать появление работы В. В. Понарядова, написанной со строго младограмматических позиций. Автор, несомненно, прав в том, что прафинно-пермская реконструкция Э. Итконена, фактически построенная на данных финского как «ключевого языка», должна быть пересмотрена с целью большего соответствия пермским, марийским и мордовским данным.

Тем не менее, в обсуждаемой статье имеются недостатки как частного, так и общего характера, на которых мы и остановимся.

Автор пишет, что «гласные **a* и **ä* (...) не были фонематически противопоставлены, т. к. находились в отношении дополнительной дистрибуции согласно правилу сингармонизма: фонетически относящийся к заднему ряду **a* употреблялся после задних гласных первого слога, а относящийся к переднему ряду **ä* — после передних». Неясно, как автор объясняет отраженное в прибалтийско-финских языках противопоставление **a* и **ä* после **i* первого слога, ср. фин. *ilma* ‘воздух’ vs. *silmä* ‘глаз’. Более того, в тексте самой статьи имеются такие реконструкции, как **išä* и **wiša*, напрямую противоречащие процитированной формулировке.

Согласно выводам автора, «после **a* первого слога во втором слоге нормально ФП **a* > эрз. *o*, кроме позиции после *l*, где конечный гласный обычно утрачивается». При принятии такой формулировки необъясненными остаются не только приведенные автором примеры (ФП **sala* > эрз. *sala-* ‘красть’, ФП **wasa* > эрз. *vaz* ‘теленоч’), но и ряд отсутствующих в статье примеров: ФП **kara* > эрз. *kara-* ‘копать’ [UEW: 221], ФП **jaŋša-* > эрз. *jaža-* ‘молоть’ [UEW: 631], ФП **waja* > эрз. *vaja-* ‘утонуть’ [UEW: 551], ФП **waksa* > эрз. *vaks* ‘пядь’ [UEW: 811], ФП **čappa* > эрз. *čapavto-* ‘(за)квасить’, *čapamo* ‘кислый; горький’ [UEW: 54], ФП **kalma* > эрз. *kalma-* ‘похоронить’, *kalmo* ‘могила’ [UEW: 119], ФП **marja* > эрз. *-mar* ‘ягода’ [UEW: 264], ФП **pakša* > эрз. *pakš* ‘пучок’ [UEW: 350], ФП **wačka* > эрз. *vačka-* ‘сложить вместе’ [UEW: 548], ФП **watka* > эрз. *vatka-* ‘очистить (например, картофель)’ [UEW: 561].

Наиболее серьезная претензия к обсуждаемой работе, однако, состоит в том, что в ней не учитываются данные синхронной морфонологии эрзянского языка, в достаточной мере отраженные, например, в «Эрзянско-русском словаре» под редакцией Б. А. Серебренникова и др. [ЭРС 1993]. Эта претензия, впрочем, должна быть переадресована сравнительно-историческому финно-угроведению в целом — за исключением книги Д. В. Бубриха «Историческая грамматика эрзянского языка» [Бубрих 1953] нам не известны работы, где достаточно сложная морфонология мордовских языков анализировалась бы со сравнительно-исторической точки зрения.

Эрзянский язык имеет три главных типа именных и глагольных основ (исключая основы на *-i*, возникшие при стяжении гласного с последующим **j* [Бубрих 1953: 12]): 1) основы на *-a*, 2) основы на *-o* и основы на *-e* (практически дополнительно распределенные друг с другом по ряду гласного первого слога и палатализованности инлаутного согласного), 3) консонантные основы. *A*-основы всегда сохраняют гласный *a* при склонении и спряжении, то же можно сказать и об основах на *-o* и *-e*. Поведение консонантных основ проще описать, если разделить их на три группы: 1) глагольные основы, 2) именные основы с исходом на одиночный согласный (кроме согласных *-p*, *-t*, *-k*, происходящих из старых геминат) или на кластеры *-ks* и *-kš*, 3) именные основы с исходом на любой кластер, кроме *-ks* и *-kš* или на согласные *-p*, *-t*, *-k*.

В части глагольных форм консонантная основа сохраняется (например, в форме 3-го лица прошедшего времени на *-ś*), в других формах основа получает вставной гласный *-e-/-o-* (например, в инфинитиве на *-ms*). Таким образом, инфинитив от консонантных основ и от основ на *-o-/-e-* выглядит одинаково. Ср. инфинитивы глаголов с консонантной основой *kad-oms* ‘оставить’, *pal-oms* ‘гореть’ и глаголов с основой на *-o-* *udo-ms* ‘спать’, *kulo-ms* ‘умереть’, а также 3-е лицо прошедшего времени от этих глаголов: *kad-ś*, *pal-ś*, но *udo-ś*, *kulo-ś*. Принятая в [UEW] и других этимологических работах (и вслед за ними и в статье В. В. Понарядова) практика записи консонантных основ со вставным гласным (как если бы он был неотъемлемой частью основы) приводит к потере значимой морфонологической информации. Так, приведенные выше основы цитируются в [UEW] как *kado-*, *palo-*, *udo-* и *kulo-*.

Именные основы с исходом на одиночный согласный (кроме согласных *-p*, *-t*, *-k*) или на кластеры *-ks* и *-kš* сохраняют исход на согласный в словарной форме (номинативе единственного числа), хотя и получают вставной *-o-/-e-* перед некоторыми окончаниями. Поэтому такие основы отличаются от основ на *-o-/-e-* и в подаче, принятой в [UEW]: ср. *vaks* ‘пядь’ (мн. ч. *vaks-t*) и *makso* ‘печень’ (мн. ч. *makso-t*).

Именные консонантные основы с исходом на любой кластер, кроме *-ks* и *-kš* или на согласные *-p*, *-t*, *-k* в словарной форме (номинативе единственного числа) автоматически добавляют конечный гласный *-o* или *-e*. Однако их легко отличить от основ на *-o-/-e-* по форме множественного числа: ср. *undo* ‘дупло’ (мн. ч. *und-t*) и *tundo* ‘весна’ (мн. ч. *tundo-t*), *pango* ‘гриб’ (мн. ч. *pang-t*) и *pongo* ‘пазуха’ (мн. ч. *pongo-t*), *śardo* ‘лось’ (мн. ч. *śard-t*) и *kardo* ‘хлев’ (мн. ч. *kardo-t*). В мокшанском языке консонантные основы и основы на редуцированный гласный (соответствующие эрзянским основам на *-o-/-e-*) в данном подтипе за редчайшими исключениями перераспределились по качеству инлаутного кластера: слова с кластерами, кончающимися на смычный или аффрикату, относятся к консонантным основам, а с остальными кластерами — к основам на редуцированный. Таким образом, мокшанские данные здесь нерелевантны для реконструкции.

Принятая автором вслед за [UEW] подача материала неадекватно отражает эрзянскую систему именных и глагольных основ и приводит к потере значимой для реконструкции информации.

Сокращения

мн. ч. — множественное число
фин. — финский

ФП — финно-пермский
эрз. — эрзянский

Литература

Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. {*Bubrix D. V. Istoričeskaja grammatika erz'anskogo jazyka. Saransk, 1953.*}

ЭРС 1993 — Эрзянско-русский словарь / Ред. Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. М., 1993. {*Erz'ansko-russkij slovar' / Red. Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. M., 1993.*}

UEW — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

В данной заметке отмечается важность проблемы, затронутой в статье В. В. Понарядова «Отражение прафинно-пермских конечных гласных второго слога в эрзянском языке», а также указывается на некоторые недостатки этой работы: как общего, так и частного характера.

SUMMARY

The author of the article notes the importance of the problem, that Vadim Ponaryadov deals with in the article “Reflection of the Proto-Permic final vowels of the second syllable in Erzya”. The author also pays attention to general and particular disadvantages of this work.

Ключевые слова: эрзянский язык, мордовские языки, финно-пермский праязык (прафинно-пермский язык), гласные, рефлексация

Keywords: the Erzya language, the Mordvin languages, Proto-Finno-Permic, vowels, reflection

**Борис Исакович Татаринцев
(октябрь 1939 — январь 2011)**

Вот уже три года, как нет с нами выдающегося тюрколога-тувиноведа Бориса Исаковича Татаринцева (13 октября 1939 — 25 января 2011). Трагизм его протяженного, но не очень-то и длительного ухода — всего три с небольшим года — состоял в том, что при болезни Паркинсона, которая ему была диагностирована в 2007 г. (видимо, с большим запозданием), человек ослабевает физически, появляются быстрая утомляемость и апатия, но при этом до самого конца сохраняется интеллект. Ум ясно видит предательство своего организма. Для любого человека это тяжело, но для трудоголика, каким всю жизнь был Борис Исакович, — это почти невыносимо.

И все же, преодолевая недостатки своего состояния, он стремился работать и работал, желая «дотянуть» еще один — пятый, но, увы, не последний! — том «Этимологического словаря тувинского языка» [ЭСТувЯ]. Супруга Бориса Исаковича, Маргарита Петровна, с которой они счастливо и дружно прожили в браке 48 лет и которая всегда (а особенно в период нарастания болезни) помогала ученому, была его секретарем, делопроизводителем, машинисткой и медсестрой, в ответ на запрос Российского комитета тюркологов о состоянии дел со словарем писала, что для пятого тома остались нерасписанными в статьи 50 карточек. Всего-то! Для здоровых людей — это мизер. Но вот уже три года вокруг этого важнейшего для тувинской филологии долговременного проекта нет никакого движения...

Б. И. Татаринцев родился в Северном Казахстане, в Петропавловске, но среднюю школу, университет и аспирантуру при Академии наук окончил в Новосибирске. При обсуждении с научным руководителем, Е. И. Убрятовой, был определен главный вектор исследований — тувинский язык; погружение в сложную материю было выбрано благоразумно осторожно — лексика: есть твердая опора на словари и тексты, а также возможность проконсультироваться с носителями языка. Усидчивость, упорные занятия тувинским и монгольским языками, а потому в 1968 г. (уже через четыре года после поступления в аспирантуру) — успешная защита кандидатской диссертации «Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка» [Татаринцев 1968]. Естественно, что Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) с удовольствием принял в свои ряды 29-летнего кандидата наук.

С первых же лет работы в Туве (Республике Тыва) Б. И. Татаринцев старался расширить и углубить свои познания в тувинском языке изучением его диалектов и исторических данных о нем. В 1973 г. он опубликовал свой анализ материалов по «сойотскому и карагасскому» диалектам, материалов, собранных М. А. Кастреном в 1847 г. [Татаринцев 1973а; Татаринцев 2009: 4—12] и В. В. Радловым в 1861 г. [Татаринцев 1973б; Татаринцев 2009: 12—22], — первых достоверных сведений по тувинскому и тофаларскому языкам, источников, приобретших к тому времени, благодаря профессионализму собирателей, статус хоть и не древних, но в какой-то мере исторических источников. Позднее аналогичный анализ Б. И. Татаринцев проделал и в отношении материалов Н. Ф. Катанова [Татаринцев 1983а; Татаринцев 2009: 22—29].

Одной из побудительных причин внимания Бориса Исаковича к старым материалам было его желание найти реальные доказательства теории, выдвинутой М. А. Кастреном и поддержанной поначалу В. В. Радловым, а потом и другими учеными, о самодийской подоснове тувинского этноса и, следовательно, языка, с чем Б. И. Татаринцев решительно не согласился, заявив: «Что касается участия самодийского компонента в этногенезе тувинцев, то его роль нередко представлялась М. А. Кастреном упрощенно и преувеличивалась им. Сам факт наличия такого компонента признается и современной исторической наукой. Однако в лингвистическом плане эта проблема, связанная с происхождением тувинского языка, остается еще неразработанной и ждет своего решения» [Татаринцев 2009: 10—11]. На этой позиции, обретенной им уже в начальный период изучения лексических материалов тувинского языка, Б. И. Татаринцев оставался до конца. Но в связи с критикой точки зрения М. А. Кастрена о «самодийском вкладе» Борис Исакович всячески подчеркивает, что именно М. А. Кастрен первым в науке определил тюркский характер тувинского и тофаларского языков.

Погружение в проблемы соотношения тувинского с другими ареально близкими тюркскими и нетюркскими языками приводит Б. И. Татаринцева к убеждению, что решать их нужно прежде всего на ма-

териале самого тувинского языка и близких ему языков / диалектов: тофаларского, цэнгэльского, уйгуро-урянхайского, кёк-мончакского. При отсутствии памятников история этих языков в свернутом и часто запутанном виде содержится в них самих, откладывается в переплетениях семантических нюансов современных лексем, распутывание которых помогает выстроить диахронию их последовательных изменений и выявить этимон — первоначальное семантическое ядро, или мотивирующий семантический признак (далее — МСП), заложенный в корне слова [Татаринцев 1985а]. С чуть бóльшим креном в сторону описания типов и подтипов семантических линий многозначных слов в синхронии языка Б. И. Татаринцев реализовал этот подход в книге «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» [Татаринцев 1987], по материалам которой в 1988 г. он успешно защитил докторскую диссертацию в Институте языкознания РАН (Москва).

Однако к тому времени Б. И. Татаринцев уже давно напряженно трудился над созданием этимологического словаря тувинского языка [Татаринцев 1983б]. Принятая им в качестве обязательного рабочего приема реконструкция МСП гарантирует исследователя, как считал Борис Исакович, от «пустых» этимологий, содержащих лишь формально-фонетическую реконструкцию — без ответа на главный познавательный вопрос: «А что послужило основой для данной номинации в далеком прошлом данной группы языков?». Кроме того, этот прием помогает свести в одно гнездо сильно разошедшиеся лексемы [Татаринцев 1988; Татаринцев 2009: 112—121].

Но наиболее важная контрольная функция реконструкции МСП заключается в отсечении этимологических отождествлений, как стремился показать и доказать Борис Исакович, «просто похожих, созвучных слов, семантически не являющихся гомогенными». Особенно грешат этим, как считал Б. И. Татаринцев, алтаистические сближения — в области алтайского родства Борис Исакович был убежденный скептик. Конечно, грань между словами гомогенными и семантически далекими и, в противовес им, — гетерогенными и семантически сходными — тонкая. Отсутствие детальной этимологической проработки семантем фонетически сходных слов в каждой «алтайской» ветви не всегда позволяет уловить эту грань и определить их истинное соотношение — гомо- или гетерогенность. По этой причине Б. И. Татаринцев и настаивал на семантической проработке сближаемых лексем.

В сходном критическом русле Борис Исакович высказывал свое отношение к этимологическим веяниям, базирующимся на работах западных и отечественных лингвистов-компаративистов, постулировавших длительные до- и раннеисторические контакты тюркских языков с языками других семей — монгольскими, тунгусо-маньчжурскими (в рамках алтайской семьи), а также с уральскими, индоевропейскими и др. Так, в противовес известному выведению К. Г. Менгесом тюркского *балта* 'топор' из ассиро-вавилонского *pāštu* 'топор' Б. И. Татаринцев приводит достаточно правдоподобный ряд гомогенных тюркских образований: *балта*, *балка*, *бала* и т. д., — «обозначающих предметы (в основном различные орудия), более или менее массивные, тяжелые, с помощью которых наносится сильный удар или оказывается сильное давление» [Татаринцев 2009: 123].

Обобщая критическое рассмотрение целого ряда сближений тюркских слов с нетюркскими, Борис Исакович предупреждал: «Мы считаем, что до тех пор, пока не исчерпаны возможности этимологии слов, относящихся к базисной лексике, как исконных для данного языка или группы родственных языков, прибегать к версии иноязычного происхождения подобных слов неоправданно. Во всяком случае, к выдвиганию таких версий следует относиться с большей осторожностью. Тюркская же этимология, несмотря на ее заметное развитие в последние десятилетия, еще далеко не достигла того уровня, когда возможности исконной (генуинной) этимологии использованы достаточно полно» [Татаринцев 1999: 207].

Сочетание указанных рабочих приемов, теоретически осмысленных и практически апробированных, Б. И. Татаринцев возводит в принцип своих этимологических разысканий. Эти приемы он последовательно проводит в статьях своего выдающегося труда — четырех опубликованных томов (на буквы «А» и «Б» [ЭСТувЯ, 1]; «Д», «Е», «И» и «Й» [ЭСТувЯ, 2]; «К» и «Л» [ЭСТувЯ, 3]; «М», «Н», «О», «Ө» и «П» [ЭСТувЯ, 4]), общим объемом почти 90 п. л., и одного, как уже было сказано, пока не опубликованного тома на букву «С». Разбор столь обширного труда, полного новых, иногда неожиданных решений, никак не входит в задачу этих кратких заметок — это тема более обстоятельного разговора.

Здесь мы постарались показать, как долго и постепенно формировались подходы и принципы Б. И. Татаринцева к тувинской и вообще — тюркской этимологии. За их реализацией в «Этимологическом словаре тувинского языка» лучше наблюдать не по пересказу, а непосредственно: скучно не будет. Когда читаешь про очевидную вещь, почему-то все равно ждешь подтверждения ее тривиальности от автора. Рассмотрение более сложных случаев чаще всего включает одно или ряд критических замечаний, сталкивание разных посылов, и тогда эта интрига уже не отпускает читателя до конца статьи, даже если она на несколько страниц. При всей строгости и даже придирчивости Бориса Исаковича к огрехам формально-фонетической или семантической реконструкции предшественников он умел не только ис-

пользовать, привлечь в арсенал своих аргументов на первый взгляд, казалось бы, почти нестоящие, шаткие, противоречивые суждения, но и удивительным образом соединить отдельные стороны таких суждений. Приведем характерный пример.

Тувинское слово *хоорай* 'город' А. А. Пальмбаха посчитал адаптацией русского *город* [гóрьт], с чем Ш. Ч. Сат не согласился из-за двух формально-фонетических противоречий: 1) тувинский *й* не может чередоваться с русским *д/т*; 2) русский ударный (т. е. долгий) гласный *о* не соответствует тувинскому долготу в этом слове, т. к. тувинский долгий гласный имеет назализованный характер (*ō*), что предполагает его происхождение из группы **-оңо- ~ -оңа-*. Ш. Ч. Сат, сославшись на сведения Л. П. Потапова о том, что у алтайцев есть топоним *Конграй*, обозначающий Сагайскую степь Минусинской котловины, а также на сведения Н. Ф. Катанова о том, что сходное с *Конграй* географическое название *Хонгарай* было в конце XIX в. в ходу у тофаларов, которые обозначали им Красноярск, высказал предположение, что тувинское *хоорай* 'город' восходит к тюркскому слову *конграй ~ хонгарай*. Поскольку Ш. Ч. Сат не обозначил семантику этого прототипа, Б. И. Татаринцев привлек сообщение М. А. Кастрена о том, что «татары» (тюркоязычные племена) Южной Сибири, платящие дань в Красноярск, называют его *Конгорой* — в значении «место, в котором звонят в колокола». В этом случае, по мнению Бориса Исаковича, мотивирующий признак названия соответствует звукоподражательной семантике основы *конгор- ~ хонгор-* [Татаринцев 1974: 22—23].

Однако позднее Б. И. Татаринцев привлек новые данные по семантике и прагматике прототипа данного слова и отошел от своей первоначальной версии, посчитав, что звукосемантическая семантика у *Конграй* и других соответствий тувинского *хоорай* была, скорее всего, результатом вторичного переосмысления слов [Татаринцев 1985б; Татаринцев 2009: 98—103]. Первичной же, а точнее сказать — более ранней, была привязка к названию местностей. На карте Ф. И. Страленберга словом *Хонхорой* (что не ускользнуло от внимания В. Я. Бутанаева) обозначены долина р. Абакан и Западные Саяны. У современных хакасов-качинцев слово *хоорай*, по данным В. Я. Бутанаева, служит наименованием местности по р. Кача и среднему течению р. Енисей, т. е. там, где располагается г. Красноярск. По данным Е. К. Яковлева, словом *хорай* (в записи с пропущенной долготой и назальностью) называют Минусинскую округу тувинцы-маады. Вместе с тем этимологически близкая форма *хонру*, возможно, применялась алтайцами и тувинцами как этническое название для хакасов, а также для русских. Последнее тоже, по мнению Б. И. Татаринцева, является результатом вторичного переосмысления.

«Таким образом, — считает Борис Исакович, — *хоорай* (с его вариантами) явно было каким-то древним словом, характеризующим определенную местность и, возможно, восходящим к еще более древнему географическому термину (ср. телеут. *коңырай* 'степь'), а также выступающим в качестве этнонима или нарицательного обозначения народа вообще (хак. *хоорай* 'народные массы')» [Татаринцев 2009: 101].

Однако Б. И. Татаринцев пытается «докопаться» до этимона, для чего привлекает материалы близкородственного якутского языка, где в различных употреблениях явно архаичных слов *хоңоро* и *хоңорой* имеется «общий момент: связь с чем-то крупным, значительным (высоким, массивным и т. д.) и, конкретной, — с природными объектами, характеризующими горную или горно-степную местность» [Татаринцев 2009: 102]. В формально-морфологический анализ Б. И. Татаринцев не углубляется, ограничившись замечанием: «Структурно слова *Коңрай*, *хоңорой*, *хоңор*, *хоор* и им подобные не очень ясны, но вполне вероятна их связь с именем *коң*, отмеченным в ряде тюркских языков, а также в монгольских с семантикой типа 'мышцы, мускулы; мясистая часть бедра' и др. (ср. также тув. *коң эт* 'мясо без костей, мякоть; туша') и являющимся, таким образом, обозначением крупных, массивных объектов» [там же: 102] (что опять подтверждает основную этимологическую идею Бориса Исаковича).

Безвременный уход автора «Этимологического словаря тувинского языка», которому ученому посвятил почти половину своей жизни, оставил это грандиозное предприятие незавершенным примерно на одну треть. Это количественно много, но еще важнее качественная сторона дела: когда еще заступит на эту трудную вахту человек, столь зоркий и ответственный, бескомпромиссный и самоотверженный, знающий, трудолюбивый и талантливый, как наш незабвенный коллега, товарищ и друг Борис Исакович Татаринцев?!

Сокращения

МСП — мотивирующий семантический признак
 телеут. — телеутский
 тув. — тувинский
 хак. — хакасский

Литература

Татаринцев 1968 — *Татаринцев Б. И.* Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1968. {*Tatarincev B. I.* Vlijanie leksiki ruskogo i mongol'skogo jazykov na razvitie leksičeskoj sistemy sovremennogo tuvinskogo literaturnogo jazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 1968.}

Татаринцев 1973а — *Татаринцев Б. И.* Языковые материалы по Туве в публикациях М. А. Кастрена // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 181—190. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 4—12.) {*Tatarincev B. I.* Jazykovye materialy po Tuve v publikacijax M. A. Kastrena // Učenyje zapiski TNIJJaLI. Vyp. XVI. Kyzyl, 1973. S. 181—190. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 4—12.)}

Татаринцев 1973б — *Татаринцев Б. И.* О материалах В. В. Радлова по тувинскому языку // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 169—180. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 12—22.) {*Tatarincev B. I.* O materialax V. V. Radlova po tuvinskomu jazyku // Učenyje zapiski TNIJJaLI. Vyp. XVI. Kyzyl, 1973. S. 169—180. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 12—22.)}

Татаринцев 1974 — *Татаринцев Б. И.* Русские лексические заимствования в тувинском языке. Кызыл, 1974. {*Tatarincev B. I.* Russkie leksičeskie zaimstvovanija v tuvinskom jazyke. Kyzyl, 1974.}

Татаринцев 1983а — *Татаринцев Б. И.* О научном наследии Н. Ф. Катанова и его месте в тюркской и тувинской филологии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С. 101—109. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 22—29.) {*Tatarincev B. I.* O naučnom nasledii N. F. Katanova i ego meste v t'urkskoj i tuvinskoj filologii // Voprosy tuvinskoj filologii. Kyzyl, 1983. S. 101—109. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 22—29.)}

Татаринцев 1983б — *Татаринцев Б. И.* О проблемах составления этимологического словаря тувинского языка // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С. 44—52. {*Tatarincev B. I.* O problemax sostavlenija etimologičeskogo slovar'a tuvinskogo jazyka // Voprosy tuvinskoj filologii. Kyzyl, 1983. S. 44—52.}

Татаринцев 1985а — *Татаринцев Б. И.* О реконструкции мотивирующего семантического признака в процессе этимологизации // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 35—42. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 103—112.) {*Tatarincev B. I.* O rekonstrukcii motivirujuščego semantičeskogo priznaka v processe etimologizacii // Teorija i praktika etimologičeskix issledovanij. M., 1985. S. 35—42. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 103—112.)}

Татаринцев 1985б — *Татаринцев Б. И.* Об одном предполагаемом русском заимствовании // Русский язык в Туве. Кызыл, 1985. С. 152—159. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 98—103.) {*Tatarincev B. I.* Ob odnom predpolagaемом russkom zaimstvovanii // Russkij jazyk v Tuve. Kyzyl, 1985. S. 152—159. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 98—103.)}

Татаринцев 1987 — *Татаринцев Б. И.* Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. {*Tatarincev B. I.* Smyslovyje sv'azi i otnošenija slov v tuvinskom jazyke. M., 1987.}

Татаринцев 1988 — *Татаринцев Б. И.* О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов // Советская тюркология. 1988, 1. С. 20—27. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 112—121.) {*Tatarincev B. I.* O specifike semantičeskoj rekonstrukcii v uslovijax otdalennosti značenij mnogoznačnyx slov // Sovetskaja t'urkologija. 1988, 1. S. 20—27. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 112—121.)}

Татаринцев 1990 — *Татаринцев Б. И.* Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и «алтаизмов» (на примере общетюркской бытовой лексики) // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990. С. 145—152. (= Избранные научные труды. Кызыл, 2009. С. 121—126.) {*Tatarincev B. I.* Ob etimologii nekotoryx predpolagaемых zaimstvovanij i "altaizmov" (na primere obščet'urkskoj bytovoj leksiki) // Problemy etimologii t'urkskix jazykov. Alma-Ata, 1990. S. 145—152. (= Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009. S. 121—126.)}

Татаринцев 1999 — *Татаринцев Б. И.* О предполагаемых уральских и тунгусо-маньчжурских заимствованиях в лексике тюркских языков // Языки коренных народов Сибири: Сборник научных трудов. Вып. 5. Новосибирск, 1999. С. 197—207. {*Tatarincev B. I.* O predpolagaемых ural'skix i tunguso-man'čžurskix zaimstvovanijax v leksike t'urkskix jazykov // Jazyki korennyx narodov Sibiri: Sbornik naučnyx trudov. Vyp. 5. Novosibirsk, 1999. S. 197—207.}

Татаринцев 2009 — *Татаринцев Б. И.* Избранные научные труды. Кызыл, 2009. {*Tatarincev B. I.* Izbrannye naučnye trudy. Kyzyl, 2009.}

ЭСТУВЯ — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1—4. Новосибирск, 2000—2009. {*Tatarincev B. I.* Etimologičeskij slovar' tuvinskogo jazyka. T. 1—4. Novosibirsk, 2000—2009.}

**Олонхо современных олонхосутов:
о проблемах сохранения и издания эпических текстов¹**

Томская Д. А. Үчүгэй Үөдьүгүэйэн, Куһаҕан Ходьугур (= Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур) / Пер. Сидоров Е. С. Сост. Илларионов В. В., Никифорова В. С. Отв. ред. Шейкин Ю. И. Ред. [Алексеев Н. А.] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. Институт «Олонхо». Арктический государственный институт искусств и культуры. Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2011. 376 с. ISBN 978-5-902198-10-9.

В 2005 г. якутский героический эпос-олонхо — единственный среди ряда столь же монументальных и уникальных эпических традиций народов Сибири² — был провозглашен ЮНЕСКО Шедевром устного и нематериального наследия человечества. Признание роли данного феномена в якутской культуре получило подтверждение и поддержку на республиканском уровне: появился Указ Президента Республики Саха (Якутия) об объявлении Десятилетия Олонхо (2005—2015 гг.), также была принята Государственная целевая программа «Сохранение, развитие и распространение эпоса Олонхо». Последним (по состоянию на 2005 г.) аутентичным сказителям-олонхосутам: Дарии Андреевне Томской и Петру Егоровичу Решетникову — была назначена пожизненная ежемесячная стипендия.

Одним из важнейших дел за прошедшие годы стало, как мне представляется, создание в конце 2010 г. Института Олонхо при Северо-Восточном Федеральном университете им. М. К. Аммосова, на базе которого 15 сотрудников ведут работу по дигитализации архивных материалов, их расшифровке, переводу, в целом по подготовке их к изданию и пропаганде всеми доступными способами.

На сегодняшний день на сайте Цифрового архива НИИ Олонхо (<http://iolonkho.s-vfu.ru>) пользователям доступны шесть эпических текстов: часть их доступна в форматах *.doc или *.docx, часть — в *.pdf. Это сказания Д. М. Говорова «Непобедимый Мюльджю Бёгё»³ (на якутском и русском языках), Н. Г. Тагорова «Неистовый Уол Эр Соготох» (также на якут. и рус.), В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» (на рус.), а также три текста на якутском: С. В. Петрова «Оҕо дьулаах бухатыыр» (запись от 30 мая 1960 г.), В. И. Иванова «Хоорула Боотур» (запись от 21 сентября 2010 г.) и литературный текст Ю. П. Борисова «Баабый Баатыр».

На этом же сайте представлены аудиозаписи: из 18 размещенных на сайте аудио-сиквенсов (<http://iolonkho.s-vfu.ru/archive/audios>) можно прослушать 11 — все это фрагменты из олонхо П. А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный» в исполнении Заслуженного артиста РСФСР, Народного артиста ЯАССР, Лауреата Государственной премии РС(Я) им. П. А. Ойунского Г. Г. Колесова. Гораздо более представительной является видео-подборка на данном сайте, но и здесь — если говорить о собственно эпических текстах — ни одно из четырех олонхо, записанных от Д. А. Томской («Тойон Нуотардыыр Бухатыыр», запись от 4 марта 1999 г.; «Тойон Өксөкү Бухатыыр. Хотугу Аныыл Баай Хатын. Улахан уол Күүстээх Күөнчэ Бухатыыр. Кыра уол Ыһыктыбат туттуулаах Ылыктай Баатыр», запись от 18 марта 1999 г.; «Кыыс Дьоргуллай Бухатыыр», запись от 10 июня 1999 г.) и П. Е. Решетникова («Айыы Дьураҕастай бухатыыр», август 2000 г.), недоступно для просмотра / прослушивания, равно как и сами видеофайлы недоступны для скачивания (при том, что опция «Скачать оригинальный файл» на сайте предусмотрена)⁴. Очевидно, что начатая работа еще далека от завершения.

Тем ценнее выглядит подарок, который в 2011 г. получили эпосоведы и все те, кто интересуется искусством современных якутских олонхосутов. Это олонхо «Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур», записанное в 1987 г. от Д. А. Томской (1913—2008) и изданное Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Данная публикация — это не только первое акаде-

¹ Выполнено в рамках работы по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

² На момент включения олонхо в этот список в живом бытовании только среди тюркских народов Сибири существовали следующие эпические традиции: шорская, южноалтайская (у алтай-кижи и теленгитов), хакасская (у сагайцев и кзылыльцев), тувинская и долганская.

³ Макет двухтомника в формате pdf. Полные выходные данные книги см.: [Говоров 2010].

⁴ Возможность доступа к аудио- и видеозаписям проверялась в браузерах Internet-Explorer и Mozilla Firefox.

мическое издание сказаний из репертуара этой сказительницы, но и, по сути, первая возможность для специалистов представить себе обширность и отчасти сюжетный состав олонхо в ее исполнении.

Книга состоит из блока вводных статей (В. В. Илларионова, В. С. Никифоровой и переводчика — Е. С. Сидорова), текста эпоса на якутском языке (с. 61—180), перевода на русский язык (с. 181—291), нотировок песенных эпизодов олонхо (с. 292—340), лингвистических комментариев к якутскому тексту (с. 341—354) и менее обширных, но несколько более пространных в части аналитики комментариев к переводу (с. 355—361), списка собственных имен персонажей олонхо с комментариями (с. 362—366), перечня видеозаписей исполнения олонхо Д. А. Томской (с. 367), а также списков сокращений (с. 368—369), использованных источников и литературы (с. 370—374).

Из безусловно положительных, заслуживающих одобрения характеристик этого издания особо следует отметить две. Во-первых, это осознанный отказ от какой-либо одной, единой формы подачи текста. Данное сказание имеет как отчетливо прозаические и прозиметрические отрывки, так и собственно песенные, поющие части. Именно поэтому части текста, переданные сказительницей речитативом / прозиметром или же в песенной форме, даны в стихотворной форме (266 отрывков), а те части, где исполнительница переходила на обычную прозу, даны именно как проза (192 отрывка)⁵.

Во-вторых, у читателя нет необходимости верить издателям лишь на слово: весь текст доступен для прослушивания на компакт-диске, прилагаемом к книге. Собственно говоря, CD содержит полный электронный вариант всей книги, но самой важной на диске, думается, является именно опция прослушивания аудиозаписи; продолжительность звучания файла — более четырех часов (276 минут)⁶.

Вместе с тем, как и любая большая работа, эта книга имеет ряд недостатков. Отмечу лишь главный из них. Речь идет о переводе текста на русский язык. В целом перевод выполнен весьма и весьма добротно. Его, наверное, можно было бы даже определить как научный (академический) перевод эпоса, хотя переводчик, будучи не в силах совладать с поэтикой текста и с очевидно архаической лексикой, отказался от идеи перевода «строка в строку»: четыре стиха оригинала порой переводятся на русский язык шестью (отрывок 22), десять — шестью (отрывок 64), одиннадцать — восемью (отрывок 126) и т. д.

То же ограничение «бы» подходит и в целом к добротному переводу текста, если иметь в виду именно качество перевода на русский язык, но именно здесь возникает больше всего претензий. Меня, например, совершенно не устроили следующие речевые конструкты: «старый старец» (с. 196), «достав из пазухи» (с. 227), «забили, освежили, сварили», «шкура выглядит, // Как брошенная три года тому» (с. 243), «спорую езде» (с. 244), «таково решение испокон // Священных отцов» (с. 250), «слушают внутри двора» (с. 252), «пусть будут неколебимы // Суставы гибкие твои» (с. 253), «с неведомых земель прибыли» (с. 256), «[камень] раскололся по верхушке» (с. 259), «Еда, что готовила я, // Прокисала, гнила до еды» (с. 262), «перерезала <...> наотрез» (с. 264), «попадем в гибельные случаи» (с. 265), «лежит простор», «страна неоглядная», «забился в обмороке» (с. 266), «срезают мясо» (с. 267), «кому же как не за тебя <...> выдавать <...> дочь» (с. 270), «пробило землю на девять печатных» (с. 286).

На самом деле такого рода неточностей в словоупотреблении, не говоря уже об орфографических и пунктуационных ошибках, значительно больше; важнее сказать о другом. Даже при том, что приведенный выше список можно было бы продолжить, я все же хочу еще раз сказать, что перевод в целом выполнен очень и очень хорошо. Вообще вся книга подготовлена качественно, и потому вряд ли был смысл экономить на приглашении профессиональных русскоязычных корректора и литературного редактора для работы с текстом русского перевода. Один день работы профессионалов — и взгляд русскоязычного читателя перестал бы спотыкаться о непонятные языковые конструкты, от чего книга, несомненно, лишь выиграла бы.

Есть и иного рода недоработки: например, в научном аппарате книги. К их числу я бы отнес, в частности, невозможность определения числа эпических текстов, которые удалось записать от Д. А. Томской. Из вводной статьи В. В. Илларионова и перечня видеозаписей исполнения олонхо этой сказительницей однозначный ответ получить не удастся хотя бы потому, что о записях, хранящихся в Доме народного творчества в Якутске, сказано, что там есть «еще несколько нерасшифрованных аудио- и видеозаписей олонхо» [Илларионов 2011: 7]. И хотя остальные тексты, судя по тому, что они точно называются, порой даже с указанием времени записи и объема текста (их набирается 14)⁷, оказываются доступ-

⁵ Принципы подачи текста оговорены во вступительной статье В. В. Илларионова [Илларионов 2011: 38].

⁶ Запись была произведена на трех аудиокассетах. Расшифрованный якутский текст сопровождается четкими указаниями на начало новой кассеты или стороны (первой и второй), что в дальнейшем (при необходимости уточнения расшифровки) может облегчить работу другим исследователям.

⁷ Таких текстов явно гораздо больше: см., например, список в рекламном буклете по случаю провозглашения олонхо Шедвром устного и нематериального наследия [Олонхо 2006: 13].

ными для исследователей, вводная статья знакомит читателя с основными сюжетными ходами лишь трех олонхо из репертуара Д. А. Томской. Помимо публикуемого текста, это еще два из трех олонхо, записанных лично автором предисловия в 1984—1987 гг.: «Эрбэбэр Эрчимнээх Элитэр Бэргэн» и «Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор, Элгээн Ийэхсит эмээхсин». Однако, каковы причины отбора именно данных трех текстов (вряд ли они отражают все сюжетное многообразие олонхо Д. А. Томской), не оговаривается.

Здесь, кстати, имеет смысл обратить внимание коллег на опыт цифровой обработки объемных фольклорных текстов на материале иных эпических традиций. В случае создания многофункционального корпуса текстов олонхо у издателей отпадет необходимость «выбора» одного / двух / трех текстов для показа специфики эпического репертуара, мотивов, персонажей, формул эпического репертуара того или иного сказителя (во всех случаях это будет явной натяжкой, т. к. часть редко, особенно в случае с героическим эпосом, отражает целое), поскольку в распоряжении исследователей окажется весь корпус сказаний, записанных от данного исполнителя. Это позволит в доли секунды составлять обычные и обратные словари одного или нескольких текстов (иначе говоря, словари эпического языка конкретных сказителей), сравнивать списки словоформ в любом количестве текстов, выявлять частотность тех или иных словоупотреблений, анализировать структуру любых словосочетаний, выявлять формулы и любые иные общие места и многое другое. Как показывает мой собственный опыт работы с шорскими текстами героического эпоса, всего за два года, работая в одиночку (фактически — в свободное от работы время), можно ввести в такого рода корпус десятки объемных эпических текстов, причем сразу параллельно в исходном (расшифровка аудио- или видеозаписи или набор рукописных записей / самозаписей) и в стандартизированном, иначе говоря, нормализованном виде (см.: corpora.iea.ras.ru).

Обзор книги был начат с указания на невозможность прослушивания или просмотра записей аутентичного исполнения олонхо на сайте Цифрового архива НИИ Олонхо. Хочется надеяться, что создатели архива не забудут о том, что олонхо является достоянием не людей, которые их записали (честь и хвала им!), и не архивов, в которых эти тексты хранятся, и даже не сказителей, которые сохранили и (вос)создали их в момент исполнения / записи, а всего человечества, и потому все сохранившиеся записи в самое ближайшее время окажутся доступными on-line для всех заинтересованных читателей и особенно исследователей. Чем больше будет попыток адекватных расшифровок аудиозаписей, переводов записанных текстов на иные языки, аналитических комментариев, тем больше выиграет и олонховедение в частности и наука в целом. Банальная мысль, но — как показывает опыт общения с российскими государственными и особенно академическими архивами и с их «(о)хранителями» — весьма и весьма злободневная.

И последняя ремарка. И хвалить книгу, и продолжать список замечаний или предложений можно было бы еще долго. Все же я хотел бы, суммируя свои впечатления от прочитанного, посоветовать читать эту книгу. Она будет, безусловно, полезна специалистам в области языка, фольклора и этнографии народов Сибири и (столь же безусловно) интересна всем любителям устной народной поэзии.

Сокращения

рус. — русский

якут. — якутский

Литература

Говоров 2010 — Говоров Д. М. Непобедимый Мюльджю Бёгё (= Мүлдү Бөбө): Олонхо. В 2-х кн. Якутск, 2010. {*Govorov D. M. Nepobedimyj M'ul'dž'u B'og'o: Olonxo. V 2-x kn. Jakutsk, 2010.*}

Илларионов 2011 — Илларионов В. В. Эпический репертуар верхоянской сказительницы Д. А. Томской // Томская Д. А. Үчүгэй Үөдүгүйээн, Куһаҕан Ходьугур (= Ючюгэй Юдогюйэн, Кусаган Ходжугур) / Пер. Сидоров Е. С. Сост. Илларионов В. В., Никифорова В. С. Отв. ред. Шейкин Ю. И. Ред. Алексеев Н. А. Якутск, 2011. С. 5—39. {*Illarionov V. V. Epičeskij repertuar verhojanskoj skazitel'nicy D. A. Tomskoj // Tomskaja D. A. Juč'ugej Jud'ug'ujen, Kusagan Hodžugur*} / Per. Sidorov E. S. Sost. Illarionov V. V., Nikiforova V. S. Otv. red. Šejkin Ju. I. Red. Alekseev N. A. Jakutsk, 2011. S. 5—39.}

Олонхо 2006 — Якутский героический эпос Олонхо — Шедевр Устного и Нематериального Культурного Наследия Человечества (25 ноября 2005 г.; штаб-квартира ЮНЕСКО, г. Париж) / Гл. ред. Захарова А. Е. Якутск, 2006. {*Jakutskij geroičeskij epos Olonxo — Šedevr Ustnogo i Nematerial'nogo Kul'turnogo Nasledija Čelovečestva (25 nojabr'a 2005 g.; štab-kvartira JuNESKO, g. Pariž)*} / Gl. red. Zaxarova A. E. Jakutsk, 2006.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helinski 2007 — *Helinski E.* База данных энецкого языка // www.helinski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб.;
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб.;
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб.
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB;
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;
 - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB;
 - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB;
- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;
 - price for a single printed issue without subscription is 49 €;
 - price for a single electronic issue without subscription is 29 €.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;
- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№ (номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№ (номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

